

В. Шаранова

*Передаю
в наследство
память*

Соч. 23

КОНЦЕРТ № 1

(в-молл)

ДЛЯ ФОРТЕПИАНО

с сопровождением оркестра
(Вторая редакция)

Тереложение для 2 фортепиано в 4 руки

(Для исполнения необходимо 2 экземпляра)

R. TSCHAIKOWSKY

*Вивсеи
Релет
и ур
сло
ладренила
ноч
релие
а, т
е д
ты, го
Не пр
Ако ат
твою*

*руках возмуть т... сатра
ночь твою. Не успе...
дня. Ако на сн...
имя мое. Возв...
цуну ео и просле...*

нет музыки
много радости

Ты орен
Только ма
рано поз
ребен
Ты нежно
раман. Д
хорошим
А добро

добро
Ты орен
Будь счастлив
- добро! Все, котор
они поблиз
хорошо и приятно
не забудь, ты хор
ты так же и ост
добро и счастлив
ребен, поредо
очень модно, ты
так много неприя
в жизни. Ты хо

ББК 84Р7
Ш25

Шарапова В.Г.
Ш25 Передаю в наследство память. — СПб., издательство «Петербург — XXI век», 2006.—284 с., ил.

ISBN 5-88485-137-5

ББК 84Р7

ISBN 5-88485-137-5

© В. Шарапова, 2005
© Д. Торкановская, предисловие, 2005
© А. Портнов, оформление, 2005

ОБ АВТОРЕ ЭТОЙ КНИГИ

ВАЛЕНТИНА ГАРЕГИНОВНА ШАРАПОВА... На протяжении многих лет мне посчастливилось быть рядом с этим удивительным человеком. Яркая, красивая, темпераментная и, бесспорно, очень одаренная! Наверное, я уже не могу быть к ней просто объективной — за долгие годы Валентина Гарегиновна стала для меня не только глубокоуважаемым коллегой, но и другом — моим и моей семьи, на всю оставшуюся жизнь. Человек она щедрый и многогранный. Очень цельный одновременно. В ней сочетается множество талантов.

Эта книга, в моем представлении, своеобразный коллаж из воспоминаний, удивительно острых и точных наблюдений и запоминающихся встреч и событий, безусловно интересных современному читателю.

Огромный жизненный опыт автора бесценен. Только на моей памяти скольким людям, опираясь на этот клад, сумела она помочь. И словом, и делом.

Валентина Григорьевна — так обращались к ней у нас в училище, — музыкальный педагог. И по образованию, и по призванию. Тридцать из сорока пяти педагогических лет отданы ею работе в педагогических училищах №1 и №5 г. Ленинграда. Здесь она с 1949 года преподавала ряд предметов музыкального цикла, в том числе методику музыкального воспитания, и возглавляла долгие годы, в Первом педагогическом, Комиссию предметов музыкального цикла. Творческой энергии ей не занимать! Обладательница удивительного, не всякому данного дара импровизации, более 20 лет она блестяще руководила теоретическим семинаром музыкального цикла, а «для души!» — так она сама определила, — в стенах училища ею был создан прекрасный музыкальный факультатив, бесконечно полюбившийся всем ее многочисленным и всегда немножко влюбленным в нее ученикам.

Она преподаватель от Бога. А мастерству в свое время училась у таких педагогов, как Николай Дмитриевич Успенский — крупнейший музыкант с мировым именем, была в классе Ольги Платоновны Малозёмовой (вы прочтете о ней на страницах этой книги) и... Если бы не война, кто знает, как повернулась бы жизнь...

Откликаясь всем сердцем на происходящее в нашей далеко не совершенной жизни, на протяжении многих лет Валентина Гарегиновна верна еще одному своему пристрастию, которое всегда считала вторым призванием, — журналистике. *Пишу, что вижу, что волнует, / что в долгой памяти живет, / Хочу успеть всем поделиться, / ведь время быстро так течет...*

«Смена», «Санкт-Петербургские ведомости» — по сей день. Ее очерки о блокаде — «на вечное хранение потомкам» — в редакционном сейфе «Ведомостей». Вошли они и в «Книгу Памяти». Экспонируются в музеях «Дети блокадного города» и «Музы не молчали». К слову сказать, блокаду Валентина Гарегиновна переживала дважды. Второй раз — в Армении. И в 90-е годы летели к нам, в Петербург, ее незабываемые материалы оттуда: она была внештатным корреспондентом «Голоса Армении», ведущей республиканской газеты. А сколько было публикаций в профессиональной педагогической прессе! Сотрудничала в Московском педагогическом журнале, публиковалась на страницах журнала «Дошкольное воспитание».

«Отличник народного просвещения РСФСР», «Отличник народного просвещения СССР», награждена медалями «За оборону Ленинграда» и «Георгий Жуков». Она — великий труженик! И как бы ни складывалась жизнь — всегда верна музыкальной педагогике. Работает по сей день. У нее о г р о м н о е число учеников и последователей.

В рассказе о себе Валентина Гарегиновна поведала далеко не обо всем — она не профессиональный писатель, — но даже то, о чем она написала так доверительно и открыто, интересно само по себе, как факт уникальной человеческой жизни, где жизнь «для себя» равняется жизни «для всех» и каждого, кто оказался волею судеб рядом.

Через всю жизнь, какими бы трудными ни были времена, сумела она с достоинством истинного интеллигента пронести несгибаемую веру в добро и красоту человеческих отношений.

... Вот уже 46 лет продолжается наша дружба, и я благодарю свою судьбу за встречу с дорогой Валентиной Гарегиновной, за то, что наши пути в этой суровой и полной неожиданных поворотов жизни не разошлись, а наоборот, упрочились, и теперь уже навсегда.

Джемма ТОРКАНОВСКАЯ,
филолог, в 1959–1988 гг. заведующая вечерним отделением
педагогических училищ № 1 и № 5 г. Ленинграда

Повесть моей жизни

Посвящаю моему сыну Саше

ЗДРАВСТВУЙТЕ на долгие годы, читающие мои строки, — хочу быть полезной вам, идущим по жизни вслед за мной. Все, что я напишу — это не только личное, но и общее для людей моего поколения, жителей XX века. Возможно, что-то из написанного будет востребованным — поможет и вам что-то понять, принять или даже переосмыслить в собственной жизни, а, может, просто задуматься о ней. Испокон веков память принято передавать как наследство. Недаром самым страшным наказанием в древнем Египте считалось наказание забвением.

Моя память хранит многое. Мне посчастливилось жить в окружении удивительных людей. О них я и буду писать. Они помогали мне порой переживать нечеловеческие трудности, находить в жизни точку опоры. А это очень, очень важно! Ведь знаний в мире куда как больше, чем мудрости, этого особого, неизменно опирающегося на жизненный опыт ума.

Известно, что люди меняются скорее, чем времена. Нередко мы ропщем, но, с возрастом — мудрея, — принимаем жизнь такой, какая она есть: когда мы стареем, в нас убывают силы и прибавляется благоразумия. В этом я убедилась на примере своем и окружающих. И память моя не отвергает никого. И ничего.

В моей книге — статьи, эссе, стихотворные строки и повесть. Это моя жизнь, моя сопричастность моему времени. Всё пережитое моим поколением и сформировало наши души. Мы умели дружить, и пронесли дружбу через все испытания. У нас был, и есть, великий дар сочувствия к боли других. Мы не утратили веры. Я прошла через трагедии XX века и достойные восхищения социальные преобразования. До сих пор я ищу Добро в жизни, а оно есть и имеет удивительную силу прорастать...

Мое поколение уже подошло к очень уважаемому возрасту, который называют патриаршими годами. Это возраст накопившегося опыта, мудрости. На Востоке говорят, что жемчуг находят только в старых раковинах. Вот и решила я, что мой опыт, моя память будут полезны и нужны молодому поколению.

Память — копилка бесценная,
Опыт в ней прожитых лет.
Она во многом история,
Нужна идущим вслед.

Во мне живет единство прожитого и пережитого. Многие жизненные понятия уже вроде устарели, ведь прогресс теснит прошлое, но для меня прошлое подобно книге, которую так интересно читать...

В. Шаганов

ВСЕ ИМЕЕТ СВОЕ НАЧАЛО, свой исток. Мой папа — армянин, Чзмечьян Гарегин Мартиросович. Закончив гимназию в Тифлисе, приехал в Петербург. Здесь он закончил университет и стал юристом. Здесь же, в свои двадцать с небольшим женился на Валентине Петровне Исаковой — пианистке. Но брак этот был недолгим. В 1918 году его жена Валентина скончалась от так называемой «испанки» (инфекционное заболевание). Папа остался жить с двумя ее тетушками (эта деталь важна для последующего осмысления моей жизни).

Через несколько лет отец женится на моей будущей маме. Разница в возрасте была 17 лет. Мама — русская, уроженка Петербурга. Тетушки, по доброте душевной, окружили ее исключительным вниманием. Немногословное ответное благородство моей мамы (в девичестве Капс, в ее корнях затерялись не то обрусевшие немцы, не то прибалты — эстонцы), выразилось в выборе моего имени. Когда на свет появилась я, меня по единодушному решению назвали Валей, в честь Валентины Петровны, и даже колясочку часто подвозили к ее пианино и уверяли потом меня, все вместе, что я необыкновенно рано начала прислушиваться к звукам.

Это был исток моей жизни, на Канонерской улице, 19/21.

Себя я помню примерно с трех лет. Когда мне было четыре годика, в нашей семье стала жить и заниматься моим воспитанием женщина, не похожая ни на кого из моего привычного домашнего окружения. Она, сразу ставшая «моей тетей Раей», приходилась родной сестрой двум нашим тетушкам, и была — монахиней. В прошлом. С приходом советской власти отсидела Раиса Алексеевна (за строительство монастыря) полагавшийся ей по новым временам срок. Но ни тюрьма, ни новая власть никак не поколебали ее Веры. Незаурядная это была личность. Память еще не раз обратит меня к этому удивительному человеку. А пока — вернемся на Канонерскую, где вполне безмятежно начиналась моя жизнь, мои университеты.

В садик я не ходила. Семья была для меня тем окружением, которое меня воспитывало, и всех их я очень любила. Время было трудное, но к нам постоянно приходили люди, звучало пианино, в доме музицировали. Среди папиных товарищей было немало профессиональных музыкантов. А другом всей его жизни был Орбели. Да, да, тот самый — будущий директор Эрмитажа, Иосиф Абгарович Орбели, для меня тогда просто обладатель невероятно колючей бороды, — из детских воспоминаний о нем осталось в памяти лишь это. Входя в дом, он имел привычку целовать меня в лобик, но, боясь этой колючей бороды, я всячески увертывалась от поцелуя.

Квартира у нас была большая. Примерно в 1929 году правительство города стало подселять в такие, на «лишнюю» площадь, нуждающихся. Так, к нам переехала семья бывшего придворного лекаря Николая Гуськова,

в состав которой, помимо Николая, входили его жена, Мария Михайловна, дочь Вера и сын Владимир. Когда-то они жили в Зимнем дворце: Гуськов пользовал придворных служащих, но потом их сослали на 101-й километр, в район Кингисеппа. Мария Михайловна была сверстницей моих тетушек. Я ее сразу полюбила, и стала называть просто Машенькой, хотя было ей в ту пору, наверное, уже к пятидесяти. Добрая, улыбочивая — она стала для меня абсолютным авторитетом, и любовь к ней приумножалась по мере моего взросления. Она буквально завораживала меня — сначала сказками, потом разными историями из жизни в деревне, где они жили в ссылке. Я неотлучно была там, где Машенька и тетя Рая. Это было мое окружение днем, когда остальные члены семьи были на работе.

Лето с тетей Раей я проводила в Поповке, под Ленинградом. Поповка — это всегда было счастье. Несмотря на то, что время моего детства вряд ли было простым, другого я просто не знала и считала всегда, что у меня оно самое счастливое. Дальше Поповки я не ездила, а потому почитала ее своей второй родиной.

Несколько слов об истории этих мест.

Во время строительства Николаевской железной дороги, связывающей Петербург с Москвой, помещик Подобедов купил прилегающие к будущему поселку земли и заселил их чиновниками-железнодорожниками. Охотно брали тут участки и представители столичной интеллигенции. По проектам талантливого архитектора Кондратьева в Поповке строили единственные в своем роде дома, которые не имели аналогов. Фантазия зодчего была беспредельной. Она удачно сочетала древнерусские мотивы с элементами западной и восточной архитектуры. Кондратьев был страстным путешественником, объездил старую Русь, побывал в странах Запада, Востока. Напротив дома архитектора — «нашего», была построена деревянная церковь и часовенка, напоминающие зодчество русского Севера. На значительном расстоянии была белокаменная церковь. Она была ближе к стилю храмов восемнадцатого века. (Помню, как однажды Анна Андреевна Ахматова, отложив на несколько часов свой отъезд, осталась послушать дивный перезвон этих церковных колоколов. Это был удивительной красоты колокольный звон...) Двухэтажный дом помещика Подобедова перекликался с западноевропейскими постройками, а дом самого архитектора, с высоким крыльцом, напоминал рубленый терем, увенчанный вышкой и устремленным в звездный мир телескопом.

Каждая дача имела свое лицо. Веранды переливались радугой разноцветных стекол.

Гордостью Поповки были две школы и театр. В нем многократно выступал Шаляпин и, как рассказывали старожилы, бывал, случалось, Федор Иванович, и в домах своих почитателей.

От станции по добротной проложенной колее ходила конка. Я этого уже не застала. Так было до революции. Я частично пишу со слов тех, кто меня окружал в Поповке в пору моего детства и юности. Итак...

Жила я в доме архитектора Кондратьева. Революция застала этого человека в Польше, и в Россию он не вернулся. Дом занимали две его сестры, учительницы. Муж одной из них, инженер-химик Леонид Николаевич Карпов, был товарищем моего отца по университету. Детей у них не было, и с раннего детства меня на все лето отвозили к ним. Это был мой мир. Сад напоминал парк. Было два пруда. Стояли статуи. Березовая аллея, яблоневый сад, еловая аллея, огород в несколько грядок, кусты цветов и кусты ягод. Все было в заброшенном состоянии. Хозяева были людьми пожилыми, поддерживать и обрабатывать всю эту природную красоту у них не было сил. Зато в доме бережно хранились многочисленные предметы быта стран Востока, которые коллекционировал Кондратьев. Из Индии и Китая он привез изумительные поделки из дерева, слоновой кости, кожи, камня. Все это стояло так, как было поставлено самим Кондратьевым. Большая гостиная напоминала музейную выставку. Дверь полутораметрового шкафа изображала дракона тончайшей деревянной резьбы. В гостиной стоял рояль пушкинских времен красного дерева, два вольтеровских кресла сдвигающейся полочкой для книги. В центре висела большая керосиновая лампа. Одно кресло стояло у окна, и через еловую густую аллею просматривалась калитка. Я любила в ожидании соседа-мальчика сидеть в кресле, читать газету «Ленинские искры» и поглядывать на калитку.

Наши хозяева дачи жили предельно скромно, но не позволяли себе даже думать о том, чтобы продать хотя бы одну вещь. Надеялись на то, что когда-нибудь брат непременно вернется, хотя связи с ним не было никакой. Сохранялась и уникальная библиотека, включавшая не только научную литературу. В ней было много детских книг. Хранились, среди прочих, книги далеких времен в переплетах из телячьей кожи. Доступная литература щедро выдавалась для чтения местным жителям. Я рано полюбила книги. Моя тетя Рая мне много читала, потом и я научилась читать и пересказывала прочитанное ребятам. Особенно любила книги с цветными иллюстрациями, даже сама пыталась рисовать, но ни навыков в этой области у меня не было, ни таланта особого к изобразительной деятельности.

Помимо нас с тетей Раей, в течение двух месяцев, здесь, на даче у Кондратьевых, на правах добрых знакомых жили мать и дочь Нардуччи. Мать, Ольга Николаевна Хомутова-Нардуччи, в свое время была солисткой в Мариинском оперном театре, пела ведущие партии. Во время гастролей в Петербурге известного итальянского певца Вергилия Нардуччи у нее был с ним роман, продолжением которого стало рождение девочки — Ольги, той

самой Ольги Вергильевны, которая жила вместе со своей мамой Ольгой Николаевной в одном с нами доме. Ей было уже к тому времени где-то под пятьдесят... Преподавала она вокал в музыкальном училище. Прекрасно играла на рояле, сама отлично пела и была очень ярким, интересным человеком. Я ее с малых лет просто обожала. Даже Ахматова с ней дружила.

На выходной день к Ольге Вергильевне частенько приезжали ее взрослые ученики. Она садилась за рояль и в переполненной комнате устраивались импровизированные концерты. Ее племянник — артист Александринского театра, читал «Казначейшу» и другие пикантные миниатюры, а мы, малыши, друг друга подталкивали, боялись, что нас прогонят спать. А утром следующего дня к роялю уже подсаживалась я, ведь мы с тетей Раей жили именно в этой комнате, и я подбирала по слуху то, что пели взрослые ученики Ольги Вергильевны. Играла и даже напевала, не понимая содержания взрослого репертуара. Например, куплеты француза из оперы «Евгений Онегин», которые принято исполнять на ломаном русском языке. Вальс Штрауса для колоратурного сопрано. Я копировала и получала удовольствие. Ольга Вергильевна первая заметила мои музыкальные способности, ведь я подбирала сразу двумя руками и чувствовала гармонию аккомпанемента в левой руке. Наверное, это и были мои первые шаги на пути к профессии музыканта. Было мне тогда лет пять—шесть.

Старинные рояли в Поповке были у многих. Вечерами звучала музыка из распахнутых окон.

Священник местной церкви, отец Михаил, был человеком уважаемым. И музыкальным. Дом батюшки всегда был открыт для музицирования. Его посещали мать и дочь Нардуччи. Хорошо пели две дочери отца Михаила. Людей сближала духовная пища, радовала, утешала, вызывала добрые ответные чувства. И мы, дети и юные, становились от общения с искусством добрее, умнее, тоньше.

Уважением пользовалась в Поповке и потомственная семья учителей Федоровых. Мария Александровна была директором школы, ее муж вел уроки пения. Оба посвятили себя воспитанию и обучению местной детворы. Их дочери — Таня и Галя, были моими сверстницами. Мы дружили, хотя их дом от нашей дачи был далеко.

Ежедневно я играла с мальчиком, который жил в доме напротив нас. Семья наши дружили. Звали мальчика Светик (Светозар). Он был старше меня на два года и в играх был заводилой. Играть к ним приходил и его товарищ, Игорь Солдатов, сын очень уважаемых в Поповке людей. Отец Игоря — Борис Федорович, был врачом-хирургом, а мама — фельдшером. Для жителей Поповки они в нужный момент были «скорой помощью». У Солдатовых тоже было пианино, и по просьбе Игоря я играла то, что было

в то время в моде. После такого «концерта» мы строили дома, крепости из песка, играли в поезд. В этой игре было всего три роли: машинист, кассир и пассажир. К моему огорчению, мне доверялась только роль пассажира. Я должна была «купить» листик-билет у Светика-кассира и сидеть, а Игорь свистел, размахивал красным флажком, «бросал уголь в топку»... Он был машинист. А я, признаться, очень хотела быть кассиршей. Но никто не хотел быть пассажиром, и мне приходилось мириться с хронической ролью «пассажирки». Так было года два подряд, только сюжет игры постепенно расширялся. Мы выросли. Мальчики уже учились в школе, умели читать, кататься на двухколесном велосипеде. Втроем в воскресенье мы ходили на станцию встречать гостей. Перед этим начищали зубным порошком белые парусиновые туфли. Вместе ходили на пруд, купаться. Игорь хорошо плавал и нырял «солдатиком», а мы со Светиком только плескались около берега. И очень ему завидовали. В лучшем случае брали с собой обычные наволочки, ртом надували наволочку и удавалось чуть-чуть продержаться на воде. Это уже была радость.

Зимой мы жили в Ленинграде на большом расстоянии друг от друга. Без сопровождения взрослых мальчики приезжали ко мне в дни каникул и на день рождения.

БОЛЬШИМ СОБЫТИЕМ для меня было поступление в музыкальную школу — по совету Ольги Вергильевны. Она же посоветовала моему папе пойти со мной на вступительный экзамен без подготовки. Втайне от всех домашних и привел меня папа, шестилетнюю, на прослушивание. Детских песен я почти не знала, играла по слуху то, что пели в нашем доме. Среди товарищей отца был профессиональный певец-тенор: он лихо пел арии и романсы в любом диапазоне, и я, так же лихо, ему аккомпанировала.

Экзамен проходил в зале. Дети поочередно поднимались на сцену, играли, пели, хлопали в ладоши по заданию и т.д. Тут же сидела комиссия, а родители сидели в зале и всё видели и слышали. Естественно, большинство детей к прослушиванию были подготовлены. Они пели детские песенки и проигрывали легкие пьески. Что касается меня, то, когда подошла моя очередь идти на сцену, мой папа помог мне на нее подняться и сказал: «Играй что умеешь». Когда меня спросили, что я сыграю и спою, я, не колеблясь, ответила: «Налейте, налейте бокалы полней!..» из оперы Верди «Травиата» — и заголосила. Комиссия и взрослые, еле сдерживаясь от смеха, попросили меня спеть еще что-нибудь. Я на ломаном языке, коверкая и не понимая значения слов, стала петь куплеты француза месье Трике... подражая папиному товарищу. Опять был взрыв смеха, но я осталась вполне довольна собой, ведь я играла и пела не хуже, чем дома.

Потом объявили, что результаты будут вывешены через несколько дней.

Придя домой, папа рассказал домочадцам, что водил меня на экзамен в музыкальную школу. Мама была в ужасе, узнав о том репертуаре, который я демонстрировала, сказала, что над ребенком потешались, что это срам и об этом уже сегодня будет известно всем! В довершение всего она запретила папе переступать порог музыкальной школы и узнавать результат... Папа ничего не отвечал, делал вид, что согласен, а в назначенный день пришел в музыкальную школу.

В списке против моей фамилии было написано: зайти в учебную часть. Бедный папа пошел... В учебной части ему сказали, что девочку хочет прослушать главный методист, и назначили день и час. Вернувшись домой, папа объявил о решении комиссии. Тут мама развернула активную деятельность. Пригласила знакомую учительницу музыки, и та стала меня готовить. Научила петь детские песни, которые я быстро подобрала по слуху двумя руками. Мне внушили, что только эти песни я должна петь и играть, а «Налейте, налейте бокалы» — забыть. Я вроде все поняла, и в назначенное время папа привел меня на вторичное прослушивание.

За закрытой дверью слышалась игра на фортепиано. Через некоторое время вышла учительница, пригласила меня в класс, а папа остался в коридоре. Учительница подвела меня к роялю и попросила спеть и сыграть то, что я умею. Я сыграла и спела песенку про кошечку. Учительница похвалила и сказала сыграть и спеть то, что я пела при комиссии. Я заиграла и запела песенку про птичку. Учительница опять настойчиво попросила сыграть то, что я играла раньше. Однако я помнила запрет мамы и опять начала играть другую, д е т с к у ю песню. Тут учительница поняла, что нужно пригласить папу. Папа вошел в класс и сказал, чтобы я играла «Налейте, налейте бокалы полней...» Я бойко заиграла, заголосила на весь класс, и этого было достаточно, чтобы меня приняли в музыкальную школу имени Римского-Корсакова. Я играла в гармонии, близкой к оригиналу.

А дальше меня стали учить нотам. Я ничего не хотела запоминать, мне не нравилось смотреть в ноты и переводить их в звучание на клавиатуру. Я все хотела играть по слуху... Спасибо моей первой учительнице — Марии Владимировне Равинской! Я все же научилась играть по нотам. Правда, любила импровизировать: детские пьески я играла по-своему. В таких случаях Мария Владимировна говорила: «Это пьеса твоя и композитора Майкапара». Она поощряла мою игру по слуху, хотя в то время музыкальная педагогика не рекомендовала подобные эксперименты. Со временем Мария Владимировна передала меня в класс известному педагогу, сподвижнице Петра Ильича Чайковского — Ольге Платоновне Малозёмовой. Ученики ее класса прекрасно играли. Они были старше меня. Надо заметить, что Ольга

Платоновна брала к себе в класс выборочно, только после конкурсного отбора. Лишь определив во мне искорку таланта, взяла к себе и меня. Надежды я оправдала, но поначалу едва выдерживала навалившуюся на меня нагрузку, — были и слезы. А потом я втянулась, увлеклась и даже радовала своих учителей.

Моим учителем сольфеджио был прекрасный музыкант и педагог — Николай Дмитриевич Успенский. Он называл меня «крошкой», ведь я была самая маленькая. Николай Дмитриевич очень уважал Ольгу Платоновну, заходил в ее класс слушать учеников и бывал ассистентом на экзаменах. Через какое-то время я стала радовать свою учительницу. На конкурсе юных дарований я брала призовые места. Сохранилась записка, написанная Малоземовой моей маме, в которой она пишет, что комиссия была поражена, как владеет роялем 12-летняя девочка.

Однажды после конкурса Николай Дмитриевич Успенский попросил мою тетьку Раю, которая неизменно меня провожала и ожидала в коридоре, привести меня к нему домой, чтобы я поиграла для его гостей на каком-то семейном празднике. Жил он на Театральной площади, вдвоем с женой. Помню, что была у них собака овчарка, а в одной из маленьких комнат — очень много растений. Это меня восхитило! Детей у них не было. В гостях я застала Борю Тернера (ученика моей учительницы). Потом мы с ним играли для приглашенных свою школьную программу и, по просьбе Николая Дмитриевича, я играла всякие вольности. Гости на это реагировали аплодисментами. О Николае Дмитриевиче я еще буду писать.

В обычную школу я пошла на год позже по причине того, что сломала правую руку и последовали осложнения. Это было в Поповке. Мы со Светиком перепрыгивали широкую сухую канаву, на дне которой были толстые корни огромной ели. Мы баловались. Сандальки у меня были скользкие, на лосевой подошве. Я упала и сломала две кости правой руки. Борис Федорович Солдатов наложил мне гипс, но рука прела, я двигала гипс и рука срослась кривой. Папа хотел, чтобы я стала пианисткой, как его первая жена, и согласился, чтобы руку мне вновь сломали. Помню травматологический институт, операционную, и профессора Озерова, который сел на операционный стол, на котором я лежала, положил ногу на ногу, взял мою ручку и о свое колено сломал сразу две кости безо всякого наркоза. Я только крикнула, а мама тут же упала в обморок. Не знаю, зачем ее пустили в операционную. Никаких слов утешения от профессора я не услышала. Он отчеканил: «Теперь будет рука прямая». Мне наложили гипс, и на этом все кончилось. В музыкальную школу я ходила только на уроки сольфеджио.

Теперь об общеобразовательной школе, ведь она живет в памяти каждого. Говоря музыкальным языком, школа — это запев всей жизни человека.

Мне посчастливилось учиться в школе, которая приняла первых учеников в 1914 году. Сейчас в ее помещении (переулок Матвеева, 1) находится музыкальное училище им. Н.А. Римского-Корсакова. Любопытно было узнать, что до 1849 года этим участком земли владели потомки Мусиных-Пушкиных, а в 1914-м, по проекту архитектора А.А. Гимпеля, тут построили здание, в котором разместили Училище при реформатских церквях, находившееся до той поры на Мойке, 38. В этом училище обучались немцы, эстонцы, русские, евреи, поляки. Позднее в доме разместили гимназию. До Октябрьской революции девочки и мальчики в ней учились раздельно. Учителя жили в доме по соседству. Наша школа имела некогда два отделения: русское и немецкое, потом немецкое было закрыто, и школа стала именоваться Единой советской трудовой школой № 34 Октябрьского района. Она была в правой половине здания, а в левой находилась школа № 6 Октябрьского района.

В 1932 году меня приняли в первый класс 34-й школы. С каждым поступающим ребенком лично беседовал директор — Тимофей Гаврилович Савранский. Это была школа, сохраняющая лучшие традиции прошлого. Огромное внимание в ней уделялось нравственному и эстетическому воспитанию. Бесплатные кружки вели прекрасные специалисты. Считалось великим счастьем учиться танцам у балерины Мариинского театра Софьи

Григорьевны Меримановой. Мариинский театр был шефом этой школы. Силами артистов в большом школьном зале постоянно устраивались концерты не только для учеников, но и для родителей, уже за плату. Собранные деньги передавались на нужды школы. Я помню выступления звезд того времени: Н.К. Печковского, В.Р. Ольховского, С.П. Преображенной.

В моем домашнем архиве сохранилась фотография — наш класс в 1938 году, традиционный «школьный портрет» (я — третья, слева направо, во 2-м ряду) — снимались в помещении школьной библиотеки, в нашей, тогда еще обычной, 34-й школе. В 1938 году здание 34-й школы было передано Консерватории под Музыкальную школу.

Не могу не вспомнить с благодарностью своих любимых школьных учителей. Они не были «звездами», но были настолько талантливы в своей профессии, что образ их остался в моей душе навсегда. Бетси Михайловна Писаревская... Она вела у нас уроки пения и музыки, она приобщала нас к большому искусству. С этого у многих из нас началось увлечение музыкальным театром, оперой. Хороших учителей не забывают! Вечная память им всем: М.И. Масленниковой, Н.А. Кирсановой, блестящему литератору Е.К. Вознесенскому, Е.М. Орловой, З.И. Галкиной, З.М. Беляевой, В.В. Баневич, Р. Бахтиной, М.А. Федоровой, М.И. Кирилловой...

Наша школа по праву гордилась своими воспитанниками. Среди выпускников есть и академики: лауреат Ленинской премии, ученый в области механики Борис Викторович Раушенбах; ученый-гистолог, один из основоположников эволюционной гистологии, генерал-майор медицинской службы Николай Григорьевич Хлопин; Лев Александрович Мелентьев, советский энергетик; артисты (назову лишь наиболее известных сегодня): Бруно Фрейндлих, Владимир Нильсен, Нина Дорлиак...

С 1956 года традиционные встречи выпускников проходили уже в помещении музыкального училища имени Н.А. Римского-Корсакова.

Сегодня в огромном (10 тысяч квадратных метров!) здании школы, в классах с прекрасной звуковой изоляцией занимаются талантливые ребята, которые посвятят себя искусству. Успехов им! Наверное, им будет интересно представить прошлое их здания, учеников того времени — своих дедушек и бабушек, которые ходили по тем же широким лестницам, учились в тех же классах, выступали на той же сцене...

Все повторяется, и в настоящем всегда есть прошлое, оно зримо, и живет в памяти.

ШКОЛА ШКОЛОЙ, а Новый год — волшебство, ни с чем не сравнимое. Особенно в детстве.

Как известно, до 1936 года празднование Рождества в государственном

масштабе было запрещено. Соответственно, нельзя было ставить и елки в Новый год. Но во многих семьях елочку все же ставили — по секрету, и окна в комнате зашторивали, чтобы не наводить подозрения на семью.

Это время года, когда под разукрашенным деревцем я находила подарки, любовалась зажженными свечами, я хорошо помню. Ощущение чуда долго не покидало мое детское воображение. Спасибо родителям, что не дали погаснуть свечам символической елки... Они щедро одаривали меня таинством этого волшебного Праздника.

Мне было лет десять-одиннадцать, когда впервые разрешили ставить елки в Новый год. Мой папа работал в то время в Промышленной академии. Она размещалась в Мариинском дворце, на Исаакиевской площади, где сейчас находится мэрия. Помню, как я с папой пошла на новогодний праздник, устроенный там для детей сотрудников.

В огромном зале красовалась нарядная елка. Вокруг толпились дети. Был и Дед Мороз. Только не было почему-то музыки. Рояль был закрыт. Видимо, организаторы, не имея опыта, плохо продумали ход праздника. Дети водили хороводы вокруг елки, а потом, конечно, захотелось всем танцевать, но под хлопки и пение веселье не получалось. Тогда папа подвел меня к инструменту, и я стала играть по слуху песни и пляски, которые бытовали в школе. Музыка быстро объединила всех, внесла радость и веселье. Кто-то из сотрудников доложил начальнику академии, что своей игрой я помогла состояться празднику, и начальник приказал подать маленькой пианистке свою служебную машину. Это была сверхнаграда! В то время в городе было мало легковых машин. На нашу Канонерскую они заезжали изредка, и это было целое событие.

Я в тот новогодний день впервые в жизни села в машину, да еще в такую, у которой была подножка. Моей радости не было предела! Папа же был горд.

Мы очень быстро выехали на Садовую, свернули на Канонерскую и подкатили к нашему дому. В это время ребята на проезжей части улицы играли в снежки. Появление легковой машины и ее остановка у нашего подъезда не могли не привлечь их внимания, ну а когда я вышла из машины — реакция была шоковой. Подобного не ожидали. В знак благодарности я помахала шоферу рукой, а мальчишки дружно побежали за авто, боясь упустить редкую возможность — вдохнуть в себя выхлопной газ. Такое было у них развлечение...

В СЕДЬМОМ КЛАССЕ я училась уже в школе на Садовой улице. Школа №34 стала именоваться 44-й. Состав учителей в основном сохранился. Это были истинные подвижники! Я по-прежнему очень любила своих учителей. Они учили нас мыслить, и мы очень уважительно к ним относились.

Дружить со Светозаром и Игорем мы продолжали. Зимой они приезжали ко мне, а летом мы вместе отдыхали. Я знала их товарищей по школе, они тоже знали моих одноклассников.

Помню себя четырнадцатилетнюю, когда Светик приехал ко мне после уроков с билетом в Музкомедию. Это было для меня неожиданностью. Мне нужно было написать сочинение по открытке, а он так настойчиво звал в театр... Потом он сам выбрал открытку с изображением сфинксов и начал строчить за меня!.. Я впервые в жизни одела мамины фильдеперсовые чулки, еле их с непривычки приспособила, и мы побежали к трамваю.

Был очень сильный мороз, один чулок у меня упал и, когда я стояла в трамвае, держась за верхнюю подвешенную ручку, мне сострадательно сказала одна женщина, что у меня чулок висит поверх ботика. Это был срам. Мы выскочили из трамвая на Невском, бегом побежали к театру, и чулок вновь у меня опустился, я запуталась в нем и чуть не упала. Это был мой первый взрослый самостоятельный выход, потом мы не раз его вспоминали...

Теперь я считаю своим долгом рассказать о моей тете Рае, глубоко верующей монахини-подвижнице, оставившей глубокий добрый след на моем жизненном пути.

Известно, что огонь одной свечи в храме может зажечь тысячи. Это относится и к духовности вообще. Ее огонь не меркнет, и никакие политические бури не способны погасить его. Так было во все времена.

Все, что я напишу, — узнала из личного общения с монахиней Досифеей, в миру Раисой Алексеевной Богомоловой, моей тетей Раей (старшей — из сестер Богомоловых). С ней я была рядом с четырех до семнадцати лет.

Родилась Раиса Алексеевна примерно в 80-х годах XIX столетия в богатой семье коренных жителей Санкт-Петербурга. Закончила гимназию. На старой дореволюционной фотографии, хранившейся в доме (увы, в годы войны потерявшейся), была запечатлена очаровательная девятнадцатилетняя девушка. Красивое, ясное лицо с выразительными лучистыми глазами. В девятнадцать не было у нее ни усталости, ни отчаяния, суета жизни ее еще не коснулась. Для нее были открыты лучшие салоны высших петербургских кругов, но она сразу после смерти родителей ушла, в 19 лет, в монастырь — полученный в наследство капитал полностью отдала на его строительство. Недавно я ознакомилась с архивными данными. Они впечатляют:

«Троице-Пятницкий женский монастырь Тверской губернии, Весьегонского уезда. Строительство храма начато в 1899 году, закончено в 1910 году. На строительство храма ушло свыше двух миллионов штук кирпича. В мо-

настыре было 20 колоколов. 1-й имел вес 456 пудов, 2-й — 309 пудов. Храм был построен в старорусском стиле. Имел драгоценнейшую отделку <...> утварь храма говорила о его великолепии».

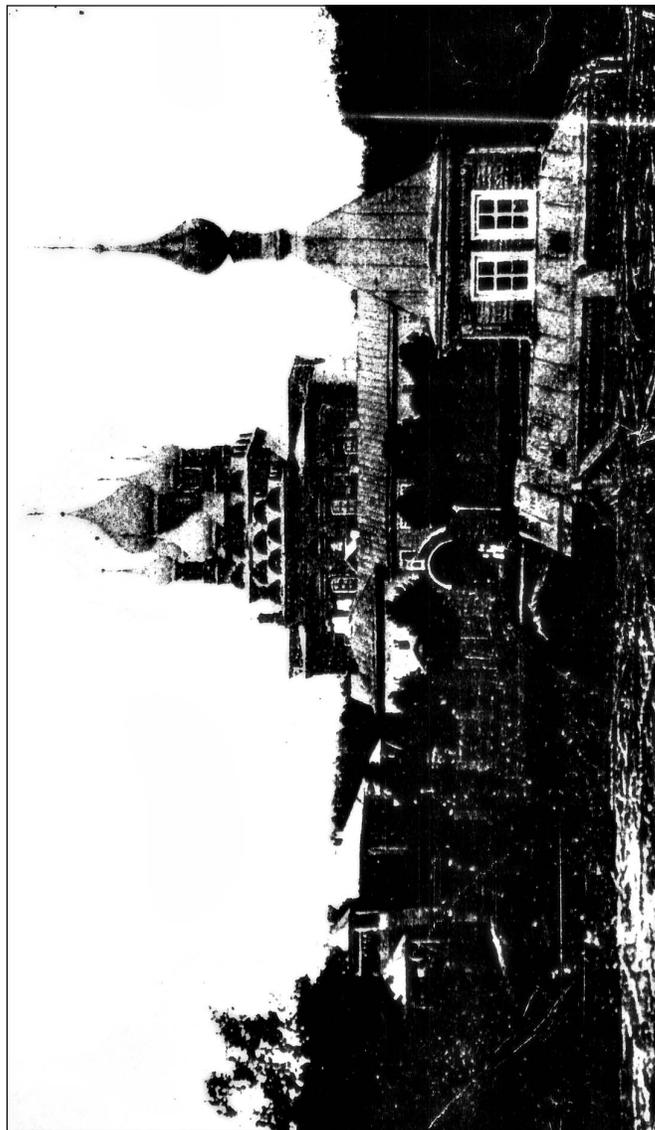
До сих пор нельзя однозначно ответить на вопрос: почему люди уходят в монастырь? Это очень деликатный вопрос, хотя я его много раз задавала тете Рае. Чаще всего, наверное, уход этот — желание найти свое назначение в жизни, созвучное миропониманию. Впрочем, любопытство несовместимо с таинством души.

После принятия пострига, в монашестве Раиса Алексеевна, как я уже писала, носила имя Досифея. Она прошла полагающиеся ступени иерархии и была в высоком духовном сане.

Хорошо помню, какой была тетя Рая, когда я впервые увидела ее. Она и в пожилом возрасте была красива. Бледное лицо с двумя маленькими родимыми пятнышками напоминало облик классической мадонны. Она как бы шагнула из своего прошлого в очень жестокое для нее время... Строительство монастыря стоило ей немало: она долго отсидела в тюрьме. Лишь в 1929 году папе удалось взять ее на поруки (бытовало тогда такое выражение). В тот год матушка Досифея круто изменила свой образ жизни.

Живя в нашей семье, где советский строй и уклад жизни принимались безоговорочно, Раиса Алексеевна никогда не заводила разговоров о Боге, не ходила, в Ленинграде, в церковь и не вносила, не дай Бог, никаких религиозных элементов в мое воспитание. Целые дни она трудилась по хозяйству и занималась мною. Время было несозвучное ее убеждениям. Но ожесточения на трудную судьбу у нее не было. Ее духовный мир был сосредоточен на другом. В отдельной полутемной комнате, отапливаемой керосинкой, жила она в окружении икон, книг и горящей лампы. Она терпеливо несла свой крест...

Из рассказов тети Раи я узнала, что она была знакома с сестрой писателя Толстого — Марией Николаевной, которая жила в Шамординском монастыре. В одну из своих поездок к ней матушка Досифея познакомилась там и с самим Львом Николаевичем. Об этом и о том, как потом Толстой приезжал лично к ней в Троице-Пятницкий монастырь на беседу, она многократно пыталась мне рассказать, но я была мала, да и в школе мы были так напичканы отрицательными образами царского времени, что после произнесения ею слова «граф» я категорически выражала свой протест и просила рассказывать только про сами поездки и про дорожные приключения. Мое воображение будоражили природные стихии, встречи с животными на пути... Вот такую интереснейшую возможность я упускала. Позднее я старалась прислушиваться и что-то осмысливать из разговоров взрослых, среди которых были такие друзья моего отца, как Орбели и Ахматова. Но это все потом...

Троице-Пятиницкий женский монастырь Тверской губернии, Весеьгонского уезда. Перед монастырем часовня в честь святой мученицы Параскевы.

Строительство этого храма, на который отдала весь свой капитал моя тетья Рая, велось как исполнение воли Всевышнего. Монастырь, возведенный вблизи города Весеьгонска Тверской губернии, был построен на месте падения крупного осколка метеорита. Огромный камень так и остался лежать у самого въезда в святую обитель. Монастырь и величали в народе «Камень». Сестры-монашки поддерживали здесь обычный для всех монастырей жизненный уклад. Молились, трудились вершили добрые дела. В монастырских мастерских вышивали бисером, стегали одеяла, занимались иконописью, трудились в цветнике, на огороде, на ферме и на пасеке. Вокруг были деревни. Матушка Досифея рассказывала мне про крестьянских ребят, я их даже знала по именам и представляла в своем воображении. Особенно любила слушать рассказы про цыган, про таборную жизнь, а их было много вокруг монастыря...

ИОСИФ АБГАРОВИЧ ОРБЕЛИ знал папу по Тифлису. Когда-то оба они приехали оттуда учиться в Петербургский университет. Папа впоследствии стал юристом, а Орбели — востоковедом. Дружбу они пронесли красиво, часто общались. Иосиф Абгарович дружил с Ахматовой, и, случалось, они вместе приходили к нам, на Канонерскую. Беседы велись за чашкой чая. Вникая в известные проблемы Анны Андреевны, мой папа, будучи неплохим юристом и очень мудрым человеком, давал, вероятно, ей какие-то необходимые советы. В конце этой, деловой, части общения папа подзывал меня, усаживал за пианино и я играла дорогим гостям. Потом он сам подсаживался к инструменту, брал флейту и уже «по заказу» мы играли по слуху классику и армянские мелодии. Голос флейты Ахматова очень любила, говорила, что в нем природа, человеческие эмоции. Анна Андреевна почему-то неизменно просила играть «Цицернак». Это о том, как птичка оплакивала свое разоренное на родине гнездо. Она обязательно заостряла внимание на тексте и каждый раз давала свои трогательные пояснения. Это мне очень запомнилось. А Иосиф Абгарович неизменно танцевал что-то вроде лезгинки. Папа на столе руками отстукивал барабанную дробь с различными вариациями. Его удары для меня были ведущими, я подхватывала ритм и аккомпанировала. Иосиф Абгарович умудрялся в радиусе двух метров чередовать быстрые движения рук, ног. Он буквально зажигался в танце, его глаза искрились, а присутствующие ритмично хлопали. Это был его коронный танец.

А еще я всегда была приятно удивлена, с каким почтением относились Анна Андреевна и Иосиф Абгарович к Раисе Алексеевне, к моей тете Рае. Полемика их разговоров была долгой и очень уважительной. Наверное, они не касались политики, а размышляли о вечности мироздания, о добре и зле, о роке, судьбе, о человеческом долге... Помню, что Анна Андреевна и одна неоднократно заходила в комнату Раисы Алексеевны и там вдвоем они с ней о чем-то беседовали.

Пишу эти строки и вижу мою тетю Раю. Вспоминается, как перед сном, уходя к себе в комнату, она на пороге моей спальни останавливалась и одним едва заметным движением руки осеяла меня крестом... В этом ни позы не было, ни какого бы то ни было фанатизма. В ее образе жизни вообще не было фанатизма.

Напротив нашей дачи, в Поповке, была действующая церковь. В Поповке тетя Рая церковь посещала и брала меня с собой. Но и это не напоказ. Живя с ней в одной комнате, я никогда не слышала громких молитв. Только в часы нашего безмолвия, перед сном, я понимала, что в эти минуты, с молитвой, она отрывается от всего земного и пребывает где-то там, в одном ей известном и понятном «неземном»... Мне передавалось ее состояние, и

я притихала. Знала я также и то, что когда усну, она будет долго читать при фитильке керосиновой лампы...

В Поповке, в доме учителей Федоровых, постоянно жила очень старенькая бывшая игуменья-настоятельница монастыря «Камень» (того самого, Вельегонского — тети Раиного), вместе с ней — матушка Поликсена, которая зарабатывала на пропитание тем, что стегала одеяла. Они постоянно одаривали окружающих своим посильным бескорыстным трудом. Мы с тетей Раей непременно ходили навещать этих старушек. Я их очень любила! И матушка Поликсена тоже любила нашу семью, изредка даже зимой приезжала к нам в Ленинград навещать тетю Раю.

Я до сих пор хочу найти объяснение тому, почему в нашей семье была такая гармония отношений... Ведь три сестры — тетки папиной первой жены — фактически были чужими, хотя это слово я вывела с трудом. Для нас же всех они были больше чем родные! Все вместе мы жили удивительно дружно. Мама моя была счастливейшим человеком!.. Она никогда не занималась хозяйством. Знала только работу, искреннюю заботу и любовь в семье. Все мои школьные дела, вопросы решала я с тетей Катей. Мама только подписывала дневник и ходила на классные собрания. Училась я отлично, ежегодно получала похвальные грамоты. Они сохранились. Тетя Катя была и осталась для меня самым, самым дорогим Человеком. Жили мы предельно скромно. Умея хорошо шить, тетя Катя постоянно что-то перешивала для нас с мамой. Вообще она всегда была чем-то занята, и не только по хозяйству. Человек она была образованный. В искусстве хорошо разбиралась. Я очень любила слушать ее рассказы о художниках. Многочисленные альбомы были наглядной иллюстрацией к ее рассказам. Она и папа развили во мне интерес к географии. В комнате были развешены большие географические карты, и мы играли. Нужно было найти предлагаемое государство, его главный город, показать реки и т.д. Я уже многое знала до того, как стали преподавать географию в школе.

К сожалению, скромность нашего семейного бюджета не позволяла любимой моей тете Кате быть в стороне от проблем семьи. Любя меня, тетя Катя, будучи больным пожилым человеком, работала пока силы позволяли в инвалидной артели. По большому счету, действительно из-за меня. А точнее — во имя моего образования: она таким образом могла оплачивать мои уроки немецкого языка, а папа с мамой платили за музыку. Взрослой, уже имея своих детей, я даже засомневалась: кто же все-таки был из них больше моей мамой? Тетя Катя или мама? Сомнения окончательно рассеялись только тогда, когда я нашла старый мамин блокнот, где ее рукой было написано расписание моего кормления грудью.

Тетя Катя принимала самое деятельное участие в моей жизни. В нашем доме жила семья Нильсен. Владимир Нильсен стал признанным пианистом,

он давал сольные концерты в консерватории, в филармонии. Тетя Катя дружила с его мамой, юного пианиста она называла Володюшка и просила его послушать мою игру. Окна их квартиры выходили во двор и в летнее время можно было услышать великолепную игру уже зрелого музыканта.

На пятом этаже нашего дома жила семья Кузнецовых. Два сына были артистами Александринского театра, а дочь Галя училась в балетном училище имени Вагановой. Мы с тетей Катей обязательно ходили на их выпускные вечера. Галя потом танцевала в Мариинском театре и вышла замуж за Вахтанга Чабукиани. Я помню их шумную свадьбу в квартире на Канонерской. На ней был даже знаменитый артист Печковский. С мамой Гали тетя Катя тоже была хорошо знакома. Она приходила к нам и очень переживала, что дочь уехала в Москву и живет в высотном доме. Это ей почему-то не нравилось. В Ленинграде тогда высотных домов не было. Ко всему, собака-овчарка Вахтанга укусила Галю за лоб и вырвала кусок ткани. Гале делали пластическую операцию. До этого она была очень хороша!

Я хорошо знала Наталию Дудинскую. Она была крестной мамой моей школьной подруги Киры Ленц, и в их семье я с ней встречалась. Жила балерина на проспекте Маклина, напротив кондитерской фабрики имени Самойловой. Конечно, с Кирой мы вместе ходили на все какие хотели спектакли в балетном училище, а, позднее, и в Мариинском театре.

По-прежнему я продолжала дружить с Игорем и Светозаром. Они были старше меня и оба к тому времени закончили 10 классов. Теперь готовились к поступлению в Медицинскую академию.

Шел 1941-й год. 18 июня у Светика был день рождения. Я со своей двоюродной сестричкой поехала его поздравить. Жили они на улице Рубинштейна, 19. На этом дне рождения мы с Милочкой познакомились со школьным товарищем Светика — Колей Зерекидзе, о котором до этого знали только понаслышке. В 11 часов вечера мальчики пошли нас провожать. Были белые ночи и мы, конечно, не захотели ехать на трамвае, а пошли пешком по Фонтанке. Себя уже чувствовали взрослыми и шли парами. Мы не торопились, хотя дома обещали быть не позднее одиннадцати. Наша прогулка растянулась до часа ночи и, когда мы подошли к трамвайной остановке вблизи нашего дома, то увидели там маму Милочки, не находившую себе места в ожидании нас. Мы моментально попрощались со своими кавалерами, и удачно миновали Милочкину маму, проскочив через проходной двор. Так мы оказались дома раньше нее! (Сестричка моя жила выше этажом.) Вот так «не заметили» мы тети Жени! Папа пошел к остановке и очень удивился, как это она могла нас не встретить? Так все и осталось тайной.

Мы уже стали взрослыми и на другой день, 20 июня, договорились встретиться в Поповке.

Мы с Милочкой приехали к Кондратьевым, а Светик с товарищем приехал в свой дом. Это была суббота. Мы катались на велосипеде, ходили в Степановку за молоком, купались, играли в лапту, танцевали под патефон, а на следующий день договорились поехать в Саблинские пещеры. Было так хорошо! Цвела сирень, наше поле детства было покрыто душистым разнотравьем. Хозяева дачи встретили нас как родных и обещали рано утром разбудить.

Все шло так, как было задумано. Мы позавтракали, стали прихорашиваться, включили радио и услышали страшную весть — ВОЙНА. Побежали сообщить мальчикам. До конца осмыслить происходящее не могли. На улице появились взволнованные люди, неразбериха какая-то. Нам посоветовали ехать в Ленинград. Мы пошли на станцию. Сели в поезд, а в Колпино, на вокзале, уже устанавливали зенитки.

С этого времени наша прекрасная юность с перспективными задумками осталась позади. Война... Правда, мальчики, как и хотели, поступили в Военно-медицинскую академию, а меня и Милочку Дугину от школы сразу направили работать в Военную комиссию Октябрьского райкома комсомола, хотя комсомолками мы и не были. Здесь же, на улице 3-го Июля, 55/57 (теперь это улица Садовая), базировалась группа сандружинниц, а штаб был во Дворце культуры имени Первой пятилетки, на улице Декабристов. (Она и тогда так называлась.) Председателем комиссии была женщина по фамилии Лабус.

За месяц нас в быстром темпе обучили оказывать самую первую помощь пострадавшим от бомбежек и артиллерийских обстрелов. Выполняли мы и разные прочие поручения. Помогали призывным комиссиям. Мобилизация проходила буквально круглые сутки.

Мирная жизнь отодвигалась военным временем, но никто не представлял такого крутого поворота военных событий. Меня зачислили в Музыкальное педагогическое училище. Милочка поступила в Институт киноинженеров. Однако занятий фактически не было. Учащиеся и студенты стали бойцами МПВО (местной противовоздушной обороны). А дальше всем известно из истории, какие испытания ждали ленинградцев.

Первый артиллерийский обстрел города застал меня на трамвайной остановке — угол проспекта Маклина и улицы Декабристов. Я стояла в ожидании трамвая на тротуаре около Института цитологии. Лето. День жаркий, солнечный. Я любовалась так называемым «домом-сказкой», который был на другой стороне улицы. Он действительно был сказочным. Облицовка всех его этажей была похожа на цветную мозаику. И окна были особые. В какое-то мгновение я услышала сильный и оглушительный разрыв артиллерийского снаряда. Меня сбilo с ног воздушной волной, и я по-

теряла сознание. Очнулась в машине скорой помощи. Я была в крови. Когда мне стали оказывать помощь в больнице, то выяснилось, что я не ранена, а испачкана чужой кровью, но вот ухо мое, правое, было забито крупной — пшеном... Видимо, кто-то с кульком пшена упал прямо на меня. Процедура промывания уха мне показалась очень неприятной. Я нервничала и плохо слышала. Это было мое первое боевое крещение. Потом подобное повторялось в разных вариантах, ведь я, боец МПВО, в момент воздушной тревоги была там, где было необходимо оказывать помощь. Мы были распределены по два человека на небольшой участок.

С каждым днем блокадное кольцо сжималось. Начался голод. В аптеках скупили все кремы на жирной основе — съели. В городе появились объявления: «Меняем гроб на хлеб», «Меняем собачку на хлеб». Огромных усилий стоило каждому победить себя, чтобы не съезжиться в ожидании смерти, а встать во весь рост, поверить в жизнь, находясь в окружении ужаса и смерти... Моя знакомая, будучи 12-летней девочкой, до войны училась в балетной школе. Похоронив всех, она вначале работала в ремесленном училище у станка, а потом бросала уголь в топку паровоза, который ходил на отдельных участках блокадного города. Девочку эту звали Тамара Мецатунова. Она жила на Петроградской стороне.

О днях блокады не буду писать много. Расскажу о самом памятном для меня. Хотя все это было типичным для всех блокадников.

...Папе на работе дали дуранду. Это что-то вроде колких хлебных опилок. Я замесила дуранду водой и спекла на печке-буржуйке лепешки. Взяла две штуки, положила их в портфель и пошла на ночное дежурство в пункт Красного Креста (он располагался там же, где Военная комиссия — в райкоме комсомола, на углу Садовой, тогда 3-го Июля, и проспекта Майорова). В комнате, где дежурила, был диван, телефон, горела коптилка, работало радио. Было очень холодно... На этаже я была одна. Слушала мерное постукивание метронома по радио, такой сигнал означал, что в городе спокойно. Заснула, положив портфель под голову. А проснулась от прикосновения к лицу огромной крысы, которая, почуяв хлебный запах, прогрызла портфель рядом с моим носом. Я вскочила, закричала от испуга, схватила портфель и только после этого крыса убежала. Крыс в городе было очень много. Они в моргах обглаживали трупы и стадами ходили пить воду на Фонтанку.

После войны я отдала этот портфель в ремонт, поставила заплатку и ходила с ним на занятия. Сожалею, что не догадалась впоследствии отдать его в музей.

Конец декабря 1941 года. Доживают мои престарелые тетушки: тетя Аня и тетя Рая. Обе лежат опухшие, завшивевшие, под множеством одеял. Папа в госпитале. Потеряв в весе более двадцати килограммов, он напоминал

мальчика-старичка. Мама лежала с кровавым поносом, это что-то вроде дизентерии. До войны у мамы была инвалидность 1-й группы по астме. В блокаду астма прошла <...> Воды в доме не было. Я приносила ее на всех в кастрюлях из Фонтанки (далековато). Канализация не работала. Нечистоты в горшках выносила во двор. Так делали все жители в течение зимы. Мороз сковывал огромную кучу нечистот, снежок припорошивал... Это я делала один раз в день, когда прибежала домой с дежурства. С великим трудом я разламывала-разрубала топором мелкие предметы хорошей мебели и топила печку-буржуйку. Варила столярный клей-«холодец». Это была роскошь. В столярный клей капала несколько капель рыбьего жира. Когда-то меня заставляли его пить и несколько недопитых бутылочек затерялись в глубине стенного шкафа на кухне. Папа, предвкушая блокадную трапезу, читал поварскую книгу автора Малаховец. Читал он вслух, сосредоточенно перечисляя компоненты для заливной осетрины или мясного студня... Воображение вело его от одного блюда к другому. Смотреть на папу было больно, жалко его. Явно психика истощенного человека деградирует. Однако папа уверял, что в момент чтения у него выделяется слюна, желудочный сок, и ему, якобы, становится легче...

В один из дней, когда начала уже работать «Дорога жизни», приехал к нам наш сосед — Владимир Николаевич Гуськов. (О нем я упоминала, когда писала о 29-м годе и подселении к нам в квартиру новых жильцов). Владимир Николаевич был откомандирован на «Дорогу жизни» от завода имени Марти (судостроительный).

Ленинград в те дни являл собой страшную картину. Голод и холод сделали свое дело. В городе ходили-передвигались очень истощенные люди. Их называли дистрофиками. По внешнему виду было трудно определить: мальчик это или старичок. Глаза у всех были провалившиеся, скулы заостренные, походка шаткая. Даже подростки-мальчики ходили с палочкой. Увидев таких людей на улице, Владимир Николаевич пришел к нам и разрыдался. Ему было стыдно своего нормального человеческого вида. Он не мог себя пересилить, чтобы выйти на улицу, и ушел только с наступлением темноты. Темнело рано, была строжайшая светомаскировка. О приближении человека оповещал своим легким свечением фосфорный значок размером с пятикопеечную монету, прикрепленный к груди. В вечернее время ходить по улицам можно было только со специальным пропуском.

Последние дни жизни моей тети Раи, бывшей монахини, были типичны для большинства ленинградских блокадников. Жизнь еле теплилась в наших двух комнатах. В одной комнате лежала мама, в другой — тетя Рая.

В один из январских дней 1942 года, поздно вечером тетя Рая позвала меня и попросила достать из шкафа ее рясу и прочие предметы культа,

полагавшиеся ей по ее сану. Все это, она сказала, надо будет надеть на нее сразу после смерти, а потом, сказала она, ее еще надо будет отвезти в морг (он находился тогда в тупике нашей улицы, сейчас на этом месте школа). А потом... светло и даже вдохновенно она сказала, что считает себя счастливой, что легко и с радостью уходит из земной жизни. Я заплакала. Тетя Рая сделала усилие, перекрестила меня и настойчиво отослала спать. А когда через несколько минут я все же вернулась, — она была мертва... Чувства мои всколыхнулись по-особому. Я поняла, что тетя Рая посвятила меня в самое сокровенное, о чем думала, уходя из жизни... Я позвала Милочку, мы одели тетю Раю в монашеское одеяние и оставили в холодной комнате. За несколько дней скопили ее хлебный паек и выменяли у морга на примитивный фанерный гроб, сработанный умельцем-блокадником. Морозным январским днем укрепили гроб на детских саночках и привезли в Никольский собор. Там мы нашли служителя и сказали ему, что привезли — монахиню. Попросили позвать священника. В ответ на просьбу — неведомо откуда пришел к нам батюшка и двое певчих. Все вместе внесли монахиню Досифею в храм, поставили в центре холодного собора и был совершен христианский обряд. А потом, по заснеженным улицам и по льду Невы, добрались мы с Милочкой до Смоленского кладбища. Разбросали там с ней заблаговременно припасенным топориком снег среди торчащих крестов, вырубили кусочек промерзшего грунта и поставили гроб прямо на снег, сверху положили на него маленький единственный комок земли. Гроб прикрыли снегом и поклонились... Я и сейчас памятью вижу этот далекий блокадный день и заново в нем пребываю...

В наследство от моей тети Раи у меня остались светлая память да молитва, написанная ее рукой, которую она мне вшила в военную гимнастерку...

Но вот уж, воистину, неисповедимы пути Господни! Как же все-таки непредсказуема жизнь... Случилось так, что, годы спустя, приняли меня в свое воинское братство ветераны 1-й Кировской дивизии народного ополчения Ленинграда, и там подружилась я и долгие годы дружила с очень заслуженным воином 3-го стрелкового полка — Ларисой Владимировной Дубровицкой. Особенно часто бывала у нее (навещала), когда стала она серьезно болеть. Лариса Владимировна, возглавлявшая наше военное братство, в свое время преподавательница Ленинградского университета, очень любила стихи и разбиралась в поэзии. А потому ей первой всегда я читала свои поэтические строки. И вот однажды принесла ей что-то о ленинградской блокаде. Среди прочих материалов оказался со мной и набросок очерка о монахине Досифее. Мы отвлеклись от стихов. Стали просто вспоминать блокадные дни. Тут вдруг возьми я да расскажи, как в условиях блокады

†
Иисусъ въ помощи великихъ въ оубо. Юга небесахъ вьдана
та, Делеть вьнощи: заступити мѡи еси и прибоуше мѡи, Юбо
мой, и убоваю на нѡв. Мѡ мой убоваю тѡ отъ сѡи обвѣи
и отъ бѡвѡе мѡтѡрѡи: Писана свѡи овише тѡ, и погѡ афри
во надѡвѡи: стѡрѡи обвѣи тѡ, естѡи еѡ. Не убоуше отъ
страде конука, отъ стѡрѡи летѡщи вѡди, Отъ вѡкѡ вѡ тѡи
презѡрѡщи, отъ среза и свѡи конука. Надеть отъ стѡрѡи
тѡи, пѡише, и тѡи орсѡи тѡи въ тѡи. Не не прибоуше
обвѣи отъ тѡи свѡи мѡтѡрѡи и вѡдѡи африки въ
Мѡ тѡи. Сѡтѡрѡи убоуше мѡи: вѡише конука еси прибоуше
тѡи. Не прибоуше въ тѡи, дѡи, и раѡи не прибоуше тѡи
сѡи: Мѡ африки свѡи конука о тѡи, сѡрѡиши тѡ, вѡ вѡе
пѡише тѡи. На рѡка вѡише тѡ, да не вѡише конука о
пѡише кону тѡи: На афри и вѡише конука и конука
вѡише и дѡи. Мѡ на сѡи убоуше и конука: пѡише и, вѡише
конука мѡи. Вѡдѡише конука и конука: сѡи: сѡи: сѡи: сѡи
вѡише, конука, конука еѡ и конука: сѡи: сѡи: сѡи: сѡи
и вѡише конука спасѡише мѡи.

В наследство от моей тети Раи у меня осталась светлая память да вот эта молитва, написанная ее рукой...

удалось нам с моей сестричкой Милочкой исполнить последнюю волю ма-тушки Досифеи.

Я рассказывала Ларисе Владимировне о том памятном дне, об отпевании в Никольском соборе моей тети Раи. Говорила, и памятью видела того священника, что помог нам как должно свершить обряд, а, кроме того, — и я вновь назвала на всю жизнь врезавшееся в память имя — отец Владимир, — ведь этот священник благословил нас. Помню, сказал тогда при этом, что «впервые отпел в блокаду монахиню»...

Я все рассказывала, а Лариса Владимировна, уже не скрывая слез, плакала и шептала: «Это был мой папа! Он всю блокаду служил священником в Никольском соборе...»

Теперь мы уже обе плакали...

Да, Лариса Владимировна была дочерью Владимира Антоновича Дубровицкого. Спасибо ему за подвижничество, за верность духовной миссии, за непогасшую христианскую свечу в блокадном городе. Спасибо за воспитание дочери — Человека с большой буквы. Лариса Владимировна сочетала в себе интеллигентность, благородство, профессиональную высоту и воинскую доблесть в критическое для Отечества время. Многочисленные ордена, медали, добрая память — это высочайшее признание ее заслуг. В городе Кировске Ленинградской области одной из школ присвоено ее имя.

Наверное, в самом деле, духовные ценности не исчезают бесследно. Они имеют удивительную силу прорасть...

Вот такие два Человека — отец и дочь — встретились на моем пути.

С Ларисой Владимировной мы уже больше не разлучались до последних ее дней.

Благословение отца Владимира тоже осталось со мной навсегда... Правда, только теперь, по прошествии стольких лет, сама уже дважды мать и бабушка, смогла я по достоинству оценить всю доброту и благородную мудрость отца Владимира. На этом чудом уцелевшем со времен войны снимке (*фото справа*) Лариса Дубровицкая, его дочь. «...Моя дочка в армии... Сейчас где-то на северо-западе ее стрелковый полк ведет бои». Гордо и одновременно мягко сказал он это тогда. По-отцовски... Запомнилось, как достал он потом из глубокого кармана письмо-треугольник от дочери, посмотрел на него, перекрестился и... благословил нас с Милочкой еще раз.

Январь и февраль 1942 года были роковыми для блокадников. Смерть унесла огромное количество истощенных людей. Так, к основным обязанностям сандружинниц нам с Милочкой дали еще одно, дополнительное задание: обходить квартиры в поисках осиротевших детей. Определили и участок — дома по каналу Грибоедова от Лермонтовского проспекта до

площади Репина (тогда — Калининской). Квартиры в блокаду на ключ не закрывались, и детей мы, как правило, легко находили по плачу. Увидев нас, ребенок пугался: не хотел уходить от мамы, что лежала с ним на одной кровати и под одним одеялом. А она была уже мертва. Мы тоже начинали потихоньку плакать и, прижав к себе истощенного малыша, торопились как можно скорее сдать его работницам приемного пункта. Сколько нами было найдено таких детей, мы не считали, но их лица навсегда остались в моей памяти. С тех пор, как потянулись тогда ко мне, еще юной девушке, доверчиво детские руки, у меня какое-то особое отношение к сиротам. (Где вы, теперь уже седые? Я та, что помню и люблю вас!) Потом, сразу после войны, это нежное чувство к сиротам приведет меня на работу в детский дом. А тогда, во время войны все мы просто были там, где быть было нужно.

Весна 1942 года. Долгая блокадная зима позади. Пригрело солнышко, таял снег. Настала пора срочно скалывать во дворах горы нечистот, иначе эпидемия принесла бы новые дополнительные беды. Скалывали ломом, а потом перекидывали на фанерный щит и за веревку тащили сбрасывать в Фонтанку. Это не близко... Но одновременно весна порадовала: в городе соорудили водопроводную колонку-кран и все ходили туда за водой.

Наверное, это был март. Впервые с начала войны открыл свои двери кинотеатр «Ударник» (на углу нынешней Садовой и Лермонтовского проспекта). Весть об этом мгновенно распространилась. Кажется, демонстрировалась «Весна». С участием Любви Орловой. Название фильма, возможно, я пугаю. Значим был сам факт открытия кинотеатра. В кино потянулись все, кто мог передвигаться. Вход сделали бесплатным. Перед началом сеанса мы с Милочкой встретили несколько человек своих одноклассников. По внешнему виду их еле узнали. Это были Вовочка Гарнец и Кира Ленц. Они тоже с трудом нас узнали. Однако как по-молодому всем нам было

Дочь священника В.А. Дубровицкого, командир роты, старший лейтенант 3-го стрелкового полка 1-й Кировской дивизии Ленинградской Армии народного ополчения Лариса Владимировна Дубровицкая. Фото 1941 г.

радостно! Тем более что Вовочка Гарнец давно нравился Милочке, только это было скрыто в душе. По окончании фильма пошли все вместе. Вовочка, как ни храбрился, но еле-еле передвигался с палочкой. Дойдя до нашей Канонерской, мы попрощались (вместо того, чтобы проводить его до улицы Декабристов! Какой-то глупый был стыд). На дорогах, около тротуаров были сугробы. Потом нам сказали, что Вовочка упал в сугроб и умер... Наверное, так и было...

Я урывками посещала занятия в Музыкально-педагогическом училище. Свое пианино я бережно закутывала в теплые одеяла, спасала от холода. Зимой боялась даже приоткрывать. В училище тоже уберегали инструменты от холода, но с наступлением весны классы первого этажа открыли. Правда, мне в ту весну учеба была заказана... У военного времени свои законы.

Однажды, едва я влетела в класс, дежурный направил меня к директору, моему учителю — Николаю Дмитриевичу Успенскому. Когда я вошла в кабинет, то с трудом узнала Н. Д. — так он был истощен. Я еле сдержала себя, чтобы не показать своего удивления. Высокий, худенький, он сидел за столом и рукой поддерживал голову... Увидев меня, заулыбался, сказал, что теперь я уже не «крошка» и вообще очень нужна сейчас... детям, в школе. В обычной, общеобразовательной школе осталось мало учителей, у большинства ребят матери трудятся и живут на казарменном положении и школа для учеников стала домом. Одним словом, вопрос о моем назначении работать в 236-й школе Октябрьского района, сказал он, решен в военной комиссии райкома. Так что теперь я — учительница. Я смутилась. Мне — 17. Педагогических знаний — никаких. В ответ на это Николай Дмитриевич добавил только, что мне доверяют самое дорогое, что есть у народа. Сказал, чтобы я пела и играла детям. Берегла и радовала их. И попытался меня приободрить: «Сейчас весна, скоро лето, а там будет видно».

На другой день я была в 236-й школе.

Подвальное помещение школы оборудовано под бомбоубежище и в нем классы. Подниматься в светлые классы даже первого этажа было запрещено — опасно. Дети — им от 8 до 10 лет, — наивно верят, что я учительница, даже спрашивают, на каком этаже был мой класс. Я заставляла себя быть уверенной, вспоминала своих первых учителей, пыталась им подражать.

Война жила в каждом ребенке. Играла в воздушную тревогу, в госпиталь. Рисовали — аэростаты, висящие над городом, воздушный бой над Невой, маму у станка, папу с гранатой, пожары от зажигательных бомб и обязательно подбитый вражеский самолет. Дети на слух различали стрельбу наших зениток, по гулу самолета могли определить его вид. И все же, даже в таком «детстве», любили они петь и двигаться в хороводе.

Я не знала тогда детских песен и пели мы «Катюшу», «Тачанку», военные песни. А еще мы водили хоровод и пели песенку про козла. Хоровод начинался с общего подпрыгивания по кругу, и далее, под музыку, пелось про незадачливого козла:

И... шел козел дорогою,
Дорогою широкою,
Нашел козу безрогую,
Безрогую козу...

Круг останавливался. Козел выбирал Козу, и под хлопки они танцевали.

Несмотря на, казалось бы, полное отсутствие какого бы то ни было «воспитательного момента», эта незатейливая песенка так нам в те дни помогала! Она утверждала детство, она дарила радость, она заставляла детей двигаться.

Я помню опухшие синие ноги тех, у кого была цинга, и очень тоненькие ножки с большими коленками истощенных детей-дистрофиков. И все же мы с ними играли, водили хороводы... И в помещении, и на улице, после принятия «солнечных ванн». На солнышке, в тихие часы, мы находили безопасное, по нашему разумению, место, усаживались рядышком и грели больные ноги. Но безопасного места, увы, не было. Первые артиллерийские снаряды разрывались до объявления артобстрела вокруг, рядом. Фашисты видели детей своими глазами, пролетая над скверами, видели всё и посылали смертоносный груз в них, в маленьких...

Сегодня им, тем, кого я помню детьми и кто меня считал «учительницей», уже под семьдесят. А этой школы на Мойке — нет. В ее помещении, кажется, институт физкультуры. В первые послевоенные годы меня пригласили в созданный там Музей боевой славы. В те годы знали живых и ушедших из жизни учителей, которые все были одновременно и бойцами МПВО. С волнением я обошла «свою» школу, посмотрела на игры современных детей. Я слушала их пение, а памятью была в блокадном 1942 году:

Война. Блокада. Я — учитель.
В часы затишья от огня,
Урок вела в подвале школы,
И дети слушали меня...

...Главным подвигом ленинградских детей, конечно же, была учеба. 39 школ не прервали в блокаду своей работы. Весной 1942-го тысячи детей и подростков пришли в опустевшие цеха заводов. В 12—14 лет они становились станочниками, сборщиками, выпускали военную технику. Невероятный блокадный труд подростков и женщин во многом обеспечил прорыв блокады.

Огромным подспорьем взрослым была в те дни и помощь детей-подростков медикам. Они осуществляли уход за ранеными. В основном это были девочки. В числе юных «сестричек» была тогда и Наташа Худабашян — ныне доктор медицинских наук, профессор, главный консультант-кардиолог Еревана. Целые дни проводила она у постели раненых в одной из клиник Военно-медицинской академии. Жизнь свела нас с Наталией Николаевной гораздо позже. В Ереване. Об этом рассказ впереди: Ереван 90-х — особая страница моей жизни. Но вот ирония судьбы — вторую в моей жизни блокаду помогала мне пережить в Армении та, что защищала когда-то своим посильным трудом мой Ленинград. Правда, точнее было бы сказать, что труд этот был тогда *не* посильным для всех нас. Сегодня, в письмах, мы вспоминаем блокадный город, нашу юность и наши утраты. Впрочем, всякое вспоминается, ведь были мы тогда молодыми...

Мои друзья детства — Светик (Анатолий) и Игорь (Солдатов) были эвакуированы с Медицинской академией. От них получала я письма-треугольники. В ответ подробно писала о конкретной ситуации в городе и о Поповке, конечно же, вкладывая в содержание оптимизм. Отец Игоря — Борис Федорович Солдатов, и мама, Мария Александровна, были в действующей армии. С мамой-фельдшером в армии был и младший брат Игоря — подросток Вадик. Дальнейшая судьба Игоря в годы войны также была связана с действующей армией, а вот в судьбе Светозара произошел нежелательный крутой поворот, по вине его мамы. Она приехала к сыну в Самарканд...

Мама привезла сыну валенки и строго-настрого наказала ему, чтобы временами он (в казарме) их непременно надевал.

Слыханное ли дело, не внять маминому совету? Местом валенок была определена территория около койки. Но вот случился очередной обход. И валенки было приказано убраться *н е з а м е д л и т е л ь н о*! Сопrotивление приказу было воспринято начальством однозначно.

За несоблюдение военного устава из Академии Светик был отчислен: «переведен в Воронежское училище связи». Армейское начальство возражений не принимает. (Почти так же, как не могла принимать их и мама Светика).

...Весной 1942 года были очень сильные бомбежки и артиллерийские обстрелы. Большую часть дня мы с детьми проводили в своем классе-бомбоубежище. Такого голода страшного уже не было. В дополнение к пайку нам давали пить настой хвои. Появилась трава-лебеда. Из нее пекли лепешки. Я в школе практически жила вместе с ребятами. Домой лишь прибегала, чтобы что-то сделать для мамы. (Папа лежал в госпитале). В живых оставалась еще только тетя Аня, но скоро умерла и она. За зиму мы с Милочкой отвезли в морг и на Смоленское кладбище 16 человек своих родных и очень близких знакомых. Моей маме, так она была слаба,

мы даже не сказали, что умерли бабушка и дядя Коля, муж маминой сестры, Милочкин папа. Я уже, как учительница, стала получать паек хлеба на рабочую карточку и питалась в школе вместе с детьми. Однако у меня была дистрофия сердечной мышцы и я часто теряла сознание.

Пианино мое перешло на «летнюю форму» — были сняты одеяла, и, когда я прибежала домой, то выкраивала минутку и играла маме.

Во двор нашего пятиэтажного дома попал снаряд, вернее, он каким-то образом прошел под подвал. Было очень сильное сотрясение, мама была одна, встать с кровати не могла — упала и лежала на полу. В таком виде, очень испуганную, я ее и застала. Буквально через день еще одна бомбежка — на сей раз бомба упала на середину нашей улицы. К счастью, никто не пострадал, осталась только посреди улицы огромная воронка. Все мы чувствовали, что нашими войсками готовится прорыв блокады. Были такие моменты, что город, земля под ногами буквально содрогались от разрывов снарядов и бомб. Вот именно в такое время от нашей площади пошел трамвай № 9. Это был настоящий праздник! Все знали и понимали какие нечеловеческие усилия надо было приложить в условиях блокады для достижения этой цели. Более того, в августе 1942-го в городе вдруг расклеиваются огромные афиши, приглашающие всех в филармонию на первое исполнение Седьмой симфонии Дмитрия Шостаковича... У многих было шоковое состояние от радости. Голодный, расстреливаемый вражеской артиллерией Ленинград — и вдруг концерт?! Мы ведь знали, что немецким командованием был назван день взятия города и были уже разосланы по этому поводу пригласительные билеты в «Асторию». Наша радость бурно вытесняла все страшные мысли! Я прибежала в школу и попросила директора, А. Волостных, заменить меня, чтобы пойти в филармонию, которую до войны я посещала постоянно. Еще свежи были в памяти юбилейные торжества, посвященные Петру Ильичу Чайковскому. Я стояла перед директором школы и умоляла разрешить мне пойти на концерт. Только кто же будет с детьми? Подменить меня было некем... Но выход все же был найден! На мое счастье, директор, сама, по доброте душевной, согласилась побыть с детьми и отпустила меня на два часа.

Путь от школы до филармонии я пролетела, как птица. Люди толпились у входа. Это были воины с личным оружием и просто горожане. Зал в быстром темпе был заполнен и переполнен, люди стояли даже в проходах. Всем бесплатно выдавали программки. Я буквально втиснулась в зал, прислонилась к стене и стала рассматривать публику, желая увидеть знакомых, но никого не увидела.

Было 9 августа 1942 года. За дирижерским пультом — Карл Элиасберг. Музыкантов на короткое время отозвали из действующей армии. Как потом

мы узнали, был отдан приказ Главнокомандующего Ленинградским фронтом войскам противовоздушной обороны, чтобы не допустили бомбежки. Концерт начался в назначенное время. Чувства захлестнули меня, я воспринимала не музыку, а само событие. Во время антракта, увы, я вынуждена была вернуться в школу. Впрочем, мне, восторженной, и того, что я уже успела увидеть и услышать, было достаточно, чтобы весь свой восторг, оптимизм и утроенную концертом веру в Победу передать своим близким.

Концерт был безусловным вызовом врагу, сеющему смерть. Несломленный дух ленинградцев призвал к себе в помощь великую силу искусства.

Что любопытно, судьба подарила мне пережить этот вечер дважды. Через 50 с лишним лет его величество Случай познакомил меня с заслуженным врачом-хирургом Ленинградского фронта — Рузанной Лалаян. Вся ленинградскую блокаду моя судьба и судьба сестер-хирургов Лалаян (тогда еще рядом с Рузанной была София) шли параллельно, но мы не знали друг друга. А оказалось, в один из тех дней, именно 9 августа 1942 года, мы были совсем рядом! Рузанна показала мне программку того незабываемого блокадного концерта, которую она бережно хранит с тех самых пор в своем домашнем архиве. Пожелтевшие от времени листочки, на первом — крупно — известные теперь всему миру слова Шостаковича: «Нашей борьбе с фашизмом, нашей грядущей победе над врагом, моему родному городу — Ленинграду я посвящаю свою Седьмую симфонию». На обороте — поименный список всех музыкантов. Где-то в середине первой колонки — армянская фамилия. И Рузанна рассказала мне, как в тот вечер они с сестрой Софией, тогда ее однополчанкой, тоже военным врачом, заговорив в антракте концерта по-армянски, познакомились с этим музыкантом: прекрасным виолончелистом Койрюном Ананяном. Услышав родную речь, Ананян сам подошел к землячкам-фронтвичкам. Он был крайне истощен и так, вспоминает Рузанна, хотел курить... Вот так и состоялось это знакомство. Девушки тут же обратились за помощью к своим однополчанам и угостили Койрюна махоркой. А он подарил им незабываемые минуты общения. Утонченную интеллигентность этого человека трудно было не заметить. В короткие минуты антракта много ли скажешь, но, конечно же, они успели вспомнить Армению! Разговор шел в августе — каким бы незабываемым мог быть у них этот август в мирное время, какой незабываемой — прогулка по родной земле! Как он соскучился по ней... Они обменялись номерами воинской почты.

Возвратившись с концерта в воинскую часть, Рузанна и София тут же собрали посылку. Они отправили Ананяну свои пайки махорки и сахара. В ответ последовало благодарственное письмо:

«Я этим письмом еще раз хочу поблагодарить вас обоих за подарки, столь необходимые <...> Я очень и очень тронут! Берегите друг друга! Жму ваши руки. С приветом! К. Ананян».

Свою вторую маленькую посылочку Койрюну вручить им было не суждено. Пути их больше не пересекались.

Почти все оркестранты, впервые сыгравшие симфонию Д. Шостаковича, ушли из жизни, войдя в героическую летопись Ленинграда. Их было 80 человек. Память о них священна. Они, действительно, озарили кошмар блокадной жизни силой искусства и утвердили надежду на Победу. Они играли гимн подвигу Ленинграда, гимн величию духа народа. Такое не забывается.

«И пусть не думают, что мертвые не слышат, когда о них живые говорят»...

Софии Лалаян тогда тоже оставалось жить менее двух лет. Она была смертельно ранена у операционного стола. Прямо во время операции...

Военное время есть военное время. Меня и еще нескольких невоеннообязанных девушек, вызвал к себе секретарь Октябрьского райкома партии и сказал, что нам поручается помочь вывезти в Сибирь детей из Дома малютки, что на улице 3-го Июля (нынешней Садовой). Предупредил, что обратно мы не вернемся, но имеем право взять с собой своих близких. Мы дружно заплакали. Попробовали сказать, что слишком много было пережито в городе и выезжать мы не хотим, что вот-вот будет прорвана блокада: уже стал действовать водопровод, пошел трамвай № 9, а мы стали получать на рабочую карточку 500 граммов хлеба, к тому же на газонах вместо цветов поспевают овощи... Ко всему сказанному я еще добавила, что моя мама, — инвалид 1-й группы, лежит с дизентерией в больнице, а папа — в госпитале. Но в ответ прозвучало, что приказы не обсуждают, а выполняют. Разговор был закончен. Только потом узнала, что секретарь райкома не имел права заставить меня выехать. К райкому я не имела никакого отношения: официально я была оформлена учителем школы. Всплакнула вместе со мной и директор школы А. Волостных, но помочь не смогла. Она была членом партии и возразить секретарю, видимо, не смела. Дала мне отличную характеристику — справку вместо трудовой книжки. Но я все еще на что-то надеялась, — в слезах поплелась в родное училище.

Мой учитель гармонии Николай Дмитриевич Успенский был так истощен, что на сей раз я уже просто его не узнала. По моему выражению лица он это понял. Назвав меня умницей, как когда-то, он предложил мне сесть и рассказать все по порядку. Я лишь сильнее заплакала, поняв, что в таком состоянии он не только не сможет повлиять на кого-то, но, наверное, лишний

раз и до Театральной площади-то добраться сил не найдет. Совсем, казалось бы, недавно приглашал нас Николай Дмитриевич к себе, на Театральную, меня и Борю Тернера. Я все помню. И мое удачное выступление на конкурсе... Какое же тогда чудесное было время. Совсем, казалось бы, недавно...

Не вдаваясь в подробности, я сказала, что выезжаю из Ленинграда. Он больше не задавал вопросов и тут же написал мне характеристику, которая потом стала для меня путевкой в жизнь.

«Приказы не обсуждают...» Я спешила к маме, в больницу. Шансов остаться в городе не было. Без труда я вошла в инфекционное отделение и сообщила маме о своем отъезде. Она была в отчаянии, тут же ушла из больницы, еле дотащилась до нашей квартиры. На сборы отводилось три дня.

На другой день я пошла к папе в госпиталь. В госпитале к нему стали возвращаться силы. Врач надеялся на относительное выздоровление. Однако, узнав о сложившейся ситуации, папа распрощался с врачами.

Мама сшила каждому на шею мешочек и положила документы, деньги и те немногие ценности, которые имелись. Носильных вещей взяли в минимальном количестве. Тащить не было сил. Ко всему, меня предупредили, что одного ребенка я должна нести на руках, а другого вести за ручку в момент посадок и пересадок. Все мои вещички были сложены в небольшой чемодан. Оделась я по-осеннему, хотя предстояло ехать в Алтайский край. Это были последние дни августа — начало сентября 1942 года.

С Финляндского вокзала до Ладожского озера мы добрались благополучно. Родители были относительно спокойны: после Ладоги мы должны были ехать вместе, в одном эшелоне. А озеро штормило, оно в это время очень коварное. Лил дождь. Два катера готовы были принять скопившихся людей, среди которых были раненые, но медлили. Катера качались на волнах, как легкие лодочки. Казалось, вот-вот перевернутся. На все это я смотрела с ужасом. Страх был вызван тем, что я не умела плавать и всегда боялась воды. Мое воображение рисовало гибель в страшной пучине.

Родители были где-то поблизости. Я их не видела. Какое-то время ждали успокоения стихии, а потом в темпе стали производить посадку. Наверное, так было нужно, ведь помимо разбушевавшегося озера, существовала угроза бомбежек.

Очень быстро погрузили раненых. Потом потянулись мы. Ступив на качающееся суденышко, я ощутила еще больший ужас. Вдруг увидела на палубе висящие спасательные круги. Они приковали к себе все мое внимание, но матрос подтолкнул меня вместе с моими подопечными в нижнюю часть катера. Она была набита битком... В предчувствии потери земли время для меня остановилось. А едва мы отчалили, началась страшная качка, и это уже было выше моих сил! Обезумев от ужаса, с ребенком на руках, я выскочила

наверх, чтобы схватить спасательный круг! Почти одновременно сильные мужские руки подхватили нас и внесли в переполненный плачущий, кричащий, стонущий салон.

А потом, после Ладоги, был долгий путь в телячьих вагонах. На остановках надо было успеть сбегать за водой, получить на раздаточных пунктах питание, для этого пролезть под стоящими составами поездов, и так далее, и так далее. Я боялась долгих перегонов. Люди за это время успевали умереть, и трупы выгружали на больших станциях.

А один раз случилось так, что я не успела прибежать до отправления, и эшелон ушел на моих глазах... Это было ужасно. Я так и осталась стоять с двумя чайниками кипятка... Когда опомнилась, стала опять подлезать под стоящие составы, чтобы найти дежурного по станции. Меня успокоили, сказали, что подобное случается нередко, и я догоню свой эшелон.

Более двух часов я бегала за дежурным, боясь прозевать поезд. За это время прибыл эшелон с военными, которых везли на Запад. Подошел ко мне солдатик, достал клочок бумаги, написал свое имя, фамилию, номер полевой почты и просил писать. Так — просто, чисто по-человечески. Он ехал на фронт, а я — в глубокий тыл. Это был Иван Шадринцев. Раздался гудок паровоза, солдатик пихнул мне в руку бумажку и побежал к вагону. Я сохранила ее, переписала в записную книжку, но почему-то не выполнила его просьбу.

Через какое-то время дежурный посадил меня в пассажирский поезд, и подтвердил, что мы значительно обгоним мой эшелон, назвал и станцию, на которой мне нужно будет выйти и ждать его прибытия. Я все это время очень волновалась, плакала и ехала с наполненными чайниками.

Поезд шел быстро, я и не заметила, когда мы обогнали товарняк с эвакуированными. На станцию мы, действительно, прибыли намного раньше. Но приключения на этом не заканчивались. Впереди меня ждал еще один сюрприз. Пока я догоняла своих, детей Дома малютки пересадили в пассажирский вагон. Произошло это, скорей всего, сразу после того, как я отстала. Родители мои и не подозревали, что я осталась где-то там, на незнакомой станции и были крайне удивлены появлению в их вагоне врача Дома малютки с моим чемоданчиком в руках. О том, что они пережили, узнав от милейшего доктора, нашедшего минутку забросить мои вещи близким, о моем «исчезновении», догадаться не сложно...

Когда я появилась в их вагоне, радости не было предела. Вот так, не успев и начаться, закончилась моя служебная «карьеря» в Доме малютки. Фактически я только помогла перевезти детей через линию фронта.

Вскоре мы уже имели возможность покинуть эшелон в любое время, но эвакуированных принимали не везде.

В пути мы были дней восемнадцать-двадцать, когда эшелон по какой-то причине поставили на запасной путь. Это была станция Чаны Новосибирской области. Нам сказали, что несколько часов мы пробудем здесь, пройдем санобработку и т.д. Посоветовавшись с родителями, я пошла на разведку. Мы сочли целесообразным дальше не ехать, если вдруг представится возможность устроиться здесь. Я взяла свои немногочисленные документы и направилась в центр, который был тут же, недалеко от вокзала.

В районном отделе народного образования меня встретили радушно. Инспектор, посмотрев справку о работе в ленинградской школе и характеристику из Педагогического училища, предложил работать в начальных классах. Учитывая состояние нашего здоровья и прочее, он посоветовал мне поехать учительствовать за 45 км от этого районного центра. Нас это не смутило. Нам уже все было безразлично. В это время я одна из всех могла работать. Я дала согласие, и тут же заведующий подписал приказ о моем назначении в Черниговскую неполную среднюю школу. Я поблагодарила и пошла с радостной вестью к родителям. Сомнений в чем бы то ни было у меня не возникло. К месту назначения, сказали в РОНО, нас доставят. Теперь нужно было ждать транспорт. Какой, мы не знали.

В нашем распоряжении оставалось около двух часов. Я захотела ознакомиться с Чанами и пошла вновь за пределы вокзала.

Зелени вокруг почти никакой, грязь — непроходимая... Сразу бросились в глаза одноэтажные дома за тесовыми воротами. Чуть дальше — двухэтажный кирпичный Дом специалистов, тут же Дом культуры, в бывшей часоуенке — амбулатория с единственным старым фельдшером. Он курил на крыльце, заговорил со мной. Поговорили о чем-то незначительном, и побрела я дальше.

Шла по деревянным мосткам и вспоминала наш Ленинград, город своего детства и юности, с его всему миру известными архитектурными шедеврами, всплывала в памяти и любимая Поповка с неповторимыми по замыслу дачами, и дорогие моему сердцу лица... Теперь все это так далеко... Я остановилась. Меня будто током ударило: ну почему я должна быть здесь? Впервые так отчетливо предстала передо мной наша будущность. Впереди — самое что ни на есть примитивное окружение, а, может быть, и того хуже: может, в той глухомани, куда заедем, и вовсе, кроме школы — ничего. Я пошла к вокзалу.

Измученные дорогой родители никаких вопросов не задавали. Подошел инспектор и повел нас к маленькой площади, где стояли телеги, запряженные быками. К одной из них он подвел нас и, обратившись к рослой девочке-подростку, сказал, что я новая учительница, а это — моя семья. Девочка оказалась возницей. Оставалось забраться на телегу и поблагодарить за

помощь. Папа сразу вытянулся на соломе, наверное, плохо себя чувствовал. Инспектор ободряюще помахал рукой, девочка ударила быков палкой и они двинулись с места.

Впереди была Барабинская степь и дорога длиной в 45 километров, которую предполагалось проехать за два дня.

Вместе с нами, на правах члена семьи, ехала Мария Александровна Нарли, профессиональная певица, жена папиного университетского друга, которого в 1937 году сделали «врагом народа», и он отбывал срок в Воркуте. Наша семья все эти годы была для нее опорой. Я посмотрела на Марию Александровну. Она всегда была не приспособлена к жизни, витала в облаках. Восседающая на быках, она выглядела экстравагантно. Яркая косыночка, завязанная бантом, подкрашенные губки, — весь ее вид удивлял девочку-возницу. Таких здесь никогда не видывали. Она была актриса, и ею оставалась. Мама более трезво смотрела на предстоящие испытания. Боялась в дороге потерять папу и поминутно подбадривала его. Я где-то казнила себя, что из-за меня пришлось бросить все и оказаться в этом сибирском захолустье. А было время, когда директор Эрмитажа Орбели, друг папы, уговаривал его эвакуироваться в Ереван, в родное окружение. Там были бы рады ему, ну а я продолжала бы учебу... Но папа верил в скорое окончание войны и не хотел покидать город. Теперь все разумное и возможное представлялось лишь в сладких грезах. Впереди — дорога в никуда. Он был мудрый юрист, мой папа, — но ошибся. Обессиленный, лежал он и держал мамину руку. Все молчали.

Я рассматривала бескрайние просторы. Подобного не видала. Изредка попадались маленькие березовые рощицы. Они напоминали мне чайные блюдца на однотонной скатерти. Встретились два поселения татар с низкими приземистыми домиками. Оставляем их позади. Наша девочка-возница, в свои пятнадцать лет, изощренно владела матерным языком. Мария Александровна вслушивается в слова и, затрудняясь в переводе, решает, что это особый сибирский диалект. Зато эти слова магически действуют на быков, особенно в сочетании с ударами палки.

Было очень солнечно. В воздухе пахло горечью полыни. Для нас все это было откровением нового окружения. Я расспрашивала о деревне, о школе, о животном мире. Мария — так звали девочку — поглядывала на меня и отвечала односложно. Временами мы с ней сходили с телеги и шли рядом с быками. Медлительность, монотонность, однообразие надоедали.

В узелке у Марии оказался домашней выпечки хлеб, горьковатый на вкус. В нем чувствовались примеси каких-то добавок. Я поняла, что деревня живет бедно, а мне хотелось видеть ее такой, какую показывали в кино. Засуетилась мама. Извлекла еду, и мы вместе подкрепились, запив водой,

захваченной из Чанов. На пути не встретилось даже ручейка. Кругом безводная степь. Однако я узрела по краям дороги вялые листья лесной земляники. Это был отрадный сигнал. Я сорвала листочек и передала его Марии Александровне. Она заулыбалась и спросила девочку, какие ягоды, кроме земляники, есть в деревне. Тут Мария произнесла такое слово, что Мария Александровна выкатила от ужаса глаза. В грубом точном переводе оно означало сильнейшее расстройство желудка — понос. Других ягод Мария не знала и нашу реакцию откровенно не поняла.

В совхозе мы заночевали в своей же телеге, надев на себя все возможное. Ночь оказалась холодной. Но это испытание уже было знакомо нам по ленинградской блокаде. Утром я хотела пойти в один из домиков попросить кипяток, но Мария раньше меня приняла это решение и стала настойчиво погонять бычков. Оставалось ждать солнца, чтобы оттаять от ночного холода.

Мария Александровна достала из сумочки зеркальце, подкрасила губки и еще эффектнее завязала косыночку на голове. Картина первого дня повторялась. Мария Александровна обратилась к папе с вопросом: помнит ли он песню «Степь да степь кругом». Папа ответил утвердительно и предложил ей спеть. Она удивленно посмотрела на него и сказала: «Вы не знаете, что это — мужской репертуар, и она — не моего диапазона?». Мама впервые улыбнулась, а мне хотелось даже рассмеяться. Все было предельно искренне. Юмор можно было заметить только со стороны, но заметить было некому. Мы оказались действующими персонажами, а Мария такого вообще не понимала.

Вот и деревня Черниговка, или Чернокуль, как ее называли местные. Домики из кизяков, выкрашенные известкой, огороженные плетнем. Грязь на дороге непролазная. Сплошные ямы, ухабы. Мы застряли. Подошли женщины, вытащили телегу.

Школа оказалась поблизости. На душе у меня стало легче. Подошел директор — Абдулла Хасанович Камалов. Тут, впервые громко, заговорила наша возница. Она училась в седьмом классе и толково нас представила. Появился и председатель сельского совета Алексей Федорович Анашкин. Мы почувствовали радушие и приободрились. Нас поселили к одинокой женщине лет пятидесяти — Марии, по прозвищу «Левшаниха».

Домик-мазанка состоял из одной маленькой комнаты с крошечными окошками. Вместо стекол — слюда. Форточек не было. Большая русская печь отделяла комнату от кухоньки. Дверь такая маленькая, что приходилось просто нырять, чтобы не расшибить голову. У нас это получалось плохо. Подобное мы не видели ни в кино, ни на картинах. Мария считала за честь принять «вакулированных» и раскрыла перед нами все свое доброе сердце. И это оказалось главным.

Она старалась, хлопотала исходя из своих возможностей. Однако мы никак не могли расположиться на ночлег в непривычных условиях. Решили так: я и Мария Александровна залезем на теплую печку, а папа с мамой будут спать на кровати. Других вариантов не было и быть не могло. Но на печке оказалось так жарко! К тому же, помимо войлока, там была постлана овечья шкура. Непривычный запах ударил в нос. Мария Александровна этого не выдержала и вмиг с печки слезла. Какое-то ложе ей устроили на полу. В конце концов усталость взяла верх, и, впервые за долгое время, мы буквально провалились в сон, растворившись в тепле гостеприимного Левшанихинова дома. Мария-Левшаниха была первой, к кому мы преклонили головы и на чьих подушках уснули. Правда, я, дольше всех, наверное, не могла сомкнуть глаз из-за ужасной духоты. Старалась вытерпеть, но в голову лезли какие-то мысли, воспоминания... Я прислушивалась к равномерному тиканью часов-ходиков. Они мне напоминали удары метронома, которые я привыкла слышать в Ленинграде по радио между тревогами. А свернувшаяся у меня в ногах кошка заставила вспомнить нашего кота — Корсика, который по возрасту был почти моим ровесником. Мы его очень любили! Считали членом семьи. В блокаду нам неоднократно предлагали за Корсика 200 граммов хлеба, но мы даже думать об этом страшились. Хотя на парадной нашего дома то и дело появлялись в те дни такие записки-объявления: «Меняем хлеб на кошку», «...дрова на кошку». Корсик сдох сам. Теперь все это вдруг вспомнилось мне. Я погладила лежащего у меня в ногах котика, на какое-то время расслабилась, но мысли... мысли продолжали теснить душу.

Настал первый день знакомства со школой. Был октябрь 1942 года. Я пришла в восемь часов утра. Абдулла Хасанович поджидал меня. Стали подходить учителя. Знакомил. Потом пошел показывать классные комнаты. Сам он преподавал математику в 5–7-х классах. Говорил о специфике обучения в военное время. В одном помещении одновременно вели уроки для 1 и 3-х, 2 и 4-х классов. Учебный процесс был организован таким образом, что письменные и устные задания чередовались с опросом и объяснением нового материала. Это требовало гибкости от учителя, умения легко переключаться с одного возраста на другой, блестяще знать методику обучения и, конечно же, сам предмет. Словом, требовался высокий профессионализм и творческий подход к делу. Мой жизненный опыт, увы, был слишком мал. Но Абдулла Хасанович дал мне календарные планы, программу. Опытная учительница составила для меня первый поурочный план для 2 и 4-х классов. И я пошла домой готовиться к урокам. На следующий день я вошла в класс. Дети уже знали о новой «учителке». Перед каждым лежала тетрадь, сшитая из газет, аккуратно разлинованная, и чернила в пузырьке, сделанные из сажи. Рядом с партами на полу лежали тряпочные сумки-мешки с тесем-

кой. Дети смотрели на меня с таким доверием, что я сразу почувствовала — нужный контакт есть. Уроки провела спокойно, уверенно, в соответствии с тем, что было запланировано.

Еще накануне я заметила удивительную вежливость ребят и их трогательную прилежность. Городская разболтанность их не коснулась. На переменах выбегали на улицу, шумели, но звон колокольчика действовал магически. У порога школы притихали и входили, как в храм. Все без исключения были одеты бедно, но чисто, а стирали-то женщины щелоком из золы. Я прониклась к ученикам не только любовью, но и уважением. Были среди них и талантливые, но их талант был беззащитен перед посредственностью и войной. Талантливому ребенку нужно солнце, как цветку, а вокруг была нищета и темень жизни. До сих пор помню лица, имена и фамилии, кого учила. Где вы сейчас, Ваня и Леня Козловы, Надя Голик, Валя Котик? Я вижу вас памятью и благодарю за то, что вы были у истока моей долгой педагогической деятельности и утвердили во мне желание быть настоящим образованным учителем. Это ваша заслуга. Наверное, и вы меня помните, ведь я была для вас не только учителем, но и человеком из другого, цивилизованного, мира. И вы тянулись ко мне, желая познать мир и услышать из моих уст про мое ленинградское окружение. Вы любили после уроков вместе со мной расположиться у открытой печки, слушать про войну, про знаменитых людей, про городскую жизнь. Я вам пела, и вы тоже пели — то, что мне было незнакомо и интересно. А еще мы любили смотреть на красные угли, рассказывать разные истории, а потом, на потухших углях, печь картошку в золе. Ели ее, крепко посолив. Это была наша школьная семья, и домой мы не спешили. Родители, по доброте душевной, и не торопили.

Мои домашние вполне справлялись с хозяйственными делами без меня. Мама готовила нехитрую еду, папа носил воду, колол дрова, поддерживал огонь в печке. Мария Александровна помогала. Денег, правда, у нас было очень мало. Получала я двести пятнадцать рублей в месяц. Какие-то небольшие деньги получала мама — по инвалидности. Но одно ведро картошки стоило сто рублей. С трудом приходилось что-то выменивать, чтобы покупать хлеб и прочее необходимое.

Спать мы ложились с наступлением темноты. Электричества не было, а керосин экономили, поэтому коптилку старались не зажигать.

А еще в деревне практически не было мужчин. И женщины, как могли, выполняли за них все трудные работы. Техника при этом, по понятным причинам, почти не использовалась. Единственный на всю округу комбайнер Иван был в деревне предметом всеобщего высочайшего уважения. Впрочем, у солдаток имелся к Ивану и другой интерес. Но Иван отдавал предпочтение нашей Марии, которая, действительно, была очень хорошей, доброй, душев-

ной женщиной. Ивана — боготворила, кормила его недоваренной картошечкой с сырцой — так он любил. Конечно, она вызывала зависть у женщин и ее поливали бранью. Ивану давали за работу пшеницу, он — делился с Марией. А где-то у него была семья и т.д.

Я постепенно осваивалась с деревенской жизнью. Мария научила меня доить корову Майку, но вот только молоко я не пила с детства. Видя мою худощавость, Мария уговаривала попить «тепленькое, парное», — я не решалась. В то время я еще внезапно теряла сознание, и боялась этого состояния, хотя старалась скрывать свою впечатлительность. Крестьянская жизнь, крестьянский быт, во многом являлись для меня откровением.

Недели через две после нашего приезда в школе объявили, что все учителя должны идти в ночь скирдовать в степи солому. Я не представляла, что это такое, но так старалась оправдать доброе отношение ко мне, что постеснялась сказать, что не умею, что нет у меня физических сил. Словом, отправилась я со всеми в степь. Радовалась, что хоть босиком идти не нужно. Начинались первые холода. Пошла в единственных скороходовских туфлях-бареточках. Конечно, в доме возражали, но я пошла. Вместе со всеми преодолела большой путь. Кое-кто из старых женщин ехал на быках. Ночи в степи темные, но очень звездные. Бригадир стал раздавать грабли, вилы. В темноте он не разглядел новенькую, городскую, вручил вилы и мне. Я старалась не отставать от «своих». Но когда я попробовала повторить движения женщин, то поняла, что ничего у меня не выходит. Состояние неполноценности и вины перед всеми буквально меня раздавило. Хотелось спрятаться, исчезнуть, чтобы никто не видел моей беспомощности. Но ее увидели. Ко мне подошел Абдулла Хасанович и решительно повел к деревне. Я ощутила еще большее чувство неловкости, но возражать в моем положении было смешно. Абдулла Хасанович извинился передо мной сам, сказал, что это он сам виноват в том, что допустил меня до скирдования. И добавил, что есть приказ председателя ежедневно давать мне бесплатно пол-литра сливок. Я не находила слов для разговора. Мы подошли к дому Левшанихи. В окне мерцал фитилек коптилки. Меня ждали. Когда я вошла, Мария, похлеще девочки-возницы, разразилась бранью в адрес сразу всех моих руководителей. Она обещала привести их к порядку по-своему. Меня называла деточкой, предлагала в два часа ночи сварить картошечку с сырцой. Мария Александровна в момент извержения брани из уст Марии все восклицала: что это за рыбы слова?! Для нее в тот момент они были главнее. Папа почему-то счел необходимым говорить о положении дел на фронтах, просвещать меня. Я взорвалась! Задула фитилек, полезла на печку, и все умолкли.

Надо отдать должное, что в военное лихолетье почта работала бесперебойно. Ежедневно почтальон дядя Ваня привозил на лошадке из ближайшего

совхоза различную корреспонденцию. Письма шли без марок, без конвертов: складывали листки в треугольник и этого было достаточно. Мы на первых порах получали без задержки исключительно пенсионные деньги и зарплату. Писем нам еще не было, мы только сами пока всем писали: сообщали свои координаты. Для нас это был период адаптации к новым условиям.

А жизнь преподносила все новые сюрпризы. Так, оказалось, что нет в Чанах, и не только у Левшанихи, — туалета. Задрать подол и справить нужду на огороде считалось нормой. Вот так! Это после-то ленинградских условий и приличий... Утонченная и избалованная Мария Александровна предложила папе срочно строить туалет. Он отшучивался, говоря, что нужен проект, а архитектора нет. Тогда Мария Александровна решительно заявила, что сама пойдет к председателю, забывая при этом, что председатель, скорее всего, и сам туалета не имеет. Если всерьез, то страшно было и подумать, что надвигается сибирская зима, и нам, в самом деле, грозит оголяться на морозе. До холодов мы с мамой поочередно дежурили, когда Мария Александровна появлялась в огороде, а потом проявили фантазию и творчество в положительном решении этого вопроса. Мы оставались по духу теми же, но были смешны и жалки в новой обстановке.

Пошли сплошные дожди, и, чтобы добраться до школы, приходилось преодолевать препятствия на размытой дороге, цепляясь за плетень. Многие старики ходили в лаптях. Оказывается, их предки в прошлом веке переселились на эти земли с запада и передали своим потомкам умение плести лапти из бересты. Это целое искусство! Я уже подумывала приспособить лапти вместо галош, но учительница Зоя Балюкевич одарила меня сапогами мужа, который был на фронте. Я не снимала свои туфли, так прямо в них и погружалась в огромные сапоги. В этом было мое спасение! Конечно, все это было как-то «не по-человечески», то бишь не по-русски... Старики хорошо помнили время, когда до революции к ним приезжали с товарами купцы-евреи. Других национальностей они не знали и меня (с любовью!) стали называть учителька-яврэйка. Этим я отличалась от своих коллег. Многие старики никогда не видели поезд... И еще одно откровение поразило нас.

Все началось с того, что Мария Александровна захватила из Ленинграда зонтик и лисью горжетку. В один из дождливых дней она пошла менять (помимо прочего) свое белье из ателье, которое называлось «Смерть мужьям». В то самое время шумной ватагой возвращались из школы местные ребята. Узрев над головой эвакуированной незнакомый предмет, не могли не проявить интерес. Стали спрашивать. Пришлось на другой день взять в школу зонтик и показать его назначение. К моему удивлению, маленькие дети пугались, когда зонт раскрывался, а те, что постарше, выражали сомнение в его необходимости.

Но самое удивительное произошло у нас в доме, когда Мария Александровна, эффектно накинув лису, в дверях столкнулась с нашей Марией. Последняя так испугалась «зверя с головой», что никак не хотела поверить в его безопасность и все повторяла: до чего же додумались глупые люди, зверей таскают на шею?! В какой-то мере я с ней согласна. Цивилизованные люди, во имя своей прихоти, уничтожают (и в каком множестве!) своих братьев меньших.

От Левшанихи мы переехали к одинокой больной старушке Ганке. У нее не переставая тряслись конечности и голова. Зато дом был просторный. В прошлом, наверное, в нем жили богато, но теперь дом был грязный и постепенно разрушался. Ганка была рада, что мы переехали, и не переставая молилась за нас. Конечно, мы ей помогали. Теперь я уже спала на другой печке, и коты не было. Марии Александровне соорудили топчан-диван. Мы быстро навели чистоту. Создали что-то вроде уюта. Из старой рубашечки с кружевами сделали занавесочку. Поставили в банку яркие осиновые ветки, и дом преобразился. Стали приходиться женщины. Остановятся на пороге у открытой двери и стоят молча. Вначале мы думали, что приходили за советом или что-нибудь выменять, но ответ был один: пришли посмотреть. И смотрели неизвестно на что. Наша жизнь была, как на экране. Мы тоже порой смотрели, по их понятиям, ни на что. Было однажды такое. Стоит Ганка, прижавшись лбом к оконному стеклу, как вкопанная, — и не шевелится. Подошла мама. Смотрит. Окликнула ее. Никакой реакции. Подошла ближе. Вновь обратилась, а Ганка, не двигаясь, говорит: «Голова у меня заболела, вот и прилипла к стеклу. Помогает». Мама улыбалась, рассказывая нам о методе лечения Ганки. Потом частенько иронизировала и говорила: «У кого голова болит? Айда к стеклу!».

Мы-то это расценивали как отсталость, чудачество, а позднее знакомый физик меня просветил: оказывается, стекло нейтрализует скопившиеся на коже электрические заряды, вот и проходит боль. Все просто. Мудрые были старые сибиряки. Они всё примечали и пробовали на себе — экспериментировали. Так что, смеется тот, кто смеется последним!

Приближалась зима. Нужно было запастись картофель. Мне посоветовали взять в колхозе двух быков и поехать в соседнюю деревеньку Блюдце, находящуюся в десяти километрах от нас. Там, вроде, крестьяне охотнее меняли еду (продукты) на вещи. Мне казалось, что я уже достаточно наблюдала, как управлять телегой, и сама без посторонней помощи сумею быть погонщиком быков. Мама поверила в мои новые возможности, и рано утром мы с ней двинулись в путь. Дорога — единственная, других не было, — вела прямо в Блюдце. Вначале мы обе сели на телегу, но быки еле тащились. Меня это раздражало: они плохо понимали мое деликатное обращение. Казалось,

вот-вот остановятся и не двинутся с места. Я пошла рядом и стала подбадривать палкой. Мама поражалась моему методу, проявила жалость к животным и уже сожалела, что поехала со мной. На меня напал смех. Она была неискушенной в грубостях, и я оправдала свой смех какой-то ерундой, пришедшей в голову. Сказала, что если бы я была художницей, то написала бы с натуры ее, восседающую на быках. В ответ она только посмотрела и повернула свое красивое лицо в сторону восходящего солнца. Да, мама была красива! И действительно, если бы появилась такая картина, то она была бы правдивым штрихом и иллюстрацией к военному времени.

Быки все же дотащили нас до деревни. Мы выменяли мешок картошки. К тому еще, женщина, отдавшая его нам, угостила горячим супом, домашним хлебом и свиным салом. Мы с благодарностью поели и разомлели в тепле. Хотелось еще побыть в теплой избе, но хозяйка стала нас поторапливать. Наступали сумерки, и пошел редкий снежок. Мы не знали, что в такую пору здесь стаями бегают волки. За время войны не было отстрела и развелось их великое множество. Мама стала уговаривать меня заночевать, а в путь двинуться на рассвете, но на ферме меня предупредили, чтобы вечером быков вернула. Да и утром занятия в школе. Хозяйка дала мне пук соломы и спички («серянки», как она их назвала) на случай, если покажутся волки: «Они боятся огня и не нападут». Все это мы усвоили и в страхе двинулись в путь.

Быки, на удивление, шли хорошо, их и подгонять было не надо. Оказывается, к дому они всегда идут быстрее. Добрались мы хорошо, без приключений. Своих порадовали картошкой и куском бараньего жира. Этим деликатесом мама обещала накормить на следующий день.

За ночь резко похолодало. В школе к началу занятий вытопили печи.

В роль учителя я вполне вошла и чувствовала себя уверенно. Случилось так, что мне предложили в ту зиму преподавать русский язык и литературу в 5–7-х классах. Для меня это было значительно интересней и легче. Сама я в школе была отличницей. А кроме того, буквально обожала учителя литературы Евгения Клавдиевича Вознесенского — стареющего интеллигента, эрудита. В 8-м классе даже умудрилась в него влюбиться. И уж как только не изощрялась в чтении дополнительной литературы к урокам, чтобы блеснуть! Папа — а он был для меня авторитетом и интересным собеседником, поощрял мое увлечение книгами. Таким образом, к настоящему моменту мой кругозор в сопоставлении с возможностями совсем юной местной учительницы литературы имел явные преимущества. У нее, по целому ряду причин, никак не складывался контакт с учениками. Чтобы учить, нужно знать значительно больше программы. Личность учителя должна быть богатой и щедрой, чтобы вести за собой. К сожалению, моя юная коллега не была пока к этому готова. Она боялась уроков и мучилась.

В итоге, директор предложил нам поменяться ролями. (Школу к тому времени возглавлял старый учитель Дьячков. Камалова взяли в армию).

Я не возражала. Учительница же очень обрадовалась. В течение нескольких дней пришел приказ из РОНО о моем назначении. Мама учительницы, которую я сменила, была мне так благодарна, что подарила чулки из овечьей шерсти. Они оказались очень кстати.

Приближались школьные каникулы и районная педагогическая конференция в Чанах. Все учителя в школе отлично ходили на лыжах и путь на конференцию в 45 километров совершали в виде лыжного пробега. Я на лыжах ходить не умела. В Ленинграде каталась только на коньках. Было решено, что я и еще одна старая учительница доберемся до ближайшего совхоза пешком, а там на попутном транспорте. Однако все оказалось сложнее.

Пешком пришлось идти очень много. Я была в новых валенках и в толстых шерстяных чулках. Когда мы добрались до места назначения, то ноги у меня были стерты в кровь. Местная учительница притащила мне огромные старые мужские валенки. Ноги обработали, завернули в портянки, и только после этого я вновь смогла передвигаться.

Конференция проходила в Доме культуры. На сцене стоял огромный рояль. Увидев инструмент, я едва уняла волнение, сердце мое заколотилось. Рояль как живой притягивал и звал. Ведь с семилетнего возраста я занималась музыкой, и не у кого-нибудь, а у Малоземовой, сподвижницы П.И. Чайковского. Всего год с небольшим прошло, как Ольга Платоновна подарила мне клавир Первого концерта... После музыкальной школы, к моменту перевода в Музыкальное педагогическое училище я уже закончила так называемое профессиональное отделение. Вот в какой музыкальной форме была я совсем недавно. Но как же теперь все это далеко...

В перерыве я поднялась на сцену, на которой еще заседали и шумели члены президиума. Открыла крышку рояля и заиграла — Шопена. Скерцо. Я забыла про боль окровавленных ног, огромный валенок правой ноги попал одновременно на две педали... Но я играла, играла, спешила... Хотела успеть сказать привычным для меня языком музыки то, что накопилось, что пластами лежало в душе, искало выход и теперь вырывалось потоком нахлынувших чувств, подобно экстазу... Послышались аплодисменты. Меня окружили, поинтересовались, откуда я. Да на том все и кончилось... Утром все должны были разъехаться по своим селениям.

О моих стертых ногах сказали новому заведующему РОНО. Он только что демобилизовался после ранения. Его родная Украина была оккупирована. Теперь молодой образованный учитель — Иван Петрович Балакин, — возглавлял народное образование. Он распорядился, и проследил, чтобы меня на попутных видах транспорта довели до Черниговки и доложили

ему. В нем сразу чувствовалась военная дисциплина и требовательность. Исполнено все было так, как он сказал.

Вернувшись в деревню, я продолжила преподавать русский язык и литературу. Часто стали приходиться письма от моего друга детства и юности Светозара — Светика, который был старше меня на два года. Детская дружба переросла во влюбленность. Ко мне летели весточки, как ласточки, напоминая родное гнездо, общее детство. Они мне были очень нужны, эти письма уносили меня воображением в Поповку, где некогда мы проводили школьные каникулы. Я памятью видела наше крылечко, буйную в цветении персидскую сирень с цветами легкими, как пушинки, махровую, гнущуюся под тяжестью своего веса и аромата... Видела августовские ночи, когда появлялся среди звезд Юпитер со спутниками. Хозяин нашей дачи брал нас на поле, чтобы показать в подзорную трубу планеты. Он рассказывал о загадках мироздания, учил видеть невообразимо далекое. В это время всегда светила Луна над притихшей нашей планетой, и совсем рядом шептались березы. Лучи-нити звезд мы сравнивали со звучащими струнами и, казалось, слышали «музыку звезд». А потом, очнувшись от миража, мы с ужасом смотрели под ноги, боясь наступить на лягушку... Здесь же протекал ручей и, перебираясь по камешкам, мы шли к дому.

Память отлистывала годы, уносила в прошлое, далекое, милое... Она рисовала, пела, трепетала в ознобе, подобно листкам осины... Языком яркого детства и звонкой юности говорили со мной письма друга.

Удивительные письма получала и Мария Александровна — от своего мужа из Воркуты. Ее муж, Вениамин Григорьевич Нарли, был химиком, но он отлично разбирался в искусстве и успешно занимался режиссурой в местном театре. Его письма были полны не только нежности и любви к стареющей жене, они вселяли надежду на встречу и помогали выжить нам всем. Старик по возрасту, он так по-молодому переносил тяготы ссылки: Вениамин Григорьевич находил силы в духовности и посылал импульсы своей нестигаемой души «любимой Марусеньке». Каждое письмо было разносторонне интересным и являлось своего рода новеллой. Читая, мы ощущали себя прежними... Окрыленная душа вела за собой.

Меня стали интересовать этнографические корни местного населения. Я заходила в дома к старикам, слушала их рассказы. С местным фольклором знакомилась, когда женщины всех возрастов собирались в избечитальне и голосили под гармошку-хромку частушки. В ярких юбках и платках они выглядели празднично. Никто ими не руководил, мелодия лилась естественно, голоса гармонично сливались в песню, — каждая старалась спеть и выразить движением то, что чувствовала. Отбивание дроби каблучками имело разный ритмический рисунок: грустный, радостный, надрывный...

Но очень нужный! Другой разрядки от тяжелой жизни не было, вот и пели:

Дать кругу, дать кругу,
Дать кругу шире!
Буду шофера любить,
Кататься на машине...

Я иду, иду, иду —
Встану, да подумаю.
Мой залёточка не любит,
А я, дура, думаю...

Тогда я была слишком юна, чтобы понять страдание молодых женщин-солдаток, годами не знавших мужской ласки. Мне казалось странным, что единственный мужичок — инвалид, юнец-подросток, имеет так много внимания от женщин. Притом все это было совершенно откровенно и проявлялось везде — особенно на сборе в избе-читальне. Наблюдать я наблюдала, но вопросы никому не задавала. Обычно происходило все так. Гармошка долго пиликала. Женщины красовались. Мальчик-юнец — правда, он уже работал, был конюхом, — демонстративно покуривал махорку и ежеминутно сплевывал. Впрочем, каждый оставался при своем интересе: я старалась незаметно уйти и в тишине темного вечера погрузиться в близкое и приятное мне. Привычную мне музыку я слышала редко, по радио, в сельсовете, — иногда. Даже патефона в моем распоряжении не было. Однако музыка Баха, Бетховена и многих классиков, на которых я была воспитана, постоянно звучала во мне. О, как я вспоминала свою учительницу Ольгу Платоновну!!! Это она с первых уроков приобщила меня к большому искусству. Ведь все великие композиторы не забывали писать музыку для детей. Память прочно хранила воспринятое, и теперь, по своему желанию, внутренним слухом я могла наслаждаться богатейшей палитрой музыкальных красок. Это было мое богатство на всю жизнь!

Местные женщины, по-прежнему, нет-нет да и заходили к нам — просто так. Просто посмотреть. Правда, в те дни у нас и впрямь появилась новая диковинка, и я ее выставила на обозрение. Ко дню моего рождения Мария Александровна сотворила в подарок мне из очень рваненьких остатков бывлой роскоши, своего белья, — розу. Искусству изготовления цветов она научилась в гимназии, и тут поразила всех нас своим мастерством. Целуя меня и кладя розу на плечо, она пожелала, чтобы в мирном будущем эта роза символично украсила мое нарядное платье. Меня очень растрогал подарок. Пожелание Марии Александровны я исполнила через несколько лет.

Как-то придя в школу, я заметила всеобщее волнение. Оказалось, что днями здесь должен был появиться заведующий РОНО. Переполох был страшный. Никто не помнил, чтобы в такое захолустье приезжал «сам заведующий». Я тоже заволновалась, ведь у меня не было педагогического образования! Уроки вела, копируя своего учителя — Евгения Клавдиевича.

Накануне все собрались после уроков, и работа закипела: мы что-то уточняли, перепроверяли, переписывали документацию, мыли, белили. Попутно меня знакомили с какими-то мудреными педагогическими терминами, хотя сами мои наставники, судя по всему, тоже не слишком преуспели в терминологии. На меня же и вовсе обрушилось столько «непонятого», что я готова была подать заявление об освобождении меня от работы. Дома нервничала, дергалась. Папа уверял, что я имею моральное право учить детей, так как одновременно я обогащаю их ленинградской культурой. Он обращал мое внимание на то, что местные учителя даже не умеют правильно говорить. Мне все это казалось неубедительным.

И вот «ревизор» в лице Ивана Петровича Балакина прибыл. Вечером. Остановился у председателя. Вся деревня только об этом и говорила.

Мои домочадцы до последнего старались внести свою лепту в содержание моего урока по литературе. Я все отрицала. И только все чаще вспоминала Евгения Клавдиевича. Он по-прежнему был для меня единственным авторитетом.

Перед началом уроков все собрались в учительской и ждали своей участи. Улыбчивый, уверенный в себе Иван Петрович не спешил осматривать школу, не интересовался поурочными планами, а просто разговаривал: тянул время. До звонка оставалось минут сорок. Естественно, каждый видел себя в роли жертвы проверяющего. Но мне, как уверяли меня мои коллеги, роль эта никак не грозит, так как я новенькая. И вдруг Иван Петрович интересуется темой именно моего урока и очень мягким голосом говорит, что хочет побывать на моем уроке. В этот момент директор попытался что-то ему сказать, но мне уже вряд ли что могло помочь. Я шла ко дну... Кто-то вложил мне в руку журнал, и мы направились к классу. Вплоть до этого момента я пребывала в полной прострации. Напряжение, как видно, дошло до высшей точки. Что было дальше? А дальше я стала самой собой. Я увидела привычные лица детей и старалась не смотреть на последнюю парту, за которой сидел Иван Петрович. Потом лихо провела еще два урока. Глубокого анализа моего «дидактического метода» вслед за этим не последовало. Заведующий просто похвалил меня в присутствии всех. Послышались лестные слова директора школы, но я очень спешила домой, чтобы успокоить родителей, и попросила разрешения уйти.

Вечером восемь человек учителей — наш коллектив — обедали у директора школы. Все было просто, по-домашнему. Затянули незнакому мне

сибирскую песню. Потом Иван Петрович вспомнил конференцию, мою игру на рояле, когда я буквально рвалась к инструменту. И в деревне после войны будут так же учить музыке, выразил он свою уверенность. Еще он поинтересовался, как мне тут живется и есть ли связь с Ленинградом. О том, что живут здесь со мной мои родители он, оказалось, был уже осведомлен... На этом нашумевшая проверка работы школы была благополучно завершена.

Стояла сухая морозная зима. Я уже научилась мыть белые полы голиком — «лысым», без листьев, веником. Босыми ногами я терла доски этими прутьями и обильно поливала пол щелоком, приготовленным из золы. Такая еженедельная процедура была правилом жизни деревни. Я подражала местным женщинам во всем: завершив работу, открывала входную дверь и прямо на улицу выливала из тяжелой деревянной лоханки грязную воду. В этот момент меня, потную, охватывал леденящий воздух. Так было принято, и я себя чувствовала на высоте. А бедные мои родители с ужасом смотрели на подобную процедуру, вспоминая мои частые ленинградские ангины. В Сибири я ничем не болела. Только дистрофия сердечной мышцы, приобретенная в блокаду, давала о себе знать, но об этом я помалкивала. Мария Александровна прочила мне все известные ей женские болезни от переохлаждения, считая, что ведя себя подобным образом, я, кроме всего прочего, «опускаюсь до уровня темных людей». Я же на сей счет придерживалась иного мнения: я не считала сибиряков, во всяком случае в этом отношении! — темными, они — просто закаленные, — я в этом ничуть не сомневалась. Родителям же в ответ говорила, что они, родители, пребывают в таком возрасте, что уже просто не могут сломать (или хотя бы изменить!) стереотип своей жизни — вот и мучаются физически и морально! Они (мы) ни разу так и не решились пойти в баню, которая топилась по-черному. Баня не имела трубы в печке и действительно была черной от сажи. Не исключено, что и угарный газ оставался. И раздевалки там теплой не было. Одежду люди оставляли перед входом и сразу попадали в обжигающую жару. После мытья минимальным количеством воды со щелоком из золы, распаренные, выходили на холод. Для здоровых сибиряков это была полезная гимнастика для сосудов. А мы, друг над другом посмеиваясь, плескались как могли в комнате...

По прошествии какого-то времени мой папа стал периодически читать лекции учителям и всем желающим. На разные темы. Это уже был шаг вперед по кругу второй жизни. Конечно, подробнее всего папа знакомил слушателей с положением на фронтах Великой Отечественной. Однако, он освещал не только день сегодняшний. Рассказывал и о прошлом. Например, об истории Барабинской степи. Многие местные жители не представляли, что до них здесь жило тюркоязычное население. Разрозненные группы племен именовали себя барабинцами — отсюда и название степи. От Чанов близко

находится город Тюмень. Там в XIV—XV веках было Тюменское ханство, которое подчинялось Золотой Орде, а потом узбекскому хану. На одном из островов озера Чаны сохранилось татарское укрепление. Местная интеллигенция проявляла ко всему этому интерес. Папа всегда говорил простым, доступным для понимания языком. Наша семья тоже подобного не знала, и мы приходили слушать папу. Мария Александровна, в свою очередь, так же заняла активную позицию: боясь потерять вокальную форму, она начала заниматься вокализмами. Наша хозяйка как-то услышала это пение отдельных слогов. Прислушалась: понять ничего не может. Заглянула в дверь, замерла: Мария Александровна стоит в позе, выкрикивает что-то совершенно бессмысленное! Ганка перекрестилась, побежала к соседке, рассказать. Прибежали вдвоем слушать, а Мария Александровна делает все больший упор на диафрагму и многократно пропевает «какую-то неразбериху». Открыли дверь. Встали, как вкопанные, на пороге, крестятся. Тут Мария Александровна завершила вокализ. Решили, что она «заболела головой». Об этом узнала я и, конечно, сочла необходимым сказать, что Мария Александровна настоящая артистка, и, чтобы голос не пропал, ей нужно петь упражнения. Тогда, не откладывая дела в долгий ящик, Марию Александровну попросили выступить в школе. Избалованная аккомпаниаторами, Мария Александровна долго отказывалась петь без сопровождения. Тогда папа предложил ей спеть под гармошку-хромку. Мария Александровна одарила папу взглядом, а потом сказала: «Может быть, вы лбом к стеклу прильнете?» Тут уж они оба рассмеялись — и были квиты.

Доступный для этого выступления репертуар отбирали всей семьей. Мои ребята написали афишу и повесили ее на самом людном месте. Концерт прошел хорошо. В то время телевизоров не было и некоторые впервые присутствовали на выступлении профессиональной певицы. Отношение к Марии Александровне тут же переменялось. Правда, не обошлось и без курьеза.

В базарный день Мария Александровна продавала свою последнюю рубашечку с Невского, 12, когда к ней подошел мужчина, спросил цену и не рассматривая товар, пихнул ей в руку сумму в несколько раз большую, чем она просила, и быстро удалился. Это был добрый жест сострадания человека. Придя домой, Мария Александровна разрыдалась. Мы, как могли, успокаивали, по-доброму аргументируя поступок незнакомого человека. Разве жалость и унижение одно и то же?!

Прошло какое-то время. Наверное, был февраль. Метели и бураны заматали все вокруг. Я по-прежнему спала на печке и слушала завывание ветра в трубе. Разные мысли теснились в моей голове, порождая в душе небеспочвенный страх. Ведь мы уже реально, не раз, вечерами видели из окошка голодных волков, шныряющих по деревне.

В один из вечеров, когда мы уже приготовились ко сну, в дверь постучали. За окном свирепствовала снежная буря. Вошел в тулупе старый мужчина и с ним женщина — секретарь сельского совета. Они показали полученную телефонограмму, в которой мне предлагалось немедленно выехать в Чаны. У ворот стояла запряженная в кибитку лошадь. В руках старика — для меня — огромный тулуп. Мама взмолилась! Мария Александровна стала причитать, что брат ее мужа, будучи в экспедиции в Сибири, в такой же буран отморозил ноги, руки и жил с ампутированными конечностями. Папа взывал к разуму и просил переждать бурю. Но секретарь стояла на своем. Время военное, и она обязана обеспечить явку в район, согласно телефонограмме, которая была подписана председателем исполкома. Старичок уверял, что буря не страшна, потому что повезет лучший конь-производитель. На нем в любую пургу ездит сам директор совхоза. Добавил, что директор меня ждет и поедет в Чаны вместе со мной. Одновременно он крутил тяжелым тулупом и просил верить ему, старому человеку. На меня эта сцена подействовала. Я почему-то кинулась к папе. Просила его не волноваться и не ставить меня в неловкое положение. Взяла паспорт и попросила помочь облачиться в тулуп. Но тулуп оказался таким большим и тяжелым, что я тут же вернула его обратно, решив вернуться в него потом. Моя уверенность ошеломила маму, и она примолкла. Я обещала утром дать телеграмму. На том и было принято мое единоличное решение. Секретарь еще задержалась у нас, — она жила через дом, — а мы тронулись в путь.

Буря была такой, какую я видела только в кино и на полотнах художников. Движущееся плотное облако с завыванием обволакивало все вокруг. Где-то вблизи от деревни была мельница. Мы и не заметили, как осталась она позади. Лошадь бежала ровно. Мы молчали. Мой тулуп оказался теплым уютным гнездом, и мне в нем было сказочно хорошо. Только так продолжалось недолго. В какое-то время лошадь начала круто поворачивать, дергая повозку. Казалось, вот-вот мы перевернемся. Ощущение было тревожное и неприятное. Старик что-то кричал, временами натягивал вожжи. Потом лошадь остановилась, видимо, по его знаку. Он взял одну вожжу, другую дал держать мне, а сам сбросил тулуп и нырнул в глубокий снег. Я ничего не понимала. В радиусе вожжи он пытался ходить, еле вытаскивая всего себя из метрового покрова снега. Лошадь волновалась. Дергалась на месте... Наконец старик изо всех сил закричал мне: «Что сидишь?! Не выпускай вожжу из рук и ищи дорогу!» Я обомлела, но повиновалась. Он был главным и знал, что нужно делать. Я по его примеру вышла из своего гнезда-тулупа и тоже погрузилась в глубокий снег. Потопталась около кибитки, но дороги подо мной не было. Я вся взмокла от страха и физического напряжения. Изо всех сил держала вожжу, боясь потеряться в снежном море. Старик сел

в сани, позвал меня. Ничего не сказал и положил на колени вожжи. Потом дернул их, что-то крикнул и конь с силой рванул. Больше старик лошадей не управлял. Опять рывки, повороты... Еще и еще!.. И дорога скатертью расстелилась под копытами нашего спасителя. Старик уже что-то другое закричал, подбадривая лошадь, а я с головой ушла в тулуп. Вспомнила слова Марии Александровны. Они едва ли не оказались пророческими! Тут же всплыла, в сопоставлении, картина шторма на Ладожском озере, посадка на качающееся суденышко и пучина, готовая нас поглотить... Как все похоже! Какие злые силы правят природными стихиями?

Лошадь неслась. Старик подхваливал как ни в чем не бывало. Вожжи лежали у него на коленях. Лошадь знала дорогу. Бежала домой, чутье ее было безошибочным. Все приключившееся с нами в пути и произошло только потому, что в какой-то момент вожжи в руках возницы сдвинулись, а послушный конь принял это за сигнал и выполнил. Оттого мы и утонули в снегу — у самого края дороги!

Приехав в совхоз, нарочный вроде и не собирался докладывать о случившемся. Наверное, подобные пути-дороги считались обычными. Ранним утром вместе с директором совхоза мы выехали, и в полдень были в исполкоме. Все оказалось предельно просто. Подводились итоги какого-то соревнования и в Доме культуры секретарь обкома партии Новосибирской области должен был вручать награды. Меня вызвали, «чтобы сыграла Гимн Советского Союза», и, в момент вручения, — туш. Святая наивность это была или дурость?.. Никто ведь не знал, умею я играть эти вещи или нет!.. К счастью, с раннего детства я лихо играла по слуху всё. Даже в шесть лет умела, а теперь, в семнадцать, уже могла сыграть не только Гимн, но даже вариации на эту тему! Тем не менее, чья это была затея вызвать меня в бурю, я тогда так и не поняла. Помню только, подошел ко мне Иван Петрович Балакин, который совсем недавно проверял нашу школу, и попросил зайти в РОНО. После торжественной части. Я отгромыхала положенное и пошла. Его секретарь накормила меня и вручила новое пальто, сказав, что это премия. За что? Она ответила что-то невразумительное и попросила расписаться. Теперь сказали бы, что это гуманитарная помощь. Тогда преподносилось по-другому, щадя самолюбие. Потом последовал разговор с Иваном Петровичем и инспектором. Мне предложили переехать в Чаны, работать учительницей второго класса и по совместительству музыкальным руководителем художественной самодеятельности в Доме культуры. На все мои недоуменные вопросы ответы были продуманы заранее. После окончания учебного года освобождался отдельный домик, и в него могла переехать со мной моя семья. До этого нам предоставлялось бесплатное жилье на частной квартире. Я обещала с ответом не замедлить после того, как посоветуюсь с родителями.

А дальше все сложилось как по сценарию. Идя мне навстречу, вместе со мной перевели в Чаны и молодую учительницу, мама которой имела здесь собственный дом. Мне уже улыбалось жить вместе с ними. Родители меня с радостью благословили на переезд, но я решила не сразу: никак не хотелось отдаляться от полюбившихся людей и от своих учеников... Но папа настаивал. Он считал, что захолустье меня погубит. В моем переезде видел и общую перспективу. Так состоялся мой переезд в Чаны.

И опять новая среда, волнения, трудности. Представилась возможность заочно учиться в педагогическом училище в сибирском городе Куйбышеве.

В Чанах были единицы эвакуированных, в основном — демобилизованные после ранения и много высланных немцев из Поволжья. Объединял нас — рояль. Вечерами молодежь собиралась в Доме культуры, музицировали, что-то творили. Создали концертную бригаду. По субботам танцевали под баян, смотрели кино. Молодость не терпела остановки в жизни. Я с раннего утра была в работе. Везде очень старалась, выкладывалась полностью. Мы в темпе готовили программу первого концерта в нашем Доме культуры. Умение играть по слуху, подбирать — выручало. Никаких нот не было. Зато были пластинки, патефон и радио.

Я одновременно взялась за учебу. Хотела успеть подготовиться к экзаменам и сдать сессию. Моими делами интересовался Иван Петрович. Он приходил в Дом культуры, в школу. Предложил помочь позаниматься перед сессией, принес пособия.

Ему двадцать семь. Высок, красив, умен. Как-то вечером он проводил меня после репетиции. Для меня это было ново. Я с интересом его слушала. А «поэтический» рассказ Ивана Петровича был про Украину. Шли медленно. Обычно это расстояние я проносила вихрем и ничего не замечала вокруг. В этот раз все было иначе... Я впервые почувствовала локоть и сильную поддержку мужчины. Расставаясь, он сказал, что при следующей встрече надеется услышать мой рассказ — про Ленинград. Когда мы прощались, я заметила отодвинутую занавеску в окне и лицо хозяйки. На следующий день уже многие знали, что заведующий РОНО меня провожал. Я не знала, как на это реагировать. Как всегда, рано утром бежала в школу, потом в библиотеку заниматься, вечером — в Дом культуры.

В концертную бригаду пришла творческая молодежь. На основе когда-то увиденного-услышанного составлялись литературно-музыкальные монтажи, пародии, хореографические миниатюры. Мы зажигались идеями, замыслами и в этом вихре творили.

Директором Дома культуры был местный двадцатилетний Алексей Шарапов. Он вернулся с фронта с безжизненной правой рукой. Так называемая «разрывная пуля» повредила нервы. В то время сшивать их не умели.

Алексей был очень одарен. Прекрасно танцевал (вел при ДК танцевальную студию) и роскошно пел. У него был красивого тембра баритон и природная мощь голосового аппарата. В этом он напоминал Шалапина.

Размах у него был во всем. Алексей умел быть щедрым. Люди к нему тянулись. Однажды благодаря своему дару Шарапов привел в Дом культуры интереснейшего человека. Заметил в степи: увидел сидящего на фургоне молодого мужчину, погоняющего быков. Тот был слишком легко одет в морозный день, чем невольно и обратил на себя внимание. Алексей не выдержал — подошел. Разговорились. Оказалось, что Анатолий, — так представился посочувствовавшему ему незнакомцу молодой человек, — и не сибиряк вовсе, а «сосланный», его выслали в Сибирь. И он доверительно рассказал Алексею, что отец его был дипломатом, его сделали «врагом народа», а сам он, — сын «врага народа», закончил гимназию в одной из восточных стран. По образованию художник. В данное время с трудом устроился работать возчиком. Алексей не был бы Алексеем, если бы не отреагировал на чужое горе: он тут же пригласил молодого человека работать в Дом культуры, художником.

Так Анатолий Фрейслер вошел в семью нашей творческой братии. Для нас он был кладом. Помимо того, что Анатолий отлично играл на гитаре, пел романсы из репертуара Вертинского (в то время запрещенного), он знал иностранные языки, был хорошо воспитан и образован. На свой страх и риск Алексей разрешил ему жить в Доме культуры — в полном смысле слова за печкой. В дежурной комнате соорудили топчан, и ребро огромной печки, всегда горячее, стало наградой нашему художнику за долгое испытание холодом. Огорчало одно: очень неприятное соседство с пьяницей-уборщицей Марией, увольнению не подлежащей (у нее был маленький сын). Вот такие новые испытания выпали на долю интеллигентного Анатолия. Но мог ли он роптать на судьбу! Главное — рядом были мы, понимающие и поддерживающие его.

Основной костяк нашей концертной бригады состоял из восьми человек. Анатолий сразу безоговорочно стал для нас кумиром. Он в самом деле был яркой личностью, но раскрыть свой талант в полной мере ему было не дано. Время было очень сложное. «Идеологическая вредность» песен, которые пел Анатолий, заключалась в том, что в них звучала ностальгия по прошлым временам. Все наши ребята любили, когда он брал гитару, и я тут же подключалась к аккомпанементу. Только все мы очень боялись прихода заведующего РОНО в момент пения, ведь он представлял власть. Я под любым предлогом старалась делать так, чтобы он не заходил за мной. В среде ребят мне было интереснее. Ко всему, я старалась в свободное время много играть на рояле, чтобы быть в форме. Помимо аккомпанемента, на концертах я играла соло. Высланная интеллигенция всегда с благодарностью слушала мою игру и пение романсов Алексеем Шараповым.

Вскоре мне предстояло очередное испытание — прыгать на ходу сбавляющего скорость поезда. Дело в том, что в войну сесть на поезд можно было только при наличии специального пропуска. Только он давал право на приобретение билета. Железная дорога целиком подчиняла свою работу нуждам фронта. Станция Чаны находится на центральной магистрали Западно-Сибирской железной дороги. Эшелоны шли сплошным потоком. Пассажиры поездов стояли в Чанах не более минуты: чтобы кого-то высадить, посадить, передать или взять мешок с почтой. Никаких исключений никому не делалось. Мы с концертной бригадой выезжали в ближайшие госпитали на лошадях или на грузовике. Теперь нам предстояла поездка в знаменитый курорт — Озеро Карачи. В мирное время он имел союзное значение: славился целебными грязями. В войну стал госпиталем, где принимали раненых после тяжелых травм опорно-двигательного аппарата. Грязь — рапа, делала чудеса. Госпиталь-курорт находился сравнительно близко от Чанов по железной дороге. Поездка «артистам» предстояла, естественно, без билетов.

Начальником станции Чаны был родной брат Алексея Шарапова. Алексей договорился с ним, что тот даст указание машинисту сбросить скорость и притормозить на подъеме перед Карачами. Такие поездки, на подножках, в исключительных случаях практиковались. Находиться мы должны были с той стороны вагона, где двери не открывались. Теоретически нам много раз было растолковано, как нужно себя вести: раскинув руки, держаться за поручни вагона и по знаку, в момент замедления хода, прыгнуть. На фронте в это время не такое делали!

Меня закутали в большой пуховый платок, чтобы не продуло голову. Предварительно рассчитав место предполагаемого вагона, мы растянулись по насыпи. Все получалось так, как нужно! Мы успели вскочить на ступеньки. Поезд тронулся, стал набирать скорость. И вроде было не страшно. Я прижалась к двери вагона и вцепилась в поручни так, что оторвать меня было бы уже невозможно никакой силой! По крайней мере мне так казалось. Однако когда с нашим поездом поравнялся встречный, который мчался на такой большой скорости, что концы моей шали взвились парусом, перед глазами у меня стало темно, и я — еще миг, — мелькнуло в моей голове, — просто вылетчу из вагона! Это было страшное мгновение, дивившееся, к счастью, всего несколько секунд... Встречный пролетел подобно вихрю. Не успела я прийти в себя, как наш поезд сбросил скорость, машинист на подъеме притормозил, и нам был дан долгожданный сигнал: прыгать! Далее, как и планировалось, мы спрыгнули на насыпь. И все было прекрасно, только что моим единственным, выдавшим виды туфлям, потребовался потом основательнейший ремонт!.. Но это уже мелочи. Возбужденные и довольные, по-молодому уверенные, мыслями мы были уже в своих ролях — на концерте. Что-то уточняли, на ходу изменяли...

Нас уже ждали. Уютный зал известного курорта сохранил свой довоенный комфорт. Зал был полон. Мы не заставили себя долго ждать. Наш конференсье, Петр Гусаков, тоже демобилизованный после ранения, тепло и сердечно поблагодарил защитников Отечества, пожелал им выздоровления, и мы начали концерт <...> В заключение я исполнила на рояле Прелюд Рахманинова. Кто-то в зале дольше всех аплодировал и кричал «бис!». А потом этот «кто-то» пришел за кулисы и стал меня благодарить за доставленное удовольствие. Отрекомендовался Игорем Сваричевским. Сказал, что перед войной «был студентом последнего курса композиторского отделения Ленинградской консерватории». Меня будто током пронзило!.. Мы с нескрываемым интересом смотрели друг на друга и, было похоже, одинаковые чувства захлестнули нас. При словах «Ленинградская консерватория» у меня перед глазами мгновенно всплыло все, связанное с моим музыкальным окружением. Мы оба были из одной культуры — и этим было все сказано.

Игорь первым овладел собою. Он взволнованно произнес, что за годы войны ни разу не слышал музыки Рахманинова и... вот так вот, вдруг, здесь... эта встреча с ленинградкой и с любимым произведением... Я тоже стала что-то лепетать. Игорь взял меня за руку и повлек к роялю. Сам сел за рояль и заиграл Второй концерт для фортепьяно с оркестром Рахманинова. С первыми аккордами спазмы в горле чуть меня не задушили. Такого состояния я никогда не испытывала ни до этого, ни потом, во всей долгой жизни. Это была настоящая эмоциональная буря всех моих чувств — выше порога возможного! Только молодые сосуды могли выдержать такой натиск. Игорь играл вдохновенно! Все выше и дальше унося меня в привычный мир звуков... Играл мне — по сравнению с ним, по пианистическому мастерству, — школьнице. Потом вдруг остановился, посмотрел на меня и спросил: «Чья вы ученица? Почему вы здесь?» Я отвечала, а он все спрашивал... В это время в фойе играл баян и многие танцевали. В распахнутую дверь заглянул Шарапов — позвал в столовую, куда нас пригласили пообедать, но я не пошла.

Игорь был старше меня лет на десять. Я поинтересовалась его отчеством. Игорь Васильевич, улыбаясь ответил он. А потом добавил, что его родители, учителя, ждут его после скорой демобилизации. Блокада была давно уже прорвана. Он раздобыл клочок бумаги, карандаш и записал мой адрес. Снова повел меня к роялю, хотел сыграть что-то свое: собственного сочинения, но тут меня позвали — прибыл транспорт. И мы быстро уехали, только теперь уже на машине, напоминавшей «Скорую помощь».

А дальше полетели письма, воскрешающие в моей памяти всю мою прошлую, ленинградскую, жизнь, мое бывшее окружение. В них были реки музыки... Там, в далеком таком теперь Ленинграде, остались мои корни. Эта связь

не рвалась. Память отлистывала назад месяцы, годы... Я как заново родилась! Моя жизнь не ограничивалась теперь только школой. Я ждала писем! Писала ответные на одном дыхании... Я этим жила.

Наступила весна. Мои родители к тому времени уже переехали ко мне. С Марией Александровной, конечно. Нам с ними, как и обещано, был выделен отдельный домик.

В тот год учителям дали в степи по десять соток земли — для посадки картофеля, и каждый должен был вспахать свой участок, на быках. В ту весну у нас в школе работал Шарапов: он, по совместительству, преподавал военное дело в старших классах. Шарапов взял полосу земли рядом с моей и, управляя плугом фактически одной рукой, вспахал и мою.

Дни мои были насыщены разнообразным трудом до предела. Много занималась по программе заочного педагогического училища. Хотела часть экзаменов сдать экстерном. Заглянувший к нам в школу Иван Петрович напомнил мне о возможном учебном отпуске. Поинтересовался также, как прошел переезд родителей и хорошо ли они устроились? Напомнив о скорой выездной сессии, сказал, что считает себя ответственным за мои успехи. Я и вовсе ударились в панику. Ни о каком учебном отпуске и речи быть не могло. В школе прибавилось много внеурочной работы да и денег я получала мало. В общей сложности рублей триста (литр молока, для сравнения, стоил двадцать пять рублей). Бедная мама и Мария Александровна несли на базар то немногое из оставшегося, что привезли с собой. Я все это понимала, только, вот, помочь не могла.

Началась выездная сессия. Приехал председатель комиссии Куйбышевского педагогического училища. Иван Петрович зашел на экзамен, но я уже благополучно отчиталась в своих знаниях.

Был вечер. Иван Петрович пошел меня провожать. В доме у нас горел свет. Я предложила зайти. Он любезно согласился. Мои домочадцы его уже знали с моих слов и были очень ему благодарны за возможность жить в отдельном домике. Папа был отличный собеседник, и разговоры затянулись до ночи.

На следующий день — звонок из РОНО. Меня просят зайти. Я пришла к секретарю. Оказалось, меня вызывали с тем, чтобы я написала заявление на оказание мне материальной помощи. Я отказалась. Тогда секретарь открыла дверь в кабинет и вышел Иван Петрович. Он дипломатично свел разговор к тому, что мне будут доплачивать деньги за работу в Доме культуры. По инициативе профсоюза. В заключение поинтересовался, что я буду играть на концерте, и сказал, что слушать меня будет в первом ряду. Я поблагодарила за все и быстро вышла. Иван Петрович был для меня человек уважаемый и не больше. Мое сердце все увереннее поворачивалось к Шарапову. Мне нравился этот красивый молодой человек. С ним вместе мы занимались

сольфеджио, вместе разучивали романсы Глинки и часто вместе возвращались домой: крошечный домик его мамы был на нашей улице.

Однако не мне одной приглянулся Шарапов. Нравился он и местной учительнице. И она стала ревновать его ко мне. В какой-то день на улицах была расклеена частушка:

Как у Валиных ворот,
У самой калиточки,
Задавился Шарапёнок,
На суровой ниточке!

Этого было достаточно, чтобы пошла молва... Конечно, все знали, что я скоро уеду в Ленинград. К себе домой. Это — правильно. Но увозить с собой местного хорошего человека... Вот это уже расценивалось как крайняя непристойность. (В том, что «увезу» — никто почему-то не сомневался!) Вообще сплетен поползло немало... Не знаю, дошли ли эти сплетни до Ивана Петровича, но он явился в Дом культуры, долго сидел на репетиции, а потом, при всех, предложил проводить меня. Это было необычно смело, и каждый расценил услышанное по-своему. Я почувствовала неловкость, но отказаться не посмела. Он был для меня старший. Мы шли по деревянным мосткам. Вдруг, среди разговора, Иван Петрович остановился, повернулся ко мне лицом и, глядя в глаза, сказал: «Не хотели бы вы сменить свою трудную фамилию на более простую — Балакина?» У меня только и вырвалось: «Что вы!» Он видимо расценил это как мое смущение; взял меня под руку, сжал мою руку в своей большой ладони и стал говорить о звездном небе, о Мироздании... Проводив до дома, сказал: «До завтра...»

Дома меня ждали письма из Самарканда от друга детства и от Игоря Васильевича. Я многократно перечитывала каждое, и всю ночь писала ответные. Для меня это были самые желанные часы. Незримо я пребывала в родном городе. Игорь Васильевич много писал о Консерватории, о Филармонии; видел мою музыкальную перспективу. Себя мечтал целиком посвятить музыке, хотя имел законченное высшее техническое образование.

К моим письмам в семье проявляли деликатный интерес, интересясь одновременно моим отношением к Ивану Петровичу. Я и в разговорах с родителями витала где-то в облаках. Они всё это замечали и удивлялись.

Вслед за тем последовал эпизод, который можно назвать самым кульминационным в нашей жизни. Около восьми часов утра к нам в дверь постучали. Мама открыла и увидела военного. Она даже растерялась, но тут же все поняла: это тот ленинградец, который пишет мне из госпиталя. Это и в самом деле был Игорь Васильевич!

Радость, недоумение, гостеприимство буквально потоком обрушились на гостя. В свою очередь Игорь Васильевич не сходя с места быстро стал говорить, что его демобилизовали, что ему удалось вписать меня в свой литер (документ на бесплатный проезд), и сегодня же вечером я могу уехать с ним в Ленинград. С нами произошло нечто, подобное описанному Гоголем в «Ревизоре». Секундная немая шоковая сцена ярче слов выразила нашу радость. Ведь вернуться в Ленинград было единственной нашей мечтой. И теперь эта мечта становилась реальностью!.. Не двигаясь с места, все хором благодарили Игоря Васильевича, называя его поступок благородным подвигом. В ответ он вроде как оправдывался, извиняясь за вторжение, говорил, что медлить не мог, но, вот, и задержаться тоже — не может. Меня он ничем не связывает, просто протягивает руку помощи ленинградке. В ответ мои родители наперебой благодарили Игоря Васильевича, только вот, уверяли они, наша квартира и наши друзья в Ленинграде уцелели, и может, не стоит так торопиться?..

А я была в шоке и молчала. Потом мне уже опроретью нужно было бежать в школу, и мы договорились, что Игорь Васильевич придет к окончанию моих уроков в Дом культуры. О существовании Шарাপова он знал.

К моменту когда я, перед самым звонком, вбежала в учительскую за журналом, все уже знали, что ко мне приехал военный, что он меня увезет, и Шарাপов останется с носом. Вот так работало ББС — Баба Бабе Сказала!

У меня в голове все перемешалось. Не помню, как провела уроки. Приходил на перемене Шарাপов, что-то говорил, что-то я отвечала, что-то отвечали за меня... Зашла завуч, разрешила последний урок не проводить. Я так и сделала. Сразу пошла в Дом культуры.

В зале, кроме Игоря Васильевича, никого не было. Он сидел за роялем и вдохновенно играл музыку Дворжака... Я остановилась как вкопанная. Его руки рыдали, передавая бездонный накал чувств! Так мог играть только большой музыкант! Что-то родное пронзило меня, ошеломило и не отпускало... Я разрыдалась. Плачущая, подошла к нему и не переставая шептала: «Игорь Васильевич, Игорь Васильевич — спасибо, спасибо...» Когда он закончил играть, то я стала говорить что-то вроде того, что я давно не слышала такой музыки, что она для меня — мое детство, звонкая юность и бесконечно дорогое прошлое окружение. Он слушал, смотрел на меня и молчал... А потом уже в другой тональности озвучил: «Знаете ли вы, Валечка, что музыка действует даже на крохотную птичку-перепелочку? Услышав звуки дудочки, она замирает в траве. Постоит на одной ножке, закроет глазки, нагнет головку, послушает и пойдет в сторону звуков... Вот я и не удивляюсь, что музыка Дворжака сразила вас наповал. Иначе и быть не могло, ведь вы — музыкант...»

Шарапов был свидетелем этой сцены. Он любил меня чистой, робкой юношеской любовью и боялся спугнуть мои чувства. Я это понимала. Он не умел завораживать — он по натуре был совершенно другим человеком, очень цельным и в чем-то даже прямолинейным, до беззащитности... Взглянув на него в тот момент, я впервые призналась себе в том, что люблю его, и не смогу оставить на посмешище деревенским обывателям.

Сразу пришло отрезвление от захлестнувших меня эмоций, вернулась собранность. Я оказалась сильнее мужчин. Игорю Васильевичу сказала, что завидую ему белой завистью, что у него прямая дорога в Ленинград, в родную Консерваторию, и что сегодня он счастливее меня... Я не могу так вот все сразу бросить... Из меня, как из рога изобилия, сыпались далее слова благодарности, признательности и прочие, прочие, только они ему были уже ни к чему: слова еще больше ранили его самолюбие. Неожиданно появилась Мария Александровна. Сказала, что мама собрала мои вещички и ждет нас обедать. Обстановка была не из легких. В тот самый миг я сделала знак Шаропову, и он последовал за мной. На ходу я ему шепнула, что не поеду в Ленинград и буду с ним. Это уже было мое откровенное признание в любви на самом краю возможного расставания.

Мне стало легче. Я сказала Шаропову, что провожу гостя на поезд и приду на концерт, в этот день должно было быть торжественное заседание, посвященное Первомаю. Тут Мария Александровна, решив воспользоваться моментом, попросила Игоря Васильевича записать чей-то ленинградский телефон и позвонить при возможности. Игорь Васильевич молча глянул на часы и напомнил, что время военное, и он должен без опоздания явиться в военную комендатуру Ленинграда. Мария Александровна мигом исчезла. Разговор не клеился. Я чувствовала себя виноватой. Мы пошли к нам.

В доме уже был накрыт стол. Мама проявила незаурядную изобретательность, чтобы придать новизну примитивной трапезе. Однако радостного застолья не получилось. Говорили на отвлеченные темы. Игорь Васильевич интересовался нашим окружением. Говорил об уникальных свойствах воды сибирского озера. Мама суетилась, на что-то еще надеялась. Позвала меня на кухню и, улыбаясь виновато, показала на собранный чемоданчик. Я в ответ обняла ее и потащила в комнату. Этим все было сказано. При всех я обняла папу и сказала, что не хочу с ними расставаться, да к тому же несерьезно срываться с места так вот, в одно мгновение, бросив доброе пристанище и школу. Папа пробовал возразить. Мама, опустив голову, молчала. Мария Александровна не придумала ничего лучшего, чем достать мою довоенную фотографию, которую она «захватила с собой». Это было так не ко времени и явно искусственно!

Восемнадцать часов Игорь Васильевич поблагодарил за радушие, выразил надежду на встречу в Ленинграде, и мы с ним пошли на вокзал...

Только в этот момент я осознала, сколько боли я причинила ему, и, особенно, своим близким. Но изменить ход событий я не могла. Хотела только, чтобы скорее все кончилось и настал новый день. В какой-то миг я интуитивно обернулась, и... увидела, что следом за нами идет Шарапов. Я насторожилась. Через некоторое время опять оглянулась. Он шел, соблюдая прежнюю дистанцию. На вокзале Игорь Васильевич зашел к начальнику (брату Алексея), показал ему бронь, документы. Тот прочел. Потом удивленно посмотрел на меня. В документах значилась я. Он осведомился, действительно ли я еду. Связался по селектору со станцией, откуда должен был прибыть поезд. Поблагодарив, мы вышли. Алексея я на платформе не видела, мы были одни и дежурный. Игорь Васильевич крепко сжал мою руку, приглубил и быстро вскочил в вагон... Я махала... А когда обернулась — Алексей, улыбаясь, шел мне навстречу.

В Доме культуры Шарапова ожидали неприятности. Уборщица бегала по всему зданию в поисках директора: сам секретарь райкома требовал разыскать его, и немедленно! Перед началом торжественной части нужно было срочно решать какие-то организационные вопросы. Ситуация накалялась. Но для нас все это было уже такой ерундой! Мы были вместе! Моим родителям оставалось только принять эту новость.

Мы зарегистрировались. Свадьбы, конечно, в 44-м, не было. Но мои родители и родственники «моего Лени», как я его называла, и без того породнились легко и с взаимной радостью. Жили мы в нашем доме. Леню полюбили и лелеяли мечту о возвращении в Ленинград с зятем. Папа опытным глазом видел в нем потенциальные умственные способности, волю, цельность натуры и многие нравственные качества, которые он ценил высоко. Мне любовь и замужество придали новые силы. Я сделала большой рывок в написании письменных работ, полагающихся по заочному учебному плану, и готовилась экстерном закончить Педагогическое училище. Папа развернул деятельность по переписке с бывшими ленинградскими служащими. Марии Александровне прислал вызов ее племянник — профессор Мавродин, и она уехала.

У нас 8 июля 1945 года родилась дочь — Ирочка, которую мы звали Сибирочка. Когда ей было два месяца, папе с мамой пришло разрешение на возвращение в Ленинград, и они уехали. Лёнина мама еще до этого переехала жить к дочери в Днепрпетровск. Старшей в нашей молодой семье стала очень интеллигентная высланная немка Зента Оттомаровна, которую мы пригласили к нам жить. Она была удивительно светлой личностью и внесла в наш дом ту культуру, на которой была воспитана сама. Мы ее очень полюбили. Декретным отпуском я вообще не пользовалась, продолжала работать в том же объеме. Воспитанием Ирочки занималась Зента Оттомаровна.

Мы сняли урожай овощей и благодаря этому сводили концы с концами. Ирочка прекрасно развивалась, была единственным ребенком на всех — нашей общей любимицей. Зента Оттомаровна прекрасно шила и из старого тряпья создавала для Ирочки такие наряды, что все ими просто восхищались. В часы кормления грудью она приносила ее, необыкновенно нарядную, ко мне в Дом культуры. Часто на потеху всем мы усаживали Ирочку на крышку рояля, и, будто завороженная звуками, наша девочка притихала, слушала.

Уходили в прошлое годы военного лихолетья. Казалось, не было никого счастливее нас. Многие становилось прошлым. Например, уехал к себе на Украину Иван Петрович. И только мой друг детства Светик, теперь уже Светозар, с которым я переписывалась всю войну, по-прежнему продолжал мне писать о том же: он считал, что мое замужество — результат того, что во мне «хлестали гормоны», а Алексей был первым мужчиной, который обнял меня со всей страстью, до этого мне неизвестной... Он был уже врач и он так объяснял мое замужество. А мы с Алексеем по-прежнему жили счастливо в полюбившихся Чанах.

На областном смотре художественной самодеятельности наша концертная бригада заняла одно из лучших призовых мест. Меня наградили. Написали статью в новосибирской газете. Папа строчил письма. Уверял, что вот-вот вышлет нам вызов. Советовал мне изыскивать время, готовить программу для продолжения музыкального образования. Прислал бандеролью нужные ноты. Я уже к этому времени закончила педагогическое училище и получила диплом.

ЛЕНИНГРАД встретил нас ударом: мы остались без крова. Нашу квартиру заняли, а все, что в ней было, — растащили. У папы уже не было сил бороться с произволом. С трудом выхлопотали маленькую комнату — бывшую мою детскую. В ней и поселились. Шесть человек. Шестой была моя двоюродная сестра — Милочка Дугина. Она в войну потеряла всех, а квартиру их занял чиновник высокого ранга, который предупредил Милочку, что если вдруг она вздумает возбуждать дело, то будет тут же выслана на 101-й километр. Искать правду было бесполезно.

Я поступила на дневное отделение, а вечерами работала в детском доме Морского торгового порта. Как-то увидела в автобусе Игоря Васильевича, но опустила поля своей шляпки, чтобы он меня не заметил. Объяснения этому до сих пор не нахожу. Он был хорошо одет и прекрасно выглядел. Наверное, у него не было такого крутого поворота в жизни, как у меня, ведь он приехал к родителям, которые сохранили для него привычный быт.

У меня была очень, очень трудная послевоенная жизнь. Начинали с покупки кружек, тарелок... Не доедали. Однако я считала себя счастливой — ведь я

любила, была любима, занималась музыкой и общалась с уцелевшими друзьями! Я показывала Лёне город, школу, где училась и где учила, привела его и на Маклина, к институту цитологии, на то место, где была когда-то засыпана, контужена, попав под первый артобстрел в самом начале войны, в сорок первом... С надрывом и тяжелым осадком смотрела на Октябрьский РКВКП(б), откуда последовал безграмотный жестокий «приказ» помочь вывезти детей Дома малютки.

В те послевоенные годы родился у меня второй ребенок — сын Саша, ставший седьмым в нашей маленькой комнатухе. Больше всех рождению внука радовался, несмотря на все наши житейские трудности, мой папа. Он же делал все возможное, чтобы я не бросила учебу. Он по-прежнему был предан музыке. О папе можно писать книгу. У него никогда не было ожесточения, шагов назад, безысходности. Жизнь его всегда была насыщена добрыми делами и богата содержанием. Умирая, он сказал, что прожил счастливую жизнь. Он искренне в это верил. Духовная высота всегда поддерживала его в самых трагических испытаниях.

...Буквально на третий день нашего возвращения зашел к нам товарищ Светозара — Коля Зерекидзе, и сказал, чтобы я вышла на улицу, а он побудет с моей дочкой Ирочкой до прихода с работы моей мамы. И вопросов попросил никаких не задавать! О нашем приезде он узнал от Милочки (впоследствии Коля Зерекидзе и наша Милочка стали прекрасной семейной парой). Я выбежала и увидела — Светика! Он бросился ко мне в объятия, взял за руку и потащил за собой. Я потеряла голову и следовала за ним. А он вел меня к Фонтанке, к той долгой дороге, по которой мы шли накануне начала войны к его дому... Чувства нас захлестнули. Он без конца задавал мне вопросы. Я что-то отвечала. Он для меня был бесконечно дорогой Светик! Мое детство, юность! Я шла в летнем домашнем халатике, в котором хлопотала дома по хозяйству... Пройдя большой путь по набережной Фонтанки, я вдруг очнулась и забеспокоилась о ребенке. Светик уверил меня, что Коля дождется мою маму, он многократно встречался с ней, и она все поймет... А нас с ним уже встречала его мама. Она ждала нас. Слезы радости, бесконечные ко мне вопросы — время прошлое и настоящее слились на мгновение... Это был высочайший накал наших чувств. Он любил меня, говорил это при маме, а я молчала... Я любила одного Леню. К Светику у меня были совсем другие чувства...

Любить и страдать — у меня это в характере. Не мною замечено — любовь редко обходится без грусти...

О многом задумываешься в конце пути. Ясно одно — та же народная мудрость гласит, что для каждого человека на свете есть его половина, соединившись с которой в единое целое только и можно быть счастливым.

Алексей, отец двух моих детей, и был моей второй половиной. Вместе мы прожили тридцать два года. Я убедилась, что случайностей не бывает. Все в этой жизни закономерно. И на все, как говорится, воля Божия... Ясно и то, что против природы и «запрограммированного», написанного тебе на роду, — не пойдешь. Только во всех случаях и при любых обстоятельствах нужно оставаться человеком. Сохранить же в себе это «человеческое» не так просто.

...В доме Светозара я была менее часа. Но приехала домой — все уже в сборе. По доброте душевной мой поступок не осудили. Ленечка знал Светика по письмам и он понимал меня. Знал, что Светозар — лишь память ушедших лет, грезы детства, не более... Он безоглядно верил в мою цельную любовь к нему. Так в действительности и было! Я, в самом деле, любила его и была любима им. Этого уже было много. Хотелось мне только, чтобы и Светик был счастлив — так же, как я.

Встретилась я и со своими одноклассниками. Их осталось в живых восемь человек. Мы, вроде, были всё те же, и одновременно другие. В первые послевоенные годы наше школьное братство было очень трогательным, а потом как-то растворилось в семейных заботах.

Вернулся с дорог войны и Игорь Солдатов. Его грудь украшали многочисленные ордена и медали. Конечно, мы все поехали в Поповку, на землю своего детства. Пили воду из родничка, ходили по камешкам сохранившегося ручейка, любовались разнотравьем цветущего поля, заходили на наши участки, где были наши дома, а памятью были... в довоенной Поповке. В послевоенной — мы не увидели ни красоты творения рук человеческих, ни духовности... Война унесла в пожарищах прекрасные творения ума и души наших соотечественников. Во всем примитив. Люди, будто не жили, а выживали и строили новую Поповку. Слыша внутренним слухом звон колоколов нашей церкви, мы молчали, понимая, что больше никогда не услышим их звон... Мы сняли обувь и пошли босыми по нашему полю детства и юности.

...Помню День Победы 1948 года. Память вела ленинградцев на Пискаревское кладбище. Шли по велению сердца к могильным холмам, чтобы сказать себе и тем, кого уже нет: «Мы помним, всё помним... Жизнь жива. Мы пришли к вам с детьми и цветами». Вокруг было чистое небо, птичьего голоса и всколыхнувшаяся людская память.

Дети, они были всюду, несли в своих ладошках цветы — ушедшим от имени живых. Именно дети были тем удивительным чудом, без которого не было бы смысла жизни и движения вперед. Хотелось представить, как это они, сегодняшние несмышлениши, будут двигать большую науку, их ручки подхватят и создадут сложнейшую технику, сохраняют и приумножат чудесный мир природы. Говорили в то время, что каждую секунду на планете рождаются три человеческие жизни.

Смотрела я на детей и думала: как все они похожи, как много общего в чувствах матерей... Как хорошо, что дети идут к могильным холмам со взрослыми. Детская память сохранит и унесет в далёко этот День. Память, она должна быть долгой!

В те годы мы жили очень трудно. Это было типично для послевоенного времени. Муж мой специальности не имел. Он сразу после школы пошел на фронт. И как только наша семья перебралась в Ленинград, Леня, — ведь у нас уже был пятимесячный сын, — без раздумий пошел работать туда, где могли обеспечить жильем. Так он начал работать в Ленинградском морском торговом порту, завхозом. В тот же год мы получили комнату в семейном общежитии.

Условия в общежитии были никакие. Первое время даже не было кухни. На подоконниках в коридоре стояли керосинки, и в таких условиях все готовили пищу. Жильцов было двадцать восемь человек — в пяти комнатах. Ванной не было. К единственному крану и в единственный туалет бывали очереди. Парового отопления тоже не было. Печи в комнатах топили дровами. Детей мыли в комнате в корыте. Утешением были хорошие люди. Никаких ссор и скандалов никогда не было. Так было все шестнадцать лет!

В то время считалось за честь переехать в страну, которая вышла победителем в Великой Отечественной войне. По соседству с нами жила семья, переехавшая в СССР из Америки. Жили, как все, трудно. Но весело. Первое, помню, чему меня научили соседи — готовить еврейские блюда. Я была самая молодая из всех, и все старались быть нам полезными. Со временем я так научилась фаршировать рыбу, что и уважаемая Софья Наумовна Плакс, в прошлом великолепная хозяйка, не могла отрицать моих кулинарных способностей!

Готовить я, и в самом деле, научилась очень хорошо. Вот только одного мне никак не удавалось — ощутить в полной мере свое материнское счастье. Осмысленного чувства материнства я так и не испытала. Всегда и во всем мне приходилось спешить...

Вставала я в пять утра, до работы надо было успеть (в комнате!) выстирать пеленки, на керосинке сварить огромную кастрюлю пшеничного супа на день. Сварить детям кашку. К семи все уже должно было быть готово. В самом начале восьмого приходила к нам очень, очень пожилая женщина — Ольга Мартыновна (фамилию, к сожалению, не помню. Помню только, что была она подружкой Н.К. Крупской. Тоже учительствовала в свое время).

Ольга Мартыновна хорошо знала моего папу и в детстве меня. Жила она одна. Своих детей у нее, по-моему, не было, и когда она узнала от папы о моих

трудностях, то пообещала ежедневно приходиться к нам, рано утром — только чтобы я не бросала учебу! Вот только физических сил у благороднейшей Ольги Мартыновны уже почти не было. Совсем она была старенькая... Поднять ребенка, взять его на руки — не могла. Поэтому наш сынок многие часы просто сидел или ползал по нашей кровати. Бывал и такой казус: оставляю я грудное молоко в бутылочке, поставлю на пианино, чтобы двухлетняя дочка не достала, а та, ухитрится, достанет и выпьет! Конечно, скучали мои дети по родителям, по маме... Спасибо всем тем, кто был с нами рядом и помог нам всем выжить. Даже в такой жизни мы были счастливы! Несмотря ни на что...

В детские ясли и садик были большие очереди, но, учитывая нашу ситуацию, детей приняли. Детский сад Морского торгового порта находился на Мойке. Это было примерно в шести-семи остановках от нашего дома, но туда шел автобус. Бывало, только втиснусь в него, заплачу за проезд, а меня начинает укачивать, и я теряла сознание... Ох, как я боялась этой ежедневной дороги и этого состояния! Муж в то время уже работал диспетчером по вахтам, поэтому не всегда мог отвозить детей. Зато лето приносило всей семье радость.

Буквально с первого месяца приезда в Ленинград я стала вечерами работать музыкальным педагогом в детском доме Морского торгового порта. Любовь к детям-сиротам сохранилась у меня со времен войны, блокады.

...Возраст детдомовцев был от 3 до 17 лет. Заведовала учреждением Мария Ивановна Мацкевич. Воспитатели были истинные подвижники! Стараниями начальника порта, Якова Львовича Бейлинсона, умнейшего и талантливого руководителя ЛМТП, для детей были созданы максимально хорошие по тем временам условия. Во всяком случае, не каждый детдом имел музруководителя и свою летнюю дачу. А у нас это было!

Музыка очень радовала детей. Они ждали моего прихода, ведь я учила их петь, танцевать, играть в музыкальные игры. Мы готовились к праздникам, выступали с концертами в порту. Однако ребята уставали от коллектива, и я, как и все сотрудники, брала их по очереди к себе домой — по воскресеньям. Условия жизни в детском доме были несравненно лучше, чем у нас в общежитии, но в семье им всем хотелось побывать, и мы это понимали. Я старалась повкуснее сварить наш знаменитый пшеничный суп, а для этого следовало положить не половинку небольшой луковицы, а целую. Самые простые оладьи за общим столом и интересные разговоры воспринимались как праздничное угощение. Всем нам в это время было хорошо! А на лето я брала с собой своих детей на дачу детского дома. Она была далеко от города, в бывшей Финляндии.

С дачей в Сакколо у меня связано много воспоминаний. В очерке «Враг народа», помещенном в этой книге, я довольно подробно рассказала о вре-

мени, в какое мы жили тогда. Это, действительно, было очень тяжелое время сталинских репрессий. Но в те же самые дни мы продолжали общаться, любить друг друга, помогать обездоленным детям. Умели вместе с ними, по-молодому, радоваться жизни, каждому солнечному дню.

Помещение, где жили служащие, находилось рядом с почтой. Туда заходил артист Василий Васильевич Меркурьев, в ожидании гонорара за киносъемки. У него была неподалеку дача, предоставленная ему правительством. Частенько к нему приезжал сюда, порыбачить на Вуоксе, и артист Алейников. Однажды они заглянули к нам в детский дом.

Меркурьева сразу все узнали. Как не узнать! Это же — Туча! Летчик Туча из «Небесного тихохода»! Нет! Он из «Глинки»! Разговор плавно перетекал в импровизированный концерт. По просьбе ребят Василий Васильевич изобразил им кого-то из своих полюбившихся всем героев — дети были в восторге! Я умела подбирать по слуху аккомпанемент, в итоге — у нас получился замечательный праздник. Потом всех пригласили в столовую пить компот с булочками. Артист во всеулышание сказал, что очень любит компот. В последующие его посещения об этом всегда помнили и старались угощать этим лакомством. А приходил он потом запросто. Разговаривал с воспитанниками, смотрел их поделки, но особенно любил слушать хоровое пение старших ребят. Пели они на несколько голосов. Среди наших воспитанников были и трудные дети в возрасте 14—17 лет, и нам, исключительно женскому коллективу педагогов, не всегда было легко справляться с ершистыми подростками, не хватало опыта, мудрости, умения гасить серьезные конфликты. Меркурьев понимал любую ситуацию, и его «педагогика» нас иногда просто выручала! Сама личность артиста, которого ребята безгранично уважали, имела воспитательное значение. Я уверена, что тот, кто рос в те времена в нашем детском доме, никогда не забудет этого замечательного человека. Он был очень добрым, очень отзывчивым и гостеприимным. Все лето у него на даче гостили многочисленные родственники, знакомые. Среди них были и очень пожилые люди, к которым он тоже относился с большой заботой. Всё это вызывало уважение у местных жителей. Кроме того, знаменитый артист не отказывался безвозмездно выступать в домах отдыха и детских лагерях. Я его сопровождала в качестве аккомпаниатора, и он мне частенько говорил, что благодарность людей ему дороже денег. Говорил искренне, я в этом убедилась. В этом тоже была масштабность его личности. Смотрю на сохранившиеся старые фотографии, на которых Меркурьев, Алейников... Лошадка, запряженная в телегу, везет нас на концерт... Уношусь мыслями в прошлое и молодею на целых полвека...

Воспоминания о детском доме, о Сакколо — это, конечно, в первую очередь дети. Мои и... тоже мои! Только детдомовцев горе научило ра-

доваться и малому, а уж к человеку, который относился к ним искренне, с пониманием, они испытывали такую подчас трогательную благодарность. Моя память сохранила поступок детей, который в свое время очень меня растрогал.

Лежала я в больнице имени Чудновского после операции, в большой палате. Мне было трудно, это был первый послеоперационный день. Никого из больных я еще не знала. Вдруг услышала шум, детские голоса и крики взрослых. Больные, кто мог, повскакивали с кроватей, бросились к распахнутому окну, на подоконник которого поочередно, по водосточной трубе, поднялись три мальчика. Они каким-то образом определили окно именно той палаты, где я лежала. Не реагируя на крики, они подошли ко мне, уселись все трое прямо на кровать и протянули мне угощение — леденцы, откровенно громко радуясь тому, что смогли сделать любимой учительнице такой подарок... Им было лет двенадцать-тринадцать, не больше. Боже, какой переполох начался на хирургическом отделении! Больше всего, конечно, возмущались все тем, что ребята в мокрой грязной одежде явились в хирургическое отделение. Справедливо, конечно... Но разве не дети совершили этот, в конечном счете не смертельно опасный проступок?.. Справедливости ради, скажу, что меня тоже вниманием не обошли. Только я все же собралась с силами и ребят поблагодарила. Даже, решила, — встану, провожу своих гостей... Но подоспевшая на шум старшая сестра пообещала прилюдно, что детей не обидит и сама проводит, по-доброму. Я помню этих мальчиков! Где вы, мои многочисленные воспитанники? Ведь я вас тоже очень любила! и люблю.

В детском доме я продолжала работать и тогда, когда меня послали по распределению преподавать фортепиано и предметы музыкального цикла в педагогическое училище.

Первое дошкольное педагогическое училище находилось на Лесном проспекте, 20. Оно было открыто в 1938 году. Тогда же его возглавила Серафима Ивановна Сокольская, в течение 16 лет она была его бессменным директором. В блокаду из этого училища уходили на передовую учителя. Учащиеся шли к детям, в детские сады, чтобы спасать и воспитывать, ведь жизнь еле теплилась, но не останавливалась. Прекрасные были учителя! Через запятую стыдно перечислять их имена. Каждому из них нужно посвящать страницы в истории педагогики XX века. Вот в такой замечательный коллектив я была принята.

Известно, что педагогика, как наука, не стареет, она только обогащается новыми знаниями. Прошлое, опыт, становится фундаментом, о котором необходимо помнить. Историческая преемственность в педагогике и основана на всестороннем изучении этого опыта старших. Дети — связующее звено между поколениями. Мне хочется низко поклониться памятью блистательному

педагогу, заведующей учебной частью дневного отделения — Аде Евгеньевне Милеант. Она и многие другие, в их числе незабываемая Варвара Павловна Литвинова, — много работали над ростом моего профессионального мастерства. Спасибо им всем! Я стала методистом, старшим преподавателем предметов музыкального цикла, председателем методической комиссии. Это был уже 1949 год. Работать и учиться у таких музыкантов, хотелось бы вспомнить среди них и незабвенную Наталию Александровну Проминскую, было для меня честью. Работали мы увлеченно, творчески! Выступали с концертами перед своими учениками. Были у нас своя «филармония», музыкальный лекторий. Но прежней своей работы я все-таки не оставляла: продолжала быть музыкальным педагогом в детском доме, хотя в интересах педагогического процесса в училище меня все настойчивее уговаривали оставить эту деятельность и перейти, тоже по совместительству, в базовый детский сад, где, кроме всего прочего, проходили практику мои ученики-студенты. Тем не менее, я все затягивала и затягивала этот переход, уж очень привыкла к детям-сиротам и считала предательством их оставить. Ведь быть музыкальным педагогом в детдоме это не только преподавать азы музыкального мастерства...

И все же, по прошествии некоторого времени уход мой из детского дома состоялся. С грустным чувством я покидала свою первую послевоенную работу, прощалась с теми, к кому очень привязалась за эти годы и уважала всегда и независимо от обстоятельств. Хотя — из памяти не вычеркнешь! — обстоятельства не всегда были простыми.

Когда в 1949 году объявили «врагом народа», обвинив в шпионаже, Я.Л. Бейлинсона, мне, вместе со всем нашим коллективом, следовало признать «врагом» не только этого замечательного человека, но и его сына — Виктора, едва к тому времени достигшего подросткового возраста. (Володю, младшего, я почти не знала, — ему тогда было годика три, он должен был пойти в детский сад от Морпорта, но очень скоро, не успев быть принятым, был отчислен). Необходимо было оградить от контакта с «такими» детьми детей из нормальных, хороших, семей!

Мы тоже любили своих детей. Но не позволять Виктору бывать у нас?!. Оставить все в прошлом, предать забвению... Забыть. Что? Дачу, концерты, детский дом?.. Перечеркнуть память?(А, может, просто предать?..) Мы не смогли. Хотя считалось, что контактировать с «такими» небезопасно. Увы, основания для подобных мнений были.

О том, что пришлось пережить в те дни, — мой очерк «Враг народа». До сих пор жива во мне память тех страшных лет.

Позади оставалось и детство моих детей. В числе их первых слов были «посевная» и «уборочная», ведь я работала в Педагогическом училище, и весной и осенью мы вместе с учащимися ездили в подшефный совхоз —

в единственный выходной день, в воскресенье. Помогать рабочим. Я была ответственной за шефскую работу. Вставала в пять часов утра и с первым трамваем через весь город добиралась до Поклонной горы, где встречалась с учащимися. Метро в то время не было. Полуголодные, без соответствующей обуви мы буквально пластались на полях. А в это время мой муж с неподвижной после ранения правой рукой, в корыте купал в комнате детей, чтобы в понедельник повести их чистыми в садик.

Посевная и уборочная проходили одновременно с восстановительными работами в городе. После занятий мы брали лопаты, ломы и шли работать. Здоровье было слабое, и я часто теряла сознание. Но силы откуда-то брались. Все тогда примерно так жили-выживали. Находясь в нечеловеческих условиях, мы энергично, настойчиво стремились выжить. Человек всегда стремится к выживанию. Только поэтому, наверное, жизнь и не остановилась на труднейшем историческом послевоенном повороте! Увы, только не оставалось опять у нас при этом ни физических сил, ни времени почувствовать подаренную природой сладость родительских чувств. Дети наши по-прежнему недополучали от нас должного тепла, хотя мы с Ленией были самоотверженными родителями. Все было расписано по часам. Хватало же нас, в основном, на физический уход.

Перед религиозными праздниками, такими как Рождество Христово, Пасха, чтобы отвлечь молодежь — устраивались в нашем Педагогическом училище танцы на всю ночь. К своему горю-счастью, обладала я даром играть модные танцевальные ритмы. Знали об этом и администрация, и общественные организации — меня засаживали за рояль на всю ночь. Лишь с первыми трамваями возвращалась я домой к еще спящим детям, чтобы вновь и вновь, с наступлением нового дня крутиться в водовороте неустроенного быта и... безденежья. А они, маленькие, ждали меня, хотели общения. Они хотели слушать музыкальные сказки, но я их играла другим — это была моя вторая работа, в детском доме. Для них, своих, родных, не оставалось времени, были лишь мгновения, которые и озаряли счастьем меня и моих детей. Да компенсирует ли мгновение постоянную нужду ребенка в материнском тепле! А ведь необходимое ежесекундно, тепло это синтезируется в долгосрочной матрице детской памяти, чтобы возвратиться потом ответной любовью и вниманием к старым родителям. Молодые родители, учтите это! Недаром в песне поется: «Какое ты мне подарила начало, такой подарю тебе я конец...» Удивительно точно! Оглянитесь и старые матери! Нас с вами несли ветры одного времени. Во многом мы прожили одинаковую жизнь. Пишу про свою семью, а в разных вариациях представляю многие... Не оттого ли таким холодом веет от нынешних чиновников, что так мало в детстве вобрали они теплоты нашей? Ведь все они — наши послевоенные обделенные вниманием

дети... Вот и не греет холодная душа. Вот и скорбят сердца старых матерей в ответ на равнодушие детей. С небрежностью они смотрят на нас, уходящее поколение... О своих детях сказать этого, правда, я не могу. У меня был идеальный муж. Одна мудрая старая женщина, хорошо знавшая нашу семью, постоянно повторяла, что муж мой — «Один такой во всем СССР» («...Ну, ей-богу, один он у тебя такой во всей Эс-эс-эре!» — так она говорила). Но в словах этой простой женщины была частица истины. Леня действительно был отличным семьянином. И суперответственным. Его за это очень уважали окружающие и любили близкие. Он отдавал детям за нас двоих.

Вообще Леня был удивительным человеком. С течением времени убеждаюсь в этом все больше. Будучи постоянно в необычайном напряжении сил, и физических, и моральных, он при любых обстоятельствах оставался мужчиной. Умел себя не жалеть. При моей помощи хватило у него силы воли начать заново учиться. Он стал много заниматься и поступил в морское училище. Мысли о том, что и без специального образования можно прожить, — после войны такое многие фронтовики себе позволяли, Алексей не допускал. Он вообще никогда и нигде старался не пользоваться льготами и скидками инвалида войны. «Поблажки», говорил, ему никакие не нужны! И, когда начал учиться, тоже их не принимал. Я видела, как ему трудно чертить одной рукой (левой!), но огромные чертежи для защиты диплома он вычертил сам, без чьей-либо помощи. Даже моя помощь принималась, в основном, только в виде моральной поддержки. Он умел жить только так.

А жизнь шла своим чередом.

Несмотря на то, что мы жили с Леней в таких стесненных бытовых условиях, именно у нас отмечались все праздники. Круг друзей и знакомых у нас был очень большой. Вместе отмечали дни рождения детей, устраивали импровизированные концерты. На все торжества приглашали не только «новых», общих, друзей, но и, неизменно, многих «бывших» — моих одноклассников. Любили у нас бывать мои и друзья детства Игорь Солдатов и Светозар, в ту пору аспиранты. К тому времени и Светик, и Игорь были уже дипломированные специалисты: Игорь стал отоларингологом, Светик — микробиологом. В будущем, оба, каждый в своей области — станут светилами.

Успехи моих друзей в науке были очевидны уже тогда. Личная же их жизнь долгие годы оставляла желать лучшего... Игорь женился, но почти сразу разошелся. Жил вдвоем с мамой. Ушел целиком в науку, защитил докторскую. Светозар тоже, хоть и стал молодым отцом, семейным счастьем похвалиться не мог. Он был женат на сокурснице, очень милой девушке из интеллигентной семьи, но состоял, как всегда, при маме. Его семья развалилась очень быстро. Развод последовал, едва появилась в молодой семье дочь.

Правда, через какое-то время произошло примирение с женой у постели заболевшего ребенка. Все мы, друзья, были, конечно, на стороне Светозара, и не могли не радоваться налаживающемуся семейному счастью. У Светозара родился сын, но теперь уже окончательно семья нашего друга распалась: он остался с мамой, не сумевшей отпустить его от себя. Она жертвовала для сына буквально всем, собой в том числе, — взамен требовала того же самопожертвования... Я наблюдала эту трагедию. Светик по-прежнему всем делился со мной. Мой муж понимал и его, и меня. Он всегда восхищался нашей дружбой, которую мы пронесли с детских лет.

И Светозар любил нашу семью, наших детей, — когда Ирочка или Саша заболевали, он, медик, был рядом, обязательно. Но при этом говорил мне откровенно, что я не должна была выходить замуж за Шарапова, — это, говорил он, война вторглась и разлучила нас: я должна была быть его, Светика, женой. Он говорил мне об этом, несмотря на то, что прекрасно знал, как я люблю мужа, и как, искренне желая ему счастья, мы были бы рады его воссоединению с семьей. Но все советы на сей счет Светозар резко отвергал. Ведь жене, воспитывающей в одиночку их двух детей, он помогал. М а т е р и а л ь н о .

От нелегких раздумий, сомнений и переживаний меня спасала работа. Новая, интересная, творческая. По настоянию руководства педучилища, я все же взяла совместительство в базовом детском садике, и довольно быстро вошла в свою новую педагогическую семью. Коллектив был творческий. Дача, принадлежавшая заводу имени Калинина — в прекрасном месте (Петяярве, на Карельском перешейке), хорошо оснащенная. Словом, поле деятельности и условия для работы — лучше быть не может!

И вот уже мой азарт и любовь к музыке начали привлекать к занятиям с детьми не только приезжавших на практику студентов (я преподавала им методику музыкального воспитания). Очень скоро к процессу воспитания детей средствами музыки охотно подключился весь дружный коллектив, как нельзя лучше понимавший значение музыки во всестороннем развитии и воспитании ребенка. Со временем наш опыт работы будет обобщен и одобрен специалистами. В Москве, на ВДНХ, в павильоне «Народное образование», наше творчество было представлено великолепной фотовыставкой: на огромных размеров фотоснимках были запечатлены многие наши «открытия». Летний детский театр был одним из них.

Что это было? «Настоящая, самобытная, неповторимая жизнь». Так, словами восхищавшего тогда всех нас педагога Василия Александровича Сухомлинского, охарактеризовала бы я нашу игру с детьми. Игру-жизнь, которую мы, обогатив ее совместным творчеством, превратили в насущную потребность детей в прекрасном.

«Детство, — цитирую Сухомлинского, — важнейший период человеческой жизни, не подготовка к будущей жизни, а настоящая, самобытная, неповторимая жизнь...».

Завод Калинина построил на детской даче огромную застекленную веранду. Ей и суждено было стать театром.

Всё в нашем театре было, как в настоящем — мы рисовали афиши, билеты, приглашения на спектакли. Сами шили себе костюмы и делали декорации. Но самым интересным был так называемый «Школьный бал» для самых старших ребят. Это незабываемое событие, полное сюрпризов, одновременно являлось прощанием с детским садом и проводами в школу. Потом школьный бал многократно обсуждался детьми во всех возрастных группах. Каждый представлял себе свой, будущий бал. Этот «спектакль» не имел себе равных!

О наших праздниках знали не только дети. Среди воспитателей садика была у нас жена артиста Александринского театра Мария Гавриловна Прокофьева. Интереснейший, яркий человек. Ее муж, Александр Прокофьев, актер и отец, был постоянным гостем на нашей даче. Навещая жену и детей, Александр невольно втянулся в нашу бурную театральную жизнь, помогал нам советами. А однажды — поделился с коллегами, рассказал о нас и о нашем творчестве. Так узнали о нашем театре и наших «балах» актеры Александринки — Меркурьев и Горбачев, тогда еще полные сил и энтузиазма. Василий Васильевич Меркурьев тут же вспомнил меня — ведь именно я неоднократно сопровождала им с его другом актером Алейниковым на их выездных концертах, выступлениях в домах отдыха и детских учреждениях (в том числе, в моем родном детском доме...). Естественно, Меркурьев не замедлил приехать к нам на дачу — на Школьный бал.

Неожиданно для детей появились они с Александром в костюмах сказочных персонажей с зажженными факелами перед калиткой детского сада. Дети увидели их через стекла веранды и со всех ног бросились приглашать на бал. Восторгам не было предела! Такого у нас еще не было — это был настоящий сюрприз. Последовавшее вслед за этим выступление артистов и общение с «настоящим Меркурьевым» вызвало бурю радости. Об этом потом долго все вспоминали.

Подобные встречи-сюрпризы стали на наших Школьных балах доброй традицией. Прокофьев, Меркурьев, Игорь Горбачев, — кто только не побывал в гостях у наших выпускников! Дети старших групп так ждали своего школьного бала, что даже родители, у которых перед началом первого учебного года ребенка возникало естественное желание побыть с любимым дитятей подольше дома, в семье, — не могли уговорить никого из них уехать с дачи пораньше на недельку-другую. Конкуренции со Школьным балом подобные предложения не выдерживали.

Лет восемь я проработала по совместительству в этом детском саду. И, как, наверное, наши выпускники, помню и наш летний театр, и этот незабываемый праздник. Может быть, в самом деле, кто-то из них помнит и теперь, уже в зрелом возрасте, свой первый выпускной?.. Для них-сегодняшних добавлю, что приезжавшие к ним тогда (ежегодно!) любимые артисты знаменитой Александринки дарили им свой талант совершенно бескорыстно.

Был конец 50-х. Моя с детьми «летняя жизнь» позволяла нам с мужем слегка подсократить графу «расходы» в нашем семейном бюджете. Два летних месяца дети и я были поставлены в садике на питание, плата была небольшая. И мы сэкономили! Ведь решили с Леней — не больше, не меньше — купить автомобиль. Потому что мечтали путешествовать. Пять лет мы откладывали, складывали, перекладывали... Я первый раз в жизни завела сберегательную книжку — на нее откладывались мои отпускные. Однако цены на «Москвич» из года в год повышались... Когда подошла наша очередь — сбережений не хватило. Нужную сумму пришлось занимать. Но помимо отдачи долга возникала еще одна проблема — водительские права. Вследствие ранения правая Лёнина рука почти бездействовала. Долгое время нашу машину водил не он, а «сын врага народа» Виктор. Только мой муж был очень волевым человеком, и, зная свои возможности, он буквально «пошел на таран»! В том, что водить он сможет, — не сомневался — водил же Маресьев (без двух ног!) самолет! По его настоянию была собрана экспертная комиссия. Ему устроили очень трудный экзамен. А в заключение... была пожата его больная рука и выданы Права без ограничения! Так мы стали заядлыми туристами.

Спидометр в отпуске накручивал шесть-семь тысяч километров. Мы объездили всю Прибалтику, Украину, Белоруссию, Крым, Кавказ. Ночевали в машине, в палатке. Останавливались в деревнях или просто в степи, или в лесу. Ведь людей в то время не боялись. Мы завели много новых знакомств. Так было 20 лет. Когда сын женился, а дочка вышла замуж, ездили уже вдвоем. Привозили массу впечатлений. Хотя и уставали, но предпочитали именно такой отдых. Муж уже занимал большой пост, был председателем Портового комитета Союза моряков. У них были отличные здравницы в разных местах, но мы ни разу не воспользовались возможностью такого отдыха. Были одержимы поездками в своем темпе. Об этом тоже можно много писать. Каждое наше лето было неповторимым. Но наступала осень, и меня вновь неодолимо влекла работа...

Трудилась я уже в педагогическом училище. Обстановка в нашем творческом коллективе была такая, что мои 30 с хвостиком лет пролетели здесь как одно «прекрасное мгновенье»! Училище меняло адреса, перенумеровыв-

валось — было «первое», потом открыли «третье» («третье» потом назвали «пятым»). Коллектив делили: кто-то оставался в старых стенах, кому-то было доверено вдохнуть жизнь в новые... И все-таки 1-е и 3-е училища всегда были единой педагогической семьей. Мы много и увлеченно работали, и наш опыт помогал становлению и развитию нового коллектива. Характерная деталь: наши выпускники с большой неохотой покидали родные стены. Годы спустя многие из них, действительно, возвращались сюда — уже в качестве преподавателей.

Я была преподавателем фортепиано, затем к этому добавился курс методики музыкального воспитания и работа в комиссии предметов музыкального цикла, которую я возглавляла. Нагрузок хватало. Было и увлечение факультативной работой. Хотелось многое сделать, несмотря на то, что времени на все катастрофически не хватало.

За годы совместной работы наш сплоченный коллектив вступал постепенно в возраст почтенной зрелости. Необычайно торжественно отмечали в училище каждый юбилей дорогих коллег. У нас было много уважаемых, пожилых учителей. Казалось бы, знали мы друг о друге всё — ведь ежедневно общались. А может... виделись?.. Едва наступал юбилей коллеги, оказывалось, что рассказать о человеке, с которым не один год рядом — практически нечего, кроме того, что он прекрасный специалист. Вот это и послужило толчком к моим «изысканиям».

В самом деле, как оказалось потом, мы ничтожно мало знали о своих товарищах. Воспринимали лишь в контексте сегодняшней жизни, не задумываясь над тем или... забывая о том, что путь к дню сегодняшнему составлен десятилетиями, в которых было и лихолетье войны, с крутыми жизненными поворотами, и многое-многое другое, о чем из-за свойственной большинству интеллигентных людей скромности — «не говорят». Всё личное учителей — предельно скромно и лаконично. Обычно так. Вот и безмолвствует то, что глубоко в каждом, но достойно, в большинстве случаев, восхищения и благодарности. Как же иначе в педагогике! Словом, я для себя решила: необходим своего рода «поиск». Этим, не считая затрачиваемого времени, я и занялась. К юбилейным датам наших преподавателей стала писать поздравительные адреса. В них старалась высветить то глубокое, что составляет содержание жизни учителя, но уже ушло в общее русло истории. Так рождался адрес-очерк. Он был доверителен и откровенен. Его ждали, чтобы умом и сердцем воспринять далекое и близкое своего товарища, чтобы услышать, удивиться и восхититься. Вот почему в момент зачитывания адреса наступала удивительная тишина. Она была торжественным мгновением! Что может быть для педагога приятнее, чем сознание, что дело всей его жизни не проходит бесследно, что оно живет в его учениках!

Очерки я помещала в ученической печати, в стенгазете, под рубрикой «Портрет вашего учителя». Ученики проявляли огромный интерес к личности педагогов. Знали о наших учителях и коллеги-москвичи: более 10 лет я посыла-ла материалы в Московский педагогический журнал. Мне в этом очень помо-гали директор педучилища Алевтина Владимировна Сергеева, завуч дневного отделения Тамара Ивановна Степанова, завуч вечернего отделения — Джемма Анатольевна Торкановская и, позднее, директор этого же педагогического учи-лища — Галина Яковлевна Марковская. Многочисленные адреса-очерки об учителях впоследствии были собраны в большую рукописную книгу.

Мало одной жизни, чтобы успеть рассказать, написать о времени, о лич-ном и общем. Время летит так незаметно. Вот и спешу я... Годы подгоняют.

Совсем недавно, казалось, были мы молоды, влюблялись, женились, начинали новую жизнь... Как мы радовались миру и как верилось после войны в теперь уже, по нашему убеждению, навсегда безоблачную, мирную жизнь. Но жизнь, конечно же, шла своим ходом. И в мирное время появля-лись, одна за другой, новые проблемы, новые заботы и даже, иногда, совсем не легкие мысли. А в самый, казалось бы, счастливый период, когда уже выросли дети и появились внуки — моя жизнь и вовсе дала крен.

В одну из спокойных, мирных весен, судьбе ли, злomu ли року угодно было лишить меня семейного счастья. В середине мирных семидесятых разрушилась моя семья.

«Произошло то, что давно должно было произойти». Так, во всяком случае, считал друг моего детства Светик, он же Светозар Анатолий, к тому времени доктор наук... Мне, по его мнению, следовало принимать проис-шедшее так же. Живя по-прежнему с мамой, свободный с ее легкой руки от каких-либо иных обязательств перед женским полом, он, как прежде, был убежден, что только «уводом меня от Шарапова» возможно восстановить утраченную справедливость: вернуть то, что украла у нас с ним война. Едва ли не главным было и то, что только я, «любимая его девочка», сумею вой-ти в их с мамой «семью». Несокрушимая убежденность Светика в том, что только та, наша с ним, из детства, любовь имеет право на существование, с годами не исчезала. «Подари мне, больному, стареющему кусочек своей жизни. Только тебя примет мама... Твой Леня здоров, занимается по сис-теме Амосова, ежедневно по утрам бегаёт, обливается холодной водой. Вы вырастили двоих детей, подрастают три внука. Ты ему отдала 32 года жизни, а должна была быть моей женой. Нас война разлучила. Мы с детства любили друг друга...» Это повторялось много раз.

Возможно, все так и было. Мы, как два кустика, выросли на одной земле и наши корни переплелись. Но не было больше меня, той, какую была я тогда, в Поповке, до войны... Война, Чаны, Леня, дети — всё это тоже стало мною!

Мы объяснялись много раз. Но ни разу не смогли ничего объяснить друг другу. Леня красноречивым быть не умел. Он в наши со Светиком отношения не вмешивался.

А потом Светозар все чаще начал болеть. Периодически это были почки, печень. Беда пришла, когда все это осложнилось тяжелой формой астмы. Когда в очередной раз его с тяжелейшим приступом положили в больницу, я была рядом. Его мама позвонила мне в тот поздний вечер и попросила съездить в больницу вместо нее — отвезти лекарство для капельницы. Он задыхался. Меня с лекарствами пропустили. При мне сделали укол, при мне и капельница была поставлена. Потом ему стало легче. А когда «отпустило», он попросил меня нагнуться к нему и стал шептать всё те же слова, которые много раз говорил мне. И я уступила. Лето наше — молодость, — отцвело, мы дожили до осени, но тянулись друг к другу. Это я поняла и пообещала оставшуюся жизнь быть с ним.

Слово сдержала. А счастье... вроде и было близко, но по-прежнему оставалось далеко во времени... Несколько лет нашего брака были нелегким испытанием. Наша семья из трех человек была мертворожденной. В доме Светика жила другая семейная пара — он и мама. Другого союза так и не получилось. Соединились не старые люди, а мальчик и девочка из общего детства и юности. (Это сознание никогда не покидало меня). Трудно сказать, кому было тяжелее всех. На долю Светозара выпало пережить смерть матери с почти одновременным моим уходом.

Я ушла в никуда. Это был мучительнейший период жизни. Выдержать пришлось и то, что в 1982 году не стало Алексея Шаропова.

Спасала работа. Никому о себе я ничего не рассказывала, даже дети мало что знали, лишь предполагали... Мне было негде жить. На какое-то время жильем стал уходящий на капремонт дом. Поближе к работе. Воды и прочих следов цивилизации в квартире уже не было. Умывалась и завтракала — на вокзале. Выглядела хорошо. Никто не должен был знать, что творится в моей душе. Семья трещала по швам. Дети выросли. Проблем сына за него решить не могла. Нужно было покупать квартиру. Работала много, вела факультатив, читала лекции, ездила на частные уроки, сотрудничала в Московском педагогическом журнале... Жила на каком-то самой непонятном энтузиазме. Как смогла всё пережить — не знаю. Утрат было столько... Не всё поддается описанию. Но я жила. Встречалась с людьми, работала, не могла без этого. И выжила. «Держали» дети, заботливые друзья, любила внуков. Только мысли, тяжелые, как память, бесконечно возвращали к прошлому...

А через какое-то время произошло то, чего никто, в том числе и я сама, не ожидал. Хотя вряд ли возможно назвать случившееся — случаем. С годами

я все больше убеждаюсь, что случайностей в этой жизни нет. Все предопределено... Во всяком случае, у меня было так.

Моя жизнь «вдруг» (в который раз...) круто переменялась. Судьба даровала мне радость, никогда доселе не испытанную. Я, Валентина Гарегиновна Чзмечьян, познала землю своих предков — АРМЕНИЮ, родину моего любимого отца. Ее мне открыл Эдуард Яковлевич Джуганян. Он подарил мне свою преданную любовь. Он вернул меня к жизни. До последнего вздоха Эдуарда мы были с ним вместе. Да и сейчас, и всегда — я рядом с ним.

Более чем прозаичной была наша первая встреча. Знакомство, ни с его, ни, тем более, с моей стороны, не предполагало никаких видов на брак. Решался не более чем вопрос в отношении моей пресловутой квартиры. Единственно, что тогда меня поразило — необычайное внешнее сходство Эдуарда с моим отцом. Впоследствии оказалось, что и во многом другом они очень похожи. Каждый раз при встрече я мысленно представляла папу...

Эдуард Яковлевич уже много лет жил в Ленинграде, инженер-строитель, более тридцати лет он отдал делу своей жизни. Имел немало наград, пользовался заслуженным авторитетом. А вот вне работы — жизнь складывалась не слишком гладко. К моменту нашей встречи он совсем уже не был оптимистичен в отношении будущего. В довершение всего на повестке дня стоял вопрос его переезда в Армению — по настоянию матери он менял свою ленинградскую квартиру на Ереван: после смерти мужа и сына (старшего брата Эдуарда) мать нуждалась в помощи. Но, как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло. Квартирный вопрос и знакомство с мамой Эдуарда Яковлевича оказались для всех нас именно тем самым счастливым случаем.

Анаит Акоповна, или как называли ее на русский манер все близкие — Анна Яковлевна, — была очень хорошим человеком. Мы познакомились, когда она приезжала к сыну помочь собраться перед отъездом. Жить, даже с сыном, в чужом городе, хоть это и любимый ею Ленинград, категорически не хотела. Она была тяжело больна. И в скором времени они действительно уехали. Но наше общение на этом не завершилось. Наоборот, завязалась активная переписка. Я чувствовала, что понравилась этим, действительно, очень приятным и симпатичным людям: оказалось, у нас и с Эдиком, и с его мамой очень много общего во взглядах на жизнь, вновь к тому времени совсем непростую не только в наших семьях. Я не могла не заметить и материнской заинтересованности во мне мамы — она очень переживала, что «уходит», оставляя сына одиноким, несмотря на... (Подробностей было много.) Но в ответ, с моей стороны, хоть и прекрасно я понимала маму, и, безусловно, чувствовала нежнейшее ко мне, с первых встреч, отношение Эдуарда, были лишь полнейшая растерянность и абсолютная неготовность к каким-либо пе-

ременам. Похоронить отчаяние тоже не просто. Еще слишком свежо было мое горе. Однако, проявляя необычайный такт и деликатность, Анаит Акоповна неизменно вкладывала в письма Эдуарда ко мне — свои, более решительные. Так продолжалось всю зиму. А в мае они приехали ко мне.

Войдя в квартиру, прямо в передней, не раздеваясь, моя будущая свекровь, не откладывая дела в долгий ящик, решила вручить мне обручальное кольцо. Разумеется, я этого деликатно не допустила: Эдуард мне нравился, но — опуская подробный перечень всех моих легкоугадываемых противоречий — их было столько... — уезжать я не собиралась. Моим домом мог быть только Ленинград, мой город. В нем прошла лучшая часть моей жизни. Здесь мои дети, здесь похоронены родители и т.д., и т.д., и т.д.

Но жизнь не остановишь...

Я только начала тогда обживать свой новый «дом». Приезд Джуганянов совпал с новосельем в моей новой квартире — ко мне постоянно приходили сослуживцы, знакомые, друзья... Мои гости садились за пианино, играли, пели — Анне Яковлевне все происходившее было по душе. В их доме тоже любили музыку, умели ценить прекрасное и любили гостей. Она не без удовольствия вспоминала с нами свою молодость. Рассказала, что ее подругой была артистка Клавдия Ивановна Шульженко. И даже с удовольствием исполнила для нас кое-что из репертуара певицы. Обстановка в моем доме подняла ее тонус, она стала себя лучше чувствовать. Не раз потом спрашивала меня: «Кто сегодня вечером придет?»

А потом вдруг стало Анне Яковлевне очень плохо. Мы предприняли все, что могли, но без госпитализации было не обойтись. Мама Эдуарда Яковлевича была врачом, и прекрасно понимала, что с ней происходит. Она умирала, и перед смертью она умоляла меня стать женой ее сына. Она вслух помолилась, заплакала и поцеловала меня. Так я стала женой Эдуарда Яковлевича Джуганяна.

...Я впервые летела в Армению, на землю своих предков по линии отца. Я прижалась щекой к иллюминатору и смотрела вниз на выжженное оранжевое нагорье, усыпанное камнями. Эдуард пояснял, что среди камней есть круги, обрамляющие вершины сопок. Этим кругам миллионы лет. Они — кратеры вулканов. Здесь земля гудела, выбрасывала камни. С высоты полета виделись горные тропинки — артерии, связывающие селения...

В Ереване нас встречали многочисленные родные, друзья. Все без слов понимали наше состояние. Был совершен последний земной обряд. Здесь, на родине Анаит Акоповны, вместе с ее родственниками и друзьями семьи, мы захоронили урну с ее прахом, привезенную из Ленинграда. На душе было очень тяжело... Спасало то, что рядом были близкие. Я чувствовала и по

Хор-Вирап

отношению к себе их участие. Какой заботой окружили нас эти прекрасные люди! Родные буквально распахнули нам свою душу. Меня они, оказывается, уже знали со слов Анны Яковлевны.

Траур в семье не помешал началу моего знакомства с Арменией. Я о ней очень мало знала, несмотря на то, что отец был армянин. Прямо с балкона нашего дома был виден Арарат. Он буквально притягивал своим величием. Возникало удивительное состояние души при взгляде на эту святую для всех армян гору.

Была солнечная осень. Во дворах и садах под тяжестью плодов гнулись деревья... Арарат манил все больше, хотелось быть ближе к нему, и меня повезли в монастырь Хор-Вирап. Стояли чудесные дни. Но расстояния, к сожалению, не позволяли ходить пешком, и к монастырю меня повезли на машине. Прямо под монастырем — государственная граница с Турцией. Она хорошо видна с высоты.

Церковь монастыря построена на высоком холме, над ямой-темницей, в которой был заточен Григорий Просветитель. (В переводе на русский — Хор Вирап — «глубокая темница»). Крутые каменные ступени прямо из храма ведут в глубокий ров, где креститель Армении, не изменив вере, провел долгих 14 лет. Монастырская церковь вознесена высоко к небу со словами молитвы и обращенными к Богу горящими свечами. Сюда, очистить душу,

идут паломники, поклониться прошлому, настоящему и будущему Армении. Идут восхититься духовной силой нации, ее верностью христианству. Удивительное чувство я испытывала, когда стояла у крепостных стен монастыря и смотрела на ослепительный Арарат: совсем рядом я чувствовала близкое дыхание этой библейской горы. Я была погружена в блаженное состояние покоя. Наверное, папины гены заговорили во мне в это мгновение, моя душа, воспитанная на русской почве, услышала голос моих армянских предков... Хотелось смотреть долго-долго, хотелось созерцать, возникло желание «остановить мгновение»... И родились поэтические строки Посвящения. Арарат благословил меня. Я каждое утро потом начинала с того, что выходила на балкон и смотрела на Арарат. Он звал меня...

Вот ведь как получилось — действительно все в этом мире не случайно! Вдруг я оставила свою любимую работу, вдруг закрыла благоустроенную квартиру и — «вдруг» или нет — оказалась в Армении. Я безмерно благодарна судьбе, и не меньше — своим близким, сумевшим принять всё, как есть. Они поняли меня. И это для меня было главным.

По доброте душевной родные и друзья Эдуарда тоже понимали мое состояние. Знакомство с Арменией продолжалось. Все для меня было откровением.

Сердце армянского христианства, Мать-Церковь Армении — Эчмиадзинский собор. Прежде чем войти, меня подводят к фонтанчику-роднику. Это традиция. Святая вода на святой земле... Необходимо испить. Вода — необыкновенно чиста, потому что циркулирует среди базальтовых пород, ее химический состав поэтому неизменен. Оказывается, этим частично объясняется и долголетие людей. Такая вода здесь везде.

Эчмиадзинский собор — кафедра патриарха-католикоса всех армян. (Мне пояснили: «католикос» — слово греческое. Переводится в данном случае как «всеобщий». А обозначает — титул патриарха армянской апостольской церкви.) Собор был построен в 303 году, через два года после того, как Армения приняла христианство как государственную религию. С того времени этот кафедральный собор и стал резиденцией католикосов. На специально созываемом Церковно-национальном соборе в Эчмиадзинском монастыре при участии представителей всех епархий Армянской Апостольской Церкви и сегодня избирается патриарх-католикос всех армян, возглавляющий эту Церковь. В Эчмиадзине когда-то прозвучал призыв к армянам встать под русские знамена в русско-турецкой войне. История этих мест чрезвычайно богата...

После увиденного и услышанного у меня появилась жажда познания. Я стала много читать, история Армении увлекала, и мы продолжали ходить и ездить по историческим местам.

Севан, с одиноким островом в центре, будто парит над землей — озеро располагается на почти двухкилометровой высоте. Климат здесь не жаркий. Вокруг — Гегамские горы. Мы идем пешком. Вокруг скалы, склоны — всё дышит. Воздух кристально чист. Он так прозрачен, что далекое видится близким. Мы зашли в село, которое буквально подпирает небо. Нас угостили форелью. Ее здесь варят исключительно в воде Севана — так здесь принято.

Живущие вокруг Севана похожи на русских. Это не случайно. При Екатерине сюда ссылали знатных провинившихся из России (молокане).

Армения — страна камня и солнца. Земли здесь мало, она рукотворная. Камни лежали миллионы лет, полезные земли увеличивались постепенно, сантиметр за сантиметром.

Познавая Армению, восхищаясь ее многовековой историей и культурными традициями, очень непросто было принять ее сегодняшний день. В первые же дни в Ереване нам с Эдуардом пришлось нарушить последнюю волю матери. Умирая в моей ленинградской квартире, Анаит Акоповна взяла нас слово, что тепло ее дома, тепло семейного очага мы сохраним. Но — таковы печальные коррективы жизни, — едва переступив порог материнского дома, мы обязаны были приступить к распотрошению семейного гнезда. Эдуард Яковлевич и Анаит Акоповна не успели до ее смерти объединить квартиры. И теперь, не будучи прописан в материнской квартире, сын был обязан — в шестидневный срок! — «освободить жилплощадь». Без рассуждений!

Эчмиадзинский собор. Самый главный храм Армении. Один из самых ранних в мире христианских храмов.

Однажды, гласит предание, Григорию Просветителю было видение: Христос в нимбе снизошел с небес и золотым молотом указал место, где должен быть воздвигнут Храм... Так, в начале IV века, был построен Кафедральный собор Армянской Церкви, нареченный Эчмиадином, что в переводе с армянского означает «И здесь Сошел Единородный», то есть Иисус Христос.

Времени рассуждать, или хоть как-то осмыслить происходящее, у нас, действительно, не было. Как не было его и на то, чтобы подготовиться к переезду. А хотелось не только собрать вещи, но и внимательно разобрать десятилетиями хранившийся семейный архив, чувствами прикоснуться к сокровенному... Конечно, все это было полнейшей утопией. Закон подобного не предусматривает. Мы что-то брали в однокомнатную квартиру Эдуарда, что-то в спешке бросали... А ведь среди друзей семьи было немало очень известных людей. Сколько же ценных реликвий ушло тогда в небытие... Но кое-что нам сохранить удалось!

Разбирая письма, мы нашли записку, написанную рукой Арама Ильича Хачатуряна. Еще на ленинградской земле я узнала от Анаит Акоповны, что ее муж — Яков Иванович Джуганян — был большим любителем музыки и в их дом на улице Алавердяна приходили и Хачатурян, и Бабаджанян, и многие-многие другие хорошие музыканты. Живя в Москве, Арам Ильич своих друзей не забывал и, приезжая в Ереван, непременно заходил в гости, рассказывала Анаит Акоповна.

Импровизированные концерты начинались обычно после гостеприимного застолья. Хачатурян очень любил старинные армянские песни и умел всех заразить желанием петь именно их. При нем всегда оказывался камертон (!), все «настраивались», и тогда уже забывали обо всем, кроме музыки! Фортепианные дуэты двух прекрасных музыкантов — Хачатуряна и Бабаджаняна — чередовались с хоровым пением, с блестящей игрой каждого из них, с игрой на мандолине хозяина дома — Якова Ивановича. А однажды, вспоминая подробности проведенного вечера, Анаит Акоповна вдруг с ужасом обнаружила, что Арам Ильич забыл на столе камертон. Она тут же позвонила ему по телефону, но в ответ услышала просьбу сохранить камертон до следующей встречи. Хозяйка дома положила камертон в шкатулку, однако встрече состояться было не суждено. Она оказалась последней...

Читая и перечитывая записку Хачатуряна, мы вспоминали, как рассказывала нам эту историю Анаит Акоповна. А когда открыли заветную шкатулку, замерли... Перед нами лежал безмолвный соучастник гениальных творений, вдохновения, взлетов мысли, творческого озарения великого маэстро. Он хранил тепло его рук... Мы закрыли шкатулку, не прикасаясь к святыне. Дальнейшую судьбу камертона Хачатуряна решил не случай, а наша с Эдуардом Яковлевичем воля.

В раздумьях, в осмыслении крутого поворота в моей судьбе прошло какое-то время. Мне было непривычно трудно без своих учеников, без любимого дела. Свой класс я видела лишь в сладких ночных грезах. Друзья и родные понимали мое состояние и стали приобщать к национальному искусству. Меня знакомили с армянской музыкой в великолепном испол-

нении знаменитых творческих коллективов. Я с трепетом воспринимала объемные пласты старинной национальной музыки. В них — язык чувств тех, кто оставил нам в звуках себя, время, культуру. Эта музыка волновала меня. Она полна любви, печали, надежд, красоты. Во всем этом и мои гены, которые намного старше меня...

Мое внимание в те дни привлек молодой дирижер-хормейстер Тигран Экекян. Слушая его хор, я сначала воспринимала и осмысливала лишь национальный колорит. При повторном слушании — стала вникать в профессиональную суть мастерства: убеждалась в безупречности строя, ансамбля, восхищалась тончайшей нюансировкой, любовалась дирижерским жестом, поющими руками Тиграна. Руки, они венчают мысль, образ, вдохновение, сопереживание дирижера! Они поют и ведут! Я не переставала открывать блестящие возможности яркой одаренной личности музыканта. Потом состоялось наше с ним знакомство, и мы пригласили его в наш с Эдуардом, теперь уже обычный дом. Необычными в нем оставались только стулья, на которых сживали Максим Горький и Валерий Яковлевич Брюсов, гостившие некогда здесь, в доме своего друга, профессора-геолога Карапетяна (близкий родственник Эдуарда).

Мы показали Тиграну портрет Анаит Акоповны, рассказали о том, что поведала нам наша мама, а потом я открыла шкатулку, впервые прикоснувшись к камертону, и... передала его Тиграну. Мы все волновались. Я радовалась тому, что убежденно, символично передавала драгоценную реликвию в талантливые руки, а Тигран по-юношески переживал прикосновение к одухотворенной вещи, спутнице великого Хачатуряна.

Мы не ошиблись. Талант Тиграна Экекяна расцвел. Он достойно представлял в дальнейшем хоровое искусство Армении в Европе, Израиле, на международных фестивалях. Об одном из них — в Уэльсе, мой очерк 1994 года, помещенный в книге.

Я постепенно включалась в многогранную жизнь Армении. Стала заниматься с учениками, занялась журналистикой. Много узнала о родственниках Эдуарда, его предках, написала и опубликовала очерк «Фамильная ветвь». Армения стала новой яркой страницей моей жизни.

Мы очень дружили с товарищем детства, юности и зрелости Эдуарда — Сергеем Оганджянном. Это был образованный и очень душевный человек. Прекрасно зная Армению, Сергей возил нас на своей машине, и лучшего гида быть не могло! Добрейший был человек. Он любил людей, готов был помочь каждому, об этом многие говорили. В этом убедилась и я, общаясь с ним буквально еженедельно в течение десяти лет. Теперь он уже ушел из жизни, оставив по себе добрую память. Она в моих очерках о Сергее. В те-

чение сорока с лишним лет он был адъютантом маршала Советского Союза И.Х. Баграмяна. Со студенческих лет и всю жизнь дружил с Мстиславом Ростроповичем. Это был человек красивой души.

В одну из наших поездок с Сергеем мы с Эдуардом поднялись на гору Арагац. О ней в народе немало легенд. В наши дни говорят, что в землетрясение 1988 года Арагац сумел взять на себя — за десятки километров от эпицентра, основную мощь воздушной волны. Ледники на вершинах горы стали таять — гора впервые заплакала... Она, считают ереванцы, и защитила Ереван от разрушения.

Арагац постоянно вызывал у меня раздумья. А когда я там побывала...

Арагац завораживает. То, что мы с Эдуардом увидели — не увидишь ни в каком музее! Это — живые картины. На альпийских лугах пасутся лани. Цветут диковинные травы, благоухают цветы... Ручьи, стекающие с горных вершин, сверкают в пробивающихся сквозь сочную зелень листвы лучах солнца. Вдали — прямо на склоне горы, как орлиное гнездо, зацепилась крепость. Здесь же, в высокогорье — Бюраканская астрофизическая обсерватория. Ее построили в 1944 году. В высокогорной атмосфере меньше пыли, здесь легче вести наблюдения, изучать звездный мир. Высота — полторы тысячи метров над уровнем моря.

Перебираясь с камня на камень, минуя ручейки, мы присели отдохнуть, и облако прошло сквозь нас... Обняло... и продолжило свой путь.

Здесь, в Армении, я постоянно вспоминала папу. Вспоминала и его рассказы про Кавказ и про друзей. Одним из близких папиных товарищей, кого я помню, — был Михаил, для меня дядя Миша, Цицикян. Это был человек энциклопедических знаний, он закончил одновременно три факультета Университета.

От дяди Миши я впервые услышала армянские народные песни. Он пел так вдохновенно, что даже не разбирая слов, можно было понять музыкальный язык, он зывал к чувствам... О Михаиле Цицикяне я подробнее рассказываю в очерке «Я обнимаю память». Дядя Миша приходил к нам со своей дочкой Анаит. Нам было лет шесть-семь, и мы с ней уже музицировали. Она училась на скрипке. Первый наш дуэт был — «Сурок» Бетховена. Тот самый «номер», который любила слушать в нашем исполнении Анна Андреевна Ахматова. Вообще, Ахматова одна из первых сразу оценила по достоинству игру этой девочки, впоследствии действительно большого музыканта.

Анаит, увы, я не видела с начала разлучившей нас с ней войны. Но вот, спустя много лет, довелось все же нам встретиться. Какое-то чувство под-

сказывало мне, что следует ее поискать в Ереване. Открыла телефонную книгу и нашла! Сколько было взаимной радости — не передать. Память детства, конечно же, не покинула и ее. И теперь нас уже ничто не могло разлучить! Стала Анаит Михайловна профессором Ереванской консерватории, скрипачкой с мировым именем. Но это никак не помешало нам снова начать прерванные войной музицирования — уже на другом, правда, уровне! Благодаря Анаит, которая представила меня своим коллегам по Консерватории, у меня появилась дополнительная возможность работы с одаренными детьми. Вместе с Анаит и ее мужем мы посещали концертные залы. Оказалось к тому же, что ее муж учился в школе вместе с Эдуардом Яковлевичем. Жили мы близко друг от друга, и вот это, все вместе взятое, заметно обогатило начало нашей «новой» жизни в Ереване.

Родственников и друзей своего мужа я полюбила и благодарила Бога за такой яркий новый виток жизни. Жена брата Эдуарда, Наталия Николаевна, была ленинградка, в блокаду эвакуировалась в Ереван. В мое время она была уже главным кардиологом Еревана. Хотя мы жили в разных квартирах, но были одной семьей. О Наталии Николаевне Худабашян я тоже пишу в очерках. До сегодняшнего дня она для меня бесконечно близкий человек.

Когда-то папа говорил мне, что фамилия наша — редкая. В телефонной книге я нашла тем не менее еще трех Чзмечьянов... Корни этих Чзмечьянов уходят в Западную Армению. Мы с ними — только однофамильцы... Но хоть и оказалось, что прямых родственных связей у нас нет, приняли меня мои однофамильцы, как родную сестру. Это нужно было видеть! Несмотря на блокаду, Армения была жива. Не было света, воды, люди жили на грани срыва, но я помню этих людей и эту встречу. И подобного было немало.

Мне посчастливилось быть соседкой невестки и внучки великого художника Армении Геворга Башинджагяна, учителями которого были такие знаменитости, как Репин, Куинджи, Клодт. В квартире хранились многочисленные работы великого мастера. Дружба с внучкой художника, искусствоведом Нателой, и женой его сына Ириной Григорьевной позволила мне узнать интереснейшие подробности о личности и творчестве Башинджагяна. Ирина Григорьевна увлекательно рассказывала о семье Башинджагянов, о семейных реликвиях и, конечно, о личности самого мастера. Прочтите мой очерк: «В состоянии очарованности природой» — в нем много интересного. А ведь узнала я этих людей в дни, когда всем нам есть было нечего. 80-летняя Ирина Григорьевна не выходила из дома, даже дверь боялась открывать — ее не раз пытались ограбить...

1988 год, 7 декабря. В Армении сильнейшее землетрясение. Толчок силой в 11 баллов по шкале Рихтера с эпицентром в районе города Спитак полностью либо частично уничтожил 21 город, 324 села. Более 25 тысяч человек погибли, около полумиллиона остались без крова. В эти секунды мы с Эдиком были в семье его брата, и я кормила маленького мальчика. В момент толчка все в комнате наклонилось, поехало. Ребенок мгновенно соскочил со стула и кинулся ко мне. Тошнота подступила к горлу, и я с мальчиком интуитивно бросилась по лестнице вниз... Подобного я не переживала. А дальше горе захлестнуло всех. Писать об этом коротко невозможно.

Беженцев, детей привезли в Ереван. У всех был сильный стресс. При консерватории работал центр, куда стекались данные о погибших и живых. Детей окружили особым вниманием, я подключилась к занятиям с ними музыкотерапией. Играла, старалась отвлечь. Ездил потом в Спитак. Все, что пережила, прочувствовала — выразила в стихах.

Детей из Армении предполагалось отправить в Иерусалим. Весь мир откликнулся на беду армянского народа. В том числе и Израиль. В Иерусалиме, «Городе мира», есть, наряду с тремя подобными так называемыми «государствами в государстве», — Армянский квартал, где живут, сохраняя свое исконное гражданство, около трех тысяч армян. (Об этом в очерке «Армянский квартал в Иерусалиме».) Вот туда армянская церковь и собиралась отправить пострадавших от землетрясения детей. По этому поводу я встречалась неоднократно с католиком Гарегиним, тогда он служил в церкви Сурб Саргис.

Армянская церковь во все времена была тесно связана с историческими судьбами своего народа. Эта традиция идет из глубины веков. Очень глубоко впитали в себя христианское чувство армяне. В связи с блокадой Армении со стороны Азербайджана и событиями в Карабахе я стала внимательно изучать исторические источники, отражающие взаимоотношения и причины конфликтов этих народов. Я стала писать статьи, которые были опубликованы в газетах Армении.

В Санкт-Петербурге активно действовала армянская церковь — духовный и религиозный центр армян-жителей города на Неве. Однако правдивая информация из Армении почти не поступала. Испытывали информационный голод, в то время как газет и брошюр из Азербайджана в Петербурге было предостаточно. Город буквально был наводнен азербайджанской прессой, доставляемой бесплатно прямо в почтовые ящики горожан. Зная всё это, мы и пытались предпринять все возможное, чтобы... Словом, читайте мою статью «Чтобы сохранить духовную связь». Мой муж Эдуард Джуганян в течение нескольких лет посылал еженедельно газеты из Еревана в Петербург, прямо на адрес церкви.

Это было очень сложное время! Крутой поворот истории, на котором народу Армении предстояло непростое испытание. Расслоение общества дошло до откровенного неприличия. Азарт накопительства шагал буквально по трупам соотечественников, и прежде всего пострадали пенсионеры. В условиях голодной, холодной зимы единственный источник существования — пенсия, — не выплачивалась месяцами. Пенсионные деньги шли в оборот под проценты торгашам. Я обратилась к министру социального обеспечения и к прокурору Еревана дать ответ в прессе после изучения изложенных фактов. Ответ в виде телефонного звонка и любезно присланной за мной машины для разговора последовал незамедлительно. Просили меня не помещать дубликат моего обращения в главную газету Армении, но — опоздали! редакция проявила такую оперативность, что на первой странице уже была помещена к тому часу моя статья: «Хватит кивать на блокаду». Читайте ее.

Прошли многотысячные митинги на главной площади. Пенсию незамедлительно выплатили, но меня чуть не уничтожила мафия. Звонки, угрозы. Я некоторое время жила у знакомых...

Я переживала вторую блокаду после ленинградской. Хотя нельзя проводить аналогию между блокадами, но душа моя, как и прежде, болела за детей. Жизнь детей в Армении была практически парализована. Школы и детские сады за небольшим исключением не работали. Я стала выступать со статьями и приняла участие в педагогическом совете района. Понимание у коллег находила. Тогда же мной были написаны статьи «Дети — самое дорогое, что есть у народа» и «Музыка была нужна все 900 дней блокады».

А теперь об удивительном в блокадном городе.

Я всегда благодарила судьбу за то, что с детских лет меня окружали прекрасные люди, друзья моего отца — Орбели, Цицикян, Наджаров, Тер-Гевондян и многие-многие другие, ставшие для меня моим нравственным камертоном.

Жизнь в блокадном Ереване во много раз приумножила мои личные симпатии к армянскому народу.

...Возвращаясь вечером домой, мы шли по центру темного города. Пешеходов почти не было, лишь проезжающие машины одаривали светом фар. Вблизи Матенадарана, на перекрестке двух улиц, одиноко стояла машина и возле нее две большие емкости с гвоздиками, подсвеченные фонариком. На фоне темноты и звездного неба огонек напоминал зажженную лампаду.

Мы прошли мимо. В нескольких шагах, на тротуаре, лежит сломанная гвоздика. Я подняла ее, а дальше... произошло удивительное! Нас догнал

продавец гвоздик и быстрым движением вручил мне огромное количество цветов. «Возьми», — сказал он и мгновенно удалился к своей машине. Это было на уровне очевидного и невероятного. У меня было такое множество гвоздик, что я их еле удерживала двумя руками.

Порыв доброты незнакомого человека всколыхнул мои чувства. Мне сразу же захотелось громко восхититься поступком. Переступив порог своего подъезда, я зашла в квартиры соседей и в свою очередь одарила их цветами. Это были прекрасные минуты вдохновенных разговоров. Кто-то вспомнил минувшее время и поведал мне о том, что жил в Ереване добрейший человек и все его называли Карабала. Он не только продавал цветы, но и щедро дарил их прохожим. Давно ушел из жизни Карабала, но добрая память о нем живет и будет жить. Памятник на улице Абовяна хорошему человеку — высшее признание его нравственной высоты.

К сожалению, стремление к сиюминутному чрезмерному обогащению все больше и больше вытесняет доброту, которая во все времена считалась высшей мудростью человека.

Нас всех сейчас несут сильные ветры одного времени, и не каждый может устоять в крутом водовороте. Все мы ежедневно мыслями уходим в рассвет тревоги наступающего дня и в таком напряжении живем...

Кто ты, добрый Человек, подаривший мне и окружающим меня людям радость? Ведь ты мог тридцать семь свежих гвоздик продать с рассветом наступающего дня и приумножить свой доход. Спасибо тебе!

Благодарственное слово «спасибо» у древних людей означало: спаси тебя Бог! Я хочу тебе исполнения этого наивысшего пожелания.

Вот такие люди меня окружали, поэтому так хотелось быть нужной и полезной им всем. Только такие чувства и давали мне силы переносить вторую блокаду. Я даже двухсот граммов хлеба не получала, так как не была прописана. Чтобы получить хлеб, нужно было мужу часами выстаивать в очереди, ведь выпечка и привоз были непредсказуемы. Все зависело от подачи воды, электроэнергии и наличия бензина... Мы ходили к концу дня на базар и собирали капустные листья, остававшиеся после продажи овощей. В Армении леса почти нет, поэтому вместо дров собирали в скверах немногочисленные прутья и на крошечном костре на балконе готовили самую примитивную еду. Так выживали многие. Были, конечно, и такие, которые имели все. Это торгаши, спекулянты. Они привозили необходимое самолетами.

В один из зимних дней, чтобы отправить газеты в армянскую церковь, в Питер, на почту вместо Эдуарда пошла я. Был гололед. И я упала, и сломала бедро. Случилось все это в самом центре города. Без содрогания не могу

вспоминать те первые несколько часов без «Скорой», которая очень долго, из-за отсутствия бензина, не приезжала. Ко мне, одиноко лежащей на тротуаре, подходили какие-то люди. Видя мою полную беспомощность, прохожие пытались мне как-то помочь, что-то советовали. Было очень холодно, меня согревали своим дыханием. Двигаться не могла, да и, сказали, нельзя... А «Скорая» все не ехала! Мимо, с шиком, на своих сверкающих авто проезжали только новые армяне...

Болела я долго. Дома. Медицинской помощи фактически не было. В нашей с Эдиком квартире — холодина. Мы перебрались к Наталии Николаевне Худабашян. В доме жены покойного брата Эдуарда Яковлевича всегда жили по принципу: «теснее — теплее»... В те дни топились у них соляркой печка-временка. Около нее все и грелись. В том числе — дворовая собака и кошка.

Кости мои срастались плохо, а срослись — со смещением, нога стала короче на три с половиной сантиметра... Да как говорится, спасибо и на том: кость вообще могла не срастись, ведь питались-то в основном макаронами... Вот в такое время ко мне пришла Рузанна Лалаян, врач-хирург. Она заведовала кафедрой военно-полевой хирургии института усовершенствования врачей. Но ни о госпитализации, ни о практической помощи речь уже не шла. Было поздно. Впрочем, блокадные больницы были в таком состоянии, что и рентгеновский снимок сделать в те дни было большой удачей. Аппаратура работала изредка. «Из-за отсутствия электричества».

Рузанна мне помогала чем могла, даже умудрялась подсунуть что-нибудь вкусенькое... Рузанна помогала всем и совершенно безвозмездно. Ее в Ереване так и звали «мать Тереза в армянском варианте». Бывшая фронтовичка, а в прошлом и ленинградка (она училась у нас, в медицинском), Рузанна буквально вдохнула в меня оптимизм, подняла мой дух. Она была для меня добрым подарком на всю оставшуюся жизнь. С того дня мы стали по духу сестрами. О Рузанне Леоновне написаны книги, брошюры, снят фильм. Она — гордость Ленинграда и Армении. Два очерка о ней и ее сестре Софии написала и я: «Две сестры — две судьбы» и «Рузанна Лалаян».

...Все годы жизни в Ереване мы дружили с двоюродным братом Эдуарда Сергеем Варгановичем Карапетяном. Он — архитектор, строил в Армении, России, Индии, на Украине. Его изобретения демонстрировались на международных выставках в Германии, Испании, Югославии, Индии. 16 авторских свидетельств говорят о признании его заслуг. Это необычайно добрый и обаятельный человек. Его душевная теплота, его ум покоряют буквально с первой минуты. Как много дало мне общение с ним! Я узнала немало интересных вещей. Затаив дыхание, слушала рассказ о Григоре Просветителе,

первом армянском епископе, разглядывала бесценные издания — в рабочем кабинете Карапетяна великое множество альбомов, на стеллажах книги, папки и проекты... Увидела я и непосредственно работы Сергея. Недаром говорят: архитектура — это застывшая музыка: рассматривая какой-то очередной предложенный моему вниманию «объект» (на рисунке — великолепная постройка со множеством изящнейших арок и ниш), я не могла не восхититься совершенством пропорций! Как в музыке, действительно, в них та же гармония и ритм. Помню, разговор шел о строительных материалах. Туф, гранит, базальт... Ведь Сергей — архитектор-практик. Речь профессионала покорила окончательно, когда Сергей посвятил меня в еще один «секрет». Оказывается, удивительная красота камней, их поистине сказочные свойства — не что иное, как «последствие буйства сверхвысоких температур доисторических вулканов». И этот подарок природы исключает необходимость красить фасады многих ереванских зданий. Я тут же вспоминаю наш дом — он именно такой: из туфа, необычайно красивого — розового... В ответ Сергей буквально поэму пишет! Он рассказывает о Ереване так, что нельзя не восхититься этой глубиной любви армянина к своей многострадальной, но такой божественно красивой земле...

Памятью вижу я теперь тот, мой Ереван. Навсегда остались со мной эти воспоминания. Возможно ли забыть людей, подаривших мне частичку своего сердца?.. А выбитое на древней плите, обращенное к потомкам: «Построил Нарсес. Помяните»? (Это надпись, оставленная потомкам католиком Нарсесом Строителем — созидателем, увы, не сохранившегося до наших дней Звартноца, всемирно известного храма. Друзья познакомили меня с его историей, я побывала на знаменитых руинах. Сегодня на месте средневекового Звартноца — археологический заповедник).

Незабываемо и более «домашнее» — тихие теплые ереванские вечера, когда после шумного дня так хорошо окунуться в глубокую тишину и бездонный покой звездного южного неба. Я пристраивалась на ящиках-«кровати» на балконе нашего старого розового туфа дома, его стены вбирали в себя за день столько солнечного тепла... С ущелья долетал сюда ласковый ветерок... Вдали виднелись снежные вершины Арарата. На душе было так светло! А поутру прилетали к нам на этот балкон две горлицы — я приносила им угощение, ежеутренне...

Все это в вечность ушло. А память осталась со мною. Вот и вижу я память розовый мой золотой Ереван... Он рожден для весны!.. Вижу Арарат — представляю часовенку, как рукотворную христианскую свечу, обращенную к небу...

Амен, дорогие мои! Света вам, блага и удачи...

Вместо послесловия

...Только что прилетело ко мне письмо из Еревана, в котором пишут, как отмечали очередную дату геноцида. Это было 24 апреля 2005 года. Молодой композитор Ара Геворкян написал песню о кровавых оргиях геноцида со стороны турок. Текст песни был переведен на 17 языков, и зарубежные певцы пели ее каждый на своем языке. В том числе пел и турок, но он, как написали мне очевидцы, его фамилии просил не называть... Все это проходило ночью у памятника жертвам геноцида. А позднее, 28 мая, вокруг горы Арагац 200 тысяч человек, включая и многочисленных гостей из многих стран мира, танцевали старинный армянский круговой танец «Кочар».

Жизнь жива и никакому злу не вырубить крепкий корень нации!

Я не расстаюсь с Арменией, хотя давно уже, по-прежнему живу в Санкт-Петербурге. Об Армении я много писала, слагала стихи, жила болью и радостью ее людей. Они стали моими и я — их. Для меня это очень много. В пожилом возрасте меня одарили в Армении любовью и уважением. О таком подарке жизни я и мечтать не могла на склоне лет...

...Перед глазами наш последний с Эдуардом отъезд из Еревана. Помню, как друзья, родные, близкие приехали провожать нас в аэропорт, и, в момент регистрации нашего немногочисленного багажа, стояли с раскрытыми кошельками, зная, что за провоз каждого килограмма берут огромные для пенсионеров деньги, — в случае необходимости они готовы были доплатить... Такое тоже не забывается.

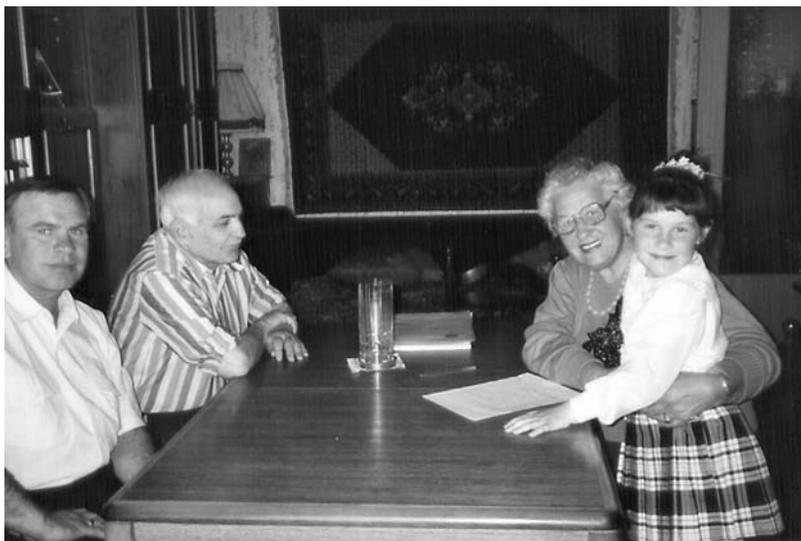
Мое откровение перед читающими мою книгу — подобно исповеди, ведь в мою душу постоянно стучится память. Я ее слышу и спешу успеть передать. Я и сейчас испытываю живое прикосновение к тому, что было. Мое чувство свежо, оно стерло грань между прошлым и настоящим. Поверьте, голос души — больше, чем слово. Вот и смотрю в прошлое сегодняшними глазами, а оно далеко во времени...

В своем повествовании я доверительно поведала о личном и общем для моего поколения. Я считаю себя счастливой, хотя всегда жила трудно, в душе было светло от добрых дум, от сознания того, что я нужна, любима и люблю!

Хочу, чтобы идущие по жизни вослед за мной меньше ошибались и горевали. Чтобы неизменно ориентировались на вечные человеческие цен-

ности и не изменяли им. Это особенно важно сейчас, на историческом для нашего государства повороте. Когда нет моральных устоев и теряются многие нравственные ценности, нужно помнить, что за деньги можно купить только вещи, продукты, развлечения и прочие материальные блага. Счастье, знания, культуру, уважение купить нельзя. К пониманию, осмыслению этого нужно подходить с детства. Очень многое зависит от семьи, окружения, духовного обогащения и от воспитанного в себе желания быть полезным людям. Никогда нельзя позволять низменным страстям заглушать голос совести.

...Я учитель, и убедилась в том, что дети нравственно чище взрослых. Они прекрасны своей искренностью и готовностью жить по законам Добра. Нужно эти качества не растерять взрослеющим.

У детей можно много чему поучиться!

Будьте счастливы!
Амен!

Май 2005 г.

УРОКИ НРАВСТВЕННОСТИ — КАЖДЫЙ ДЕНЬ...

«...Узнала из вашей газеты, что приняты важнейшие проекты федеральных программ — “Дети — генотонд нации” в дополнение к президентской программе “Дети России” <...> Считаю, что эти проблемы <...> должны сегодня решаться всем обществом.

...время, в котором мы сейчас находимся, постоянно наполняется противоречивым содержанием <...> нелишне вспомнить, что именно нравственность должна являться опорой человека во в с е х его делах...»

Из письма в газету
«Санкт-Петербургские ведомости»*

*Шарапова В. Уроки нравственности — каждый день // Санкт-Петербургские ведомости. — 2000. — 3 августа.

Годы. Судьбы. Люди

Очерки*

енно-медицинскую ака-
ию и прооперирован — Нико-
м Николаевичем Петро-
м. Память метко выхватыва-
ет давно пересозванное, и
описанием действительного
с печальной действитель-
ностью цивилизованного мира.
Смотрю на людей, на их све-
жие раны от страданий и ви-

Я к вам бегу, мои родные,
К поросшим временем холмам.
Я к траве нежно приласкаюсь,
Кусочек хлеба положу, Я — ваша!
Я ваша! Слышите? Я — ваша!
Сквозь пласт мотыльиной я шелку.

Дал Кусочки хлеба кла-
дут пережившие блокаду тем.

что народ создано
в себе силы не
родить, но и
умножить др
цию. Дети Ов
В своих
как они
они, сел
шленцы
науку
нем

лагеря ходила два раза в не-
делю. Пассажиров почти не
было, делая предположени
только начальству.

... В один из субботних вече-
ров в сильнейшую грозу ма-
шина с продуктами для
и не ехал мой муж (автоини-
циально переситить водителю
и пассажирам в Ульяновск, вы-
дана и белая. Муж безза-
щитен, что
да и населен-
доли насиль-
посиделка,
поднимался
рядом с ва-
чила перог-
не она — по-
ром я тогда
дверь я ти-
сменил тур-
на крыл
спид, а
хотел
детей
Пет
но ес
льво
ном
и по
и
армяне, о
каждом
мню по
В про
прек
гих
вос

прежнему трудно и дорого
Машина с продуктами для
детского дома и пионерского
... шлах, по-
... мнор-
... ата-
... Вейнсон доставал для нас
заграничные лекарства, а тай-
в то время было очень нелегко
сто. Два сына Колина дружи-
ли с Виктором. Однако в сло-
женнейшей ситуации этот чело-
век все отдал на доброе
прошлое отпустил по отноше-
нию к мальчику наущившим
образом. Известно, что дети не
выбирают родителей, так что
когда Колина прочтут, так что
собираются вернуть память
вместе с своим товарищем
детства — Виктором Вейнсо-
ном.

ПОДРОСЛИ наши дети. За-
кончил школу Виктор. Он меч-
тал о Кораблестроительном
институте или Институте ави-
онного транспорта, но докуман-
ты у него даже не приняты.
Обычно работало, «сми-
ясли, — это был тяже-
елеслюе-

ОН БЫЛ СЫНОМ «ВРАГА НАРОДА»

ДВИЖЕН ПАМЯТЬ

жужу своих родных, потянух
от голода в блокадном Ле-
нинграде. Семнадцать цело-
век, бесконечно дорогих для
меня людей, я съезла на дет-
ские саночки в морг, вой-
ска нашей жизни всех наро-
дов нашей страны. Я еже-
годно хожу на Пискаревское
кладбище могилам, чтобы
приласкать к земле, положить
цветы и кусочек хлеба.

Я о войне не понаслышке зна-
ла. В ее тисках, в ее колыхе
Я из блокады Ленинград
Я вместе с городами жил
Я та, что клей стопа
В завалах и раненым
Запелена родные
На детских саночках
Я та, что воду из
В кастрюлях пле
В кастрюлях пле
И с крошкой х
В блокаде.
С печалью.

В ДОБРЫЙ ПУТЬ!

Армянская церковь во все
времена тесно связалась
исторически с судьбой на-
рода. Вот и сейчас в Санкт-
Петербурге духовная жизнь
делает — Нерестия очень
Карабаху — жители города
хотят знать о событиях
первоисточника, и
и просили передать
через газету братскую
голарность в Санкт-
Доброго уважения и делая
Бедано уполномочен-
секретаря Артура Арагася
В. А. Сейраняна с
и просили меня передать
чтобы по возможности пере-
дически прочитанную газету
и посылал на адреса зна-
комых, церкви.
Нужно заполнить инфор-
мационный вакуум. Так что
ворческий полет отечествен-
ные газеты!

Санкт-Петербург — Ереван.

Валентина ШАРАПОВА.
Санкт-Петербург — Ереван.
Газета «Республика»
Армения

меститель... вмишлась за-
Коллин, который резко оборвал
меня категорическим отказом.
Я вопреки разуму взорвалась.
потом заплакала... Виктор из-
дали помахал мне рукой, сел
на велосипед и уехал...
ПОСЛЕ этого случая меня
сточиться, остаться самим со-
бой, поверить в жизнь и вой-
в нее нравственно высо-

С уважением
Валентина Григорьевна
ШАРАПОВА
РФСР

* По газетным публикациям
1990–2000-х годов.

15 декабря 1919 года

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН

31.12

САМЫЕ ПЕРВУРОВЫЕ ВЕДОМОСТИ

С-Петербург

www.spbvedomosti.ru
post@spbvedomosti.ru

Основана

в 1728 году

Взгляд
в ИСТОРИЮ

№ 300 (3461)

№ 1 (1984) 7 января

«МОСБЛАНК
БЛАТНИКИ»

10

УДОСТОВЕРЕНИЕ
№ 11

Доверительно по имени
подписи и резолюции
«Акулиничев»
Директор

ЦК КПСР
Секретарь Верховного
Суда
Ирина Дарегинская
П.М. Дарегинский

Весте Виктор Владимирович
Александр Сергеевич
... он был из тех
... злое письмо
... 05
... 02

Фамильная ветвь*

Удивительно чист изначальный ручеек человеческой жизни! Он всегда оберегался теплом матерей, приносил нравственное здоровье людям и утверждал смысл жизни.

Генетическое древо армян уходит в седую древность. Армянское нагорье было средоточием высокой цивилизации и вослед идущие поколения сохраняли и приумножали духовное богатство армян. Так было и, хочется верить, так будет, ибо фундамент нации закладывался глубоко, мудро и справедливо.

Наверное, читающие мои строки задумывались о своих генетических корнях, это всегда нужно и интересно. Мне посчастливилось в Армении узнать от своих родственников об огромной фамильной ветви генетического древа, которая достойно представлена родом Ерзнкянов. Моими собеседниками были — Левон Акопович (уже ушедший из жизни) и Сурен Акопович Ерзнкяны.

Разговор был интересный. Память этих людей высвечивала не только яркие страницы истории армянского народа, но и современность, факты которой не всем известны. Прежде всего меня познакомили с происхождением этой фамилии. Оказывается, Ерзнкянов в Армении очень много. Вот небольшой экскурс в XIX век.

В 1820 году архимандритом города Ерзнка в Западной Армении (ныне Турция) был Ваграг Ваграгян. На этот город часто нападала гвардия турецких султанов — янычары. Они убивали народ, грабили храмы, проявляли чудовищную жестокость. Однажды, после богослужения, архимандрит Ваграг Ваграгян обратился к верующим христианам и сказал, что силу кресту в борьбе с врагами придаст оружие. Мудрый архимандрит приобрел на пожертвования прихожан триста ружей и пригласил специалиста обучить военному делу молодых мужчин. Так впервые были подготовлены воины города Ерзнка для отражения набегов турок-янычар.

В 1822—1827 годах последовало несколько нападений, но армяне выходили победителями и после поражения враги долго не осмеливались нападать на мирных жителей города Ерзнка. Благодарный народ своему спасителю Ваграгу Ваграгяну присвоил первую почетную фамилию, созвучную с именем родного города — Ерзнкян. Это было высшее признание заслуг пастыря. С того времени и пустила побег в будущее фамильная ветвь Ерзнкянов.

В 1828 году, после заключения мирного договора с Турцией жители города Ерзнка и Эрзерума из Западной Армении переселились в Восточную,

* По материалам очерка, опубликованного в газете «Голос Армении» 17 марта 1992 года.

которая находилась под владычеством Российской империи. К тому времени архимандрит Ерзнкян скончался, и переселение прошло под благословением архимандрита Карапета Спарзана. Люди разместились в Ахалцихе, Ахалкалаки, Тифлисе, в Лорийском районе Армении — Ахпате, Санаине. Многие жители Ахпата и сейчас носят фамилию Ерзнкян.

Мои собеседники вспоминали своего деда — *Арутюна Ерзнкяна*, участника обороны крепости Карс, на которую обрушили свои силы янычары. Арутюн прославился как искусный мастер народных музыкальных инструментов. Равного ему в Закавказье не было. Он рассказывал своим внукам, как отремонтировал в Тифлисе и подарил вторую жизнь уникальной скрипке, которая звучала в доме наместника царя графа Воронцова-Дашкова. Арутюн Ерзнкян усовершенствовал национальный инструмент тар. Он не только улучшил акустические свойства тара, но и инкрустировал инструмент тончайшим кружевным перламутровым узором. Я любовалась этой изумительной работой 87-летнего Арутюна, глаз не могла оторвать. Воистину не ремесло, а искусство! В 1920-е годы Тифлис посетил интересовавшийся культурой и бытом Кавказа Анри Барбюс. Знаменитый французский писатель выразил тогда свое особое восхищение мастеру, и в знак уважения подарил Арутюну свою визитную карточку и сфотографировался с ним. На память. Все реликвии бережно хранятся и с гордостью передаются от поколения к поколению.

Способность к творчеству передавалась и приумножалась в детях и внуках Арутюна. *Акоп Ерзнкян* — его сын, тоже был гордостью Армении. Талантливый самоучка, общаясь с хозяином-иностранцем, помимо восточных языков выучил разговорный и письменный немецкий и русский. Стал оптиком-механиком и оружейником высокой квалификации.

В конце XIX века Закавказье было одним из центров международных ярмарок. В 1898 году Русско-Балтийское общество с целью рекламы организовало автопробег машин французского производства из Европы на Кавказ. У одной из машин в пути вышел из строя двигатель и пришлось ее буксировать в Тифлис на волах. Попытки опытных мастеров починить машину успехом не увенчались. Единственным среди многих, кто сумел отремонтировать двигатель заграничной машины, был Акоп Ерзнкян. Инженерная мысль Акопа была способна решать самые разнообразные технические задачи. Он имел несколько авторских свидетельств. Переехав в Ереван в 1921 году, Акоп принимал участие в организации табачной фабрики и впервые механизировал процесс изготовления папирос. Это было большим событием для Армении того времени. И всю Великую Отечественную войну работал старым мастером, щедро передавая свои знания, опыт молодым. Ко всему, он был удивительно добрым и душевным человеком. О нем мне много

рассказывал его внук, мой муж — *Эдуард Джуганян*. Он частенько подолгу жил у бабушки. В музее Еревана экспонируются станки и инструмент, сработанные руками Арутюна; личные же его вещи предельной скромности. Жил этот замечательный человек в Ереване, на улице Теряна, на первом этаже дома 83. Живя в бедности, Акоп Ерзнкян вместе с женой воспитали трудолюбивых детей, достойных своего славного рода.

Дочь Акопа — *Анаит Ерзнкян* (моя свекровь) — была врачом широкого профиля и организатором здравоохранения. Она в числе первых в Армении закончила медицинский факультет Ереванского университета и работала в Нор-Баязете в самых сложных условиях высокогорья.

Будучи молодой матерью, она с маленьким сыном на руках, часами не слезала с лошади, добираясь по горным тропам к больным. Анаит Акоповна принимала деятельное участие в оказании медицинской помощи раненым, прибывающим в Ереван с фронтов Великой Отечественной войны. Сколько жизней она спасла! Скольким помогла за долгую врачебную практику! Я склоняю голову перед ее светлой памятью.

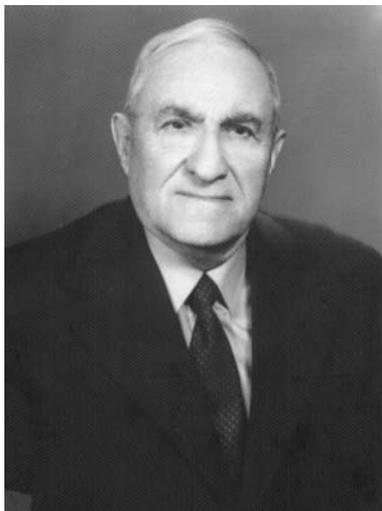
Сын Акопа — *Александр Ерзнкян*, талантливый инженер, потом воин — погиб в Великую Отечественную под Москвой. Семья помнит и чтит его память...

Перед родом Ерзнкянов судьба часто ударяла в колокол, сковывала обручами печали сердце, но не было в этом роду падений, отчаяния, безысходности. Жизнь всегда подтверждала свое высокое предназначение и родословная эстафета добрых дел бережно передавалась от родителей детям.

Когда я говорила с *Суреном Акоповичем Ерзнкяном*, то всегда испытывала удивительное тепло от этого общения. Бывший директор Ереванской шелкоткацкой фабрики, кавалер многих боевых и трудовых орденов, автор многочисленных изобретений — он был очень уважаемым человеком, с ним было как-то легко и уверенно даже в трудные для всех нас 90-е годы. Мало таких деликатных, бескорыстных и скромных людей в наше сложное время. Трудная была у Сурена Акоповича жизнь, но деятельная доброта и

Анаит Акоповна Ерзнкян. Фото 1975 г.

Один из достойнейших представителей рода — Левон Акопович Ерзнкян. Профессор-микробиолог, заслуженный изобретатель Армении. Он — автор «Наринэ». Фото 1986 г.

готовность взвалить на себя тяжелую ношу чужих бед не могли не восхищать. Он всегда был там, где очень трудно. В войну добровольцем пошел в полк московских рабочих и участвовал в разгроме фашистской армии под Москвой, воевал под Сталинградом и Ленинградом. Сражался насмерть, как многие его земляки, помнил и думал о родной Армении, знал, что в это роковое для Союза время к границе были подтянуты турецкие войска, и в случае поражения советских войск могло повториться очередное уничтожение армян.

Навсегда в моей памяти и еще один Ерзнкян — *Левон Акопович*. Увы, уже несколько лет, как нет его в живых. Ученый-микробиолог с мировым именем, памятью вижу его и слышу. Доктор биологических наук, профессор, заслуженный изобретатель Армении, автор свыше 250 опубликованных научных трудов

и 30 авторских свидетельств. Его знают во многих странах мира. Это он изобрел теперь уже всемирно известный биологически активный препарат «Наринэ», спектр действия которого огромен. Это прекрасный заменитель материнского молока, эффективен и при сальмонеллезе, дисбактериозе, дизентерии, тяжелых формах заболеваний желудочно-кишечного тракта у детей и взрослых. Препарат уникален! Первой, в 1987 году, приобрела патент на производство «Наринэ» Япония. Там в кратчайшие сроки были построены заводы по его производству, этот ценнейший для здоровья продукт занимает в рационе японцев третье место после риса и рыбы. На его основе создаются препараты для профилактики рака. Сейчас «Наринэ» можно купить и в российских аптеках, и в американских, и в странах Европы.

Все это поведал мне сам Левон Акопович, но беседа с ним, именно эта, оказалась последней... Теперь у Левона Акоповича Ерзнкяна уже вторая жизнь — в доброй памяти людей. Его ученики и последователи приумножают и понесут в будущее беспокойный, одержимый труд ума своего учителя.

Прекрасна эта одна из фамильных ветвей рода Ерзнкянов! Подобных ветвей у выходцев города Ерзнка много. Все они разные, но всех их объединяет любовь к Армении, добрые традиции и служение народу.

Среди Ерзнкянов есть дирижеры, композиторы, ученые, кинорежиссеры, строители, но это уже другие ветви могучего древа жизни нации. О каждой из них можно написать не один очерк. Недалеко от Еревана есть поселок «Новый Ерзнка», жители которого бережно хранят обычаи и культуру своих предков. Это замечательно!

Подрастают уже правнуки дедушки Акопа Ерзнкяна — мальчики и девочки. Я их знаю и люблю! Семейные ветви особенно пышно распускаются и цветут на родной земле. Она родник и источник жизни!

Цвети, Армения!

Я обнимаю память...

Коренная жительница Санкт-Петербурга, я по-настоящему открыла для себя землю своих предков — Армению — в пожилом возрасте. Гены и светлая память о моем отце Гарегине Мартиросовиче Чзмечьяне несколько лет безошибочно вели меня туда, в блокадный Ереван.

С раннего детства я была окружена армянами-жителями Ленинграда. Это были люди высочайшей нравственности: мужественные, благородные, великодушные, талантливые. Они достойно представляли нацию в городе на Неве и неизменно жили деятельной любовью к Армении. Я считаю своим долгом поведать о них.

Маленький экскурс в историю нашей семьи. До трех лет мой отец жил в Трапезунде. В очередной геноцид погиб от острия турецкого клинка дедушка, и бабушка с папой нашли прибежище в Тифлисе. Там отец подружился с Иосифом Орбели и Михаилом Цицикяном. По окончании гимназии все трое поступили в Петербургский университет. Папа женился на русской. Появилась на свет я — единственный ребенок в семье. Крестил меня дома священник армянской церкви. В то время это делалось без огласки.

Квартира наша, на Канонерской, была гостеприимным домом, где русские и армянские праздники и обычаи взаимно обогащали людей и приносили нравственное здоровье.

Время было сложное, жили трудно, но общение всем приносило радость. Религиозным и духовным центром армян была Армянская церковь. Она скрепляла национальное братство.

Хорошо владея литературным армянским языком, отец в студенческие годы давал уроки в богатых семьях.

Интересы студенчества определяла тяга к знаниям, культуре. Многие постоянно ходили на другой факультет университета, чтобы слушать блестящие лекции известного востоковеда, академика Николая Яковлевича Марра. А еще в нашем доме любили вспоминать такую историю: как бывший сокурсник отца, юрфаковец Анушаван и вовсе оставил юриспруденцию, целиком посвятив себя музыке, в которой оказался необычайно талантлив. (Речь шла о знаменитом впоследствии дирижере Анушаване Тер-Гевондяне).

В бытность моего детства жили очень скромно. На стол подавались брынза, фасоль, чечевица. Но музыка в доме звучала всегда. Музыцировали обязательно. С четырех лет я садилась за рояль и аккомпанировала импровизированному хору. Отец подсаживался к роялю и играл на флейте. Иосиф Абгарович Орбели, — он тоже очень любил музыку, пел и неизменно целовал меня при этом в лоб.

Часто приходил Михаил Цицикян с маленькой дочкой-скрипачкой Анаит, и мы с ней тоже играли. (Слушать игру этой девочки очень любила Ахматова.) Михаил Николаевич прекрасно пел — от него мы узнали армянские песни, — а мы ему старательно подпевали.

Цицикян был человеком энциклопедических знаний. Закончив несколько факультетов, он стал историком, археологом, экономистом, сотрудничал с Арменпресс. Он пешком исходил весь Восток, «чтобы самому осмыслить время, жизнь, события». Его многочисленные путевые заметки явились богатейшим источником для новой и новейшей истории. Кроме того, Цицикян составил перепись всех армян, живущих в Турции. Эта перепись резко отличалась от составленной турками. Обнародование ее католикосом, через церковь, в различных государствах пролило свет на истину. Честное перо Михаила Цицикяна всегда было обращено на благо Отечества. Михаила Николаевича отличала удивительная широта знаний и необычайное благородство во всем. Он был и внешне очень интересен, а в общении — просто неповторим. К этому человеку «тянуло». Он увлекал и завораживал нас своими рассказами и пением. Только недавно я узнала, что род Цицикянов очень древний и знатный. Нам всем, детям и взрослым, было с Михаилом Николаевичем не только очень интересно, но и как-то светло.

Анаит, его дочка, стала скрипачкой с мировым именем, искусствоведом, профессором Ереванской консерватории. От отца к Анаит Михайловне передалась страсть к археологии. Один из своих не имеющих аналогов в мире трудов она посвятила музыкальной археологии. Учеными-искусствоведами он и по сей день воспринимается с огромным интересом. Встреча с Анаит после длительной разлуки подарила нам непреходящую радость. Скрипка Анаит рыдала и говорила всеми оттенками чувств. Так было все

наши десять лет в Ереване. Мы не расставались. А потом, она, — уже больная, просила меня играть одну. Говорила, что в эти мгновения она переносится памятью в юность, в Ленинград, и видит бесконечно дорогое окружение. Грусть ее была одухотворенной, светлой... Она ушла из жизни, а я все слышу рыдание скрипки моей Анаит.

Представлять И.А. Орбели в этом коротком очерке я считаю нескромным. Он стал директором Эрмитажа, оставил достойный след в истории и о нем написаны книги. Общение с ним в моем детстве и юности оставило своеобразную память, наполненную житейскими эпизодами.

Хорошо помню предвоенные годы, когда волна репрессий захлестывала многих, и отец мой напрягал все свои профессиональные и человеческие возможности, чтобы помочь оказавшимся в беде. Я знала, что Орбели дружил с Анной Андреевной Ахматовой. Они приходили к нам на Канонерскую. Папа помогал Ахматовой советами. Анна Андреевна, несмотря на серьезные личные проблемы, приходя к папе на консультацию, находила в себе силы читать нам стихи. Она всегда восхищалась дружбой, которую так красиво, преданно проносили друзья моего папы.

Я помню Ленинградскую блокаду. В январе 1942 года пришел к нам товарищ отца — Геворг Фаддеевич Карженьянц. Он уже был на грани последних сил и понимал, что встреча будет последней. Сам голодный, через мой протест, он заставил меня взять из своих рук в рот маленький кусочек хлеба, при этом что-то смешное нафантазировал... Помню я, помню все это...

В апреле 1942 года, через весь город, пешком, с палочкой пришла Елизавета Федоровна Наджарова, мама тех самых «мальчиков из богатых семей», которых мой папа в студенческие годы учил армянскому языку. Она пришла попрощаться перед эвакуацией и принесла — на память, два серебряных набора ножей, вилок, ложек. «Это тебе и твоему будущему мужу», — сказала она мне, семнадцатилетней... Только позднее я смогла осмыслить этот благороднейший поступок. Елизавета Федоровна была просто хорошим, интеллигентным человеком, другом нашей семьи. С ее внучкой, Ниной Эду-

Анаит Цицикян.

ардовой Наджаровой я тоже встретила впоследствии в Ереване. Ленинградка, химик, она после окончания Технологического института приехала в Армению и осталась навсегда служить своему народу. Она долгие годы возглавляла один из отделов Госплана.

Когда моего отца, пережившего блокаду, спрашивали, что тяжелее всего он переносил, — он неизменно отвечал: потерю родных и друзей. Удивительные это были люди, поколение моего отца! Они проносили свои жизненные принципы высоко, даже в нечеловеческих условиях. Семейное окружение было для меня мощнейшим фактором воспитания. Оно явилось истоком приобщения к земле моих предков.

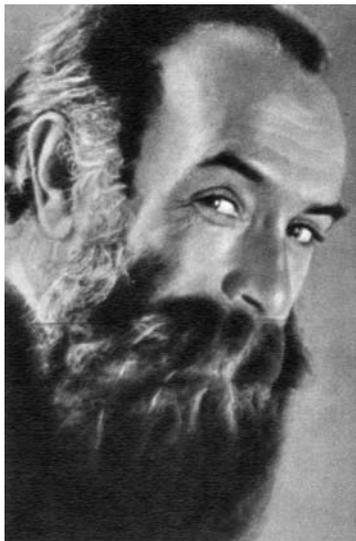
Память моя постоянно копила интересные фрагменты из жизни армян в Санкт-Петербурге. Я узнала, что в 1814 году на торжественное открытие Публичной библиотеки был приглашен некий ученый-армянин. Отец об этом многократно рассказывал и очень гордился. Позднее я узнала, что это был потомок рода Прошянов — автор проекта армянской автономии в составе России и один из первых составителей армяно-русского словаря — Александр Худабашев (Худабашян). Более того, судьба меня свела в родственных узах с Худабашян Наталией Николаевной. Она мне впоследствии много рассказывала о фамильной ветви, которая пустила побеги в XII веке и достойно продолжает свой род в наши дни.

С нежностью говорила Наталия Николаевна об отце — Николае Артемьевиче Худабашяне, который вошел в историю как талантливый офицер, полковник русской армии, участник войны 1914 года и защитник Армении. Когда в 1920-м турки наступали на Ереван, подступы к городу сумел защитить он, молодой тридцатилетний полковник Николай Худабашян. А в Санкт-Петербурге и сейчас с большим уважением вспоминают полковника Н.А. Худабашяна, некогда начальника строевого отдела Военно-медицинской академии. Эта прекрасная фамильная ветвь безошибочно передавала потомкам чистые гены. Воспитанная в традициях армянских семей Санкт-Петербурга Н.Н. Худабашян достойно представляет древний род. Она, доктор медицинских наук, главный консультант-кардиолог Еревана, сочетает в себе утонченную интеллигентность, научную масштабность и высочайшую профессиональную и чисто человеческую высоту. Будучи подростком, в Ленинградскую блокаду Наташа, вместе с мамой-врачом, была на казарменном положении в Военно-медицинской академии и в клинике Аствацатурова ухаживала за ранеными. Санкт-Петербургская мэрия через сорок с лишним лет нашла Наталию Николаевну и в 1993 году наградила ее медалью: «Жителю блокадного Ленинграда».

...Моя память постоянно в движении. Она фильтрует факты, и я вновь и вновь склоняю голову перед прошлыми поколениями армян-жителей горо-

да на Неве. Они думали о нас, о тех, кто придет после них. Они сделали все, чтобы не погас духовный светильник... Я обнимаю память и хочу, чтобы читающие эти строки отнеслись с уважением к прошлому и с ответственностью к настоящему.

Об Орбели

И.А. Орбели. 1930 г.

...Я помню конец февраля 1946 года. Мой папа очень волновался. Его друг Иосиф Абгарович Орбели, директор Эрмитажа, готовился к выступлению в качестве свидетеля на процессе главных немецких военных преступников в Нюрнберге. Об этом процессе помнят мои современники.

Тридцать снарядов попали в Ленинградский Эрмитаж. Снарядом было ранено гранитное тело одного из атлантов Эрмитажа. Старый академик, ему уже было за шестьдесят, на свидетельской трибуне выступал как прокурор-обвинитель. Он фактами доказал, что снаряды посылались методично, точно, с целью стереть с земли культурное сокровище.

Всего один снаряд попал в расположенный рядом мост — это и доказывало, что объектом уничтожения был Эрмитаж.

Никакие адвокаты обвиняемых из гитлеровского генерального штаба не могли противостоять нашему Орбели. Как вычитала я в книге об Орбели, «он в упор смотрел на Геринга — автора военного плана полнейшего уничтожения Ленинграда. Смотрел, говорил, обвинял и обвинил!» У него была удивительная сила духа, огромный темперамент, интеллект и большая любовь к людям.

* * *

Об Орбели написаны книги. Мои крупницы воспоминаний именно крупницы детского восприятия этой масштабной личности <...> Тех, кого действительно интересует незаурядная судьба великого ученого и — я живой свидетель! — добрейшего и незаурядно обаятельного человека, мне

хотелось бы адресовать к книге, которую я уже, выше, цитировала: «Братья Орбели» Ашота Мартиросовича Арзуманяна. «Наш» Орбели в ней, как живой. Вместе с ним оживает и эпоха. Кроме того, масса прекрасных фотографий. У нас дома, к сожалению, фотографии Иосифа Абгаровича, как и фотоснимков большинства довоенных друзей папы, не сохранилось... Публикуемый здесь снимок 1930 года — из книги А. Арзуманяна «Братья Орбели»: Книга первая. «Тайфун». (Ереван: издательство «Айастан», 1976). Здесь Иосифу Абгаровичу — 43 года. Таким, с огромной колючей бородой он мне и запомнился.

* * *

...Еще я помню, что в кармане Иосифа Абгаровича всегда был карандаш с наконечником — Орбели не любил писать ручкой. Автоматических ручек не было — писать карандашом было проще. А главное — быстрее! Ведь он всегда куда-то торопился!

Движение памяти*

Память! Она хранит доброе и жестокое, справедливое и позорное.

Ереван. Цицернакаберд. Позади 24 апреля, но всколыхнувшиеся чувства не отпускают. Мне, пережившей блокаду Ленинграда, испытавшей в юности нечеловеческие страдания, прошедшей трудный путь жизни, — особенно созвучно горе моего армянского народа. Созвучен и неугасающий порыв к созиданию, к действительному сохранению оставшихся сильных ростков древа жизни могучей нации.

В многотысячной процессии в Цицернакаберде я склоняла голову к гранитным пилонам, поднимала глаза на устремляющийся ввысь сорокаметровый обелиск, видела чистое, досуха выплаканное небо, старые горы и думала... Они видели кровавые оргии геноцида, страшную резню, и их вершины, подобно голове страдающей матери, покрылись вечной сединой. Вот и скорбит природа, разбросав вокруг застывшие камни-слезы... Не оттого ли содрогается страдалица-земля, что чрево ее вобрало в себя непосильную ношу крови и плоти ее детей?.. Мысли толпятся, хочется остановить мгновение, чтобы сполна почувствовать прошедшее, идущее сегодня рядом.

*По материалам одноименного газетного очерка, опубликованного в мае 1989 года, в Армении.

Всплывает образ незнакомого родного дедушки, зарезанного в дни геноцида XIX века... Памятью вижу своего папу — Чзмечьяна Гарегина Мартиросовича, у которого тело было исполосовано острием турецкого клинка в 1915 году. Между тем, вспоминая геноцид, звериное истребление нации, отец с благодарностью говорил о сочувствующей части российской интеллигенции. Будучи ранен, по возвращении в Петербург папа был помещен в Военно-медицинскую академию и прооперирован светилом того времени — Николаем Николаевичем Петровым.

Память метко выхватывает давно спрессованное, и воображение дарит общение с печальной действительностью цивилизованного мира.

Смотрю на людей, на их свежие раны, их страдание и вижу своих родных, погибших от голода в блокадном Ленинграде. Семнадцать человек, бесконечно дорогих для меня людей, я свезла на детских саночках в морг. Но то было другое горе, война уносила жизни, не разбирая национальностей. Я ежегодно хожу на Пискаревское кладбище к безымянным братским могилам, чтобы припасть к земле, положить цветы и кусочек хлеба. Да! Кусочки хлеба кладут пережившие блокаду тем, кто, умирая от голода и прощаясь с жизнью, просил хлеба. Кусочек хлеба — это святая дань вместо свечи. Такое не придумывают! Это движение памяти.

<...> В послевоенные годы я преклоняла колени на многих мемориалах, сердцем воспринимая боль утрат, но то, что я переживала 24 апреля на земле Армении — бездонно по накалу чувств.

В дни великой скорби по жертвам землетрясения армянский народ сплотился еще сильнее. Боль объединяет.

В день 24 апреля рядом со взрослыми были дети. Дети!.. Они были всюду. В своих маленьких ладошках они несли цветы... Вместе шли в траурной процессии, через боль и скорбь постигая окружающий их мир. Народ-созидатель найдет в себе силы не только возродить, но и достойно приумножить древнейшую нацию!.. Прекрасны были притихшие дети... Живое чудо, без которого нет смысла жизни и движения вперед. Хорошо, что они шли вместе со взрослыми. Детская память сохранит этот день и со временем поможет осмыслить нравственный долг перед предками. Память, она должна быть долгой!

...Возвращаясь с поклона, поздним вечером, мне навстречу продолжали двигаться сотни пожилых и старых людей, которые ждали спада дневного зноя, чтобы все же прийти, по велению сердца, к холму. Шли с цветами, опираясь на трости, костыли, на локоть друга. Им предстоял долгий, пеший путь постепенного подъема в гору...

Вокруг, на улицах, по-прежнему было великое множество торговцев цветами, собранными с альпийских лугов, со склонов гор и выращенными.

Цветы продавали за бесценок и отдавали без денег.

Все это уже прошло, но не ушло бесследно из памяти. Она во мне живет и наводит на размышления.

Много горя пережил армянский народ, но никакое зло не вырубил крепкий корень жизни, и все доброе продолжает тянуться к солнцу.

Известно, что добро и зло всегда рядом, соседствуют, только добро без усталости созидает, а зло стремится разрушать. Горе Армении разделяют истинные ее друзья. Мудрость многострадального народа, дух созидания, мужество, благородство армян импонируют всем честным людям.

Мне говорили, что кто-то предложил на месте Спитака и в зонах повышенной опасности посадить сады акаций, которые будут не только живым памятником погибшим, но и своеобразным сейсмологическим садом, в котором будут цвести предвестники подземных бурь.

Это прекрасно! Хочу верить, что природа в содружестве с наукой оградит людей от катастроф и добро восторжествует во многих своих проявлениях.

В условиях жестокой блокады...

Путь к цивилизованной жизни расчищают не перевороты, а нравственные усилия каждого.

В условиях жестокой блокады не работали школы, последствия для поколения ущербны. Этот ущерб полностью уже невозможным. Каждодневный умственный труд уступил место гуляниям, ничегонеделанию <...> сломан повседневный стереотип, учащиеся «разболтались». За редким исключением в семьях по своему разумению занимались с детьми, но в целом это были бессистемные занятия... О самостоятельном усвоении учащимися учебного материала говорить, по крайней мере, несерьезно. Даже делая скидку на компетентность родителей некоторых учеников. В музыкальных школах индивидуальные занятия тоже были прекращены на длительное время, а это значит, что развитие музыкальных навыков было приостановлено. С возобновлением занятий учителя лихорадочно стали наверстывать упущенное, но форсированный темп нужных результатов дать не мог. Золотое правило дидактики всякого успешного обучения: постепенность и последовательность — было нарушено. Ко всему приплюсовывалась разболтанность детей и снижение посещаемости занятий.

Учителя, сглаживая конфликты, стали положительно оценивать плохие знания. Пишу это на основе наблюдения в семьях, общения с детьми и со своими коллегами по профессии. Все это очень серьезно для целого поко-

ления. Ведь им, сегодняшним юным и молодым, учителя должны не только успеть передать духовные ценности, но и обеспечить в их лице достойное приумножение национальной культуры.

Мы перед поколением, идущим вслед за нами, в долгу. Необходимо задуматься, и безотлагательно (!), о том, как найти оптимальные возможности для специфических форм обучения и воспитания применительно к сложившейся ситуации, если она останется такой же трудной надолго. Должен состояться большой педагогический совет-конференция, на котором и следует определить возможные варианты.

В наше многотрудное время у учителя должно быть не громкое, спокойное, беспартийное вдохновение своим трудом. Только такое педагогическое вдохновение способно творить в ученике ученика и в человеке Человека. Нация будет жить и процветать до тех пор, пока будет жить в ней культура, а культура синтезируется в процессе воспитания, обучения и образования. Это единый взаимосвязанный процесс, и остановки не должно быть. К сожалению, сейчас культура заметно деградирует. Досадно, что торгашеский сиюминутный ажиотаж в самом плохом смысле этого слова все больше и больше затягивает юных. Это — национальная боль, и оправдывать подобное, сравнивая с подобной же барахолкой в масштабах всей нашей бывшей страны, не стоит. Думающие родители вряд ли хотят, чтобы их дети были в условиях будущего цивилизованного мира в самых низах. Ведь настоящий бизнесмен ничего общего не имеет с нынешними юнцами, торгующими на столиках-прилавках.

Знаю из общения с ереванскими школьниками, что школа практически не занимается их эстетическим развитием и воспитанием. Что-то не слышала я о школьных лекториях, не везде проводятся даже уроки пения, рисования. Это очень обедняет ребят и приведет в дальнейшем взрослых людей к профессиональной узости, к опасному прагматизму. Эстетически неграмотный человек не может быть духовно развитым. Об этом нельзя забывать, и, в первую очередь, всем тем, кто связан с обучением и воспитанием детей, — особенно тем, кому доверено руководство образованием в Армении. Эстетический центр и профессиональные музыкальные школы удивляют весь мир своими достижениями. Не нужно обеднять эстетическим воспитанием и простые школы. Нужно помнить о прошлом и думать о будущем!

Дети — самое дорогое, что есть у народа

Все годы блокады Армении я нахожусь в Ереване. Много общаюсь с детьми, передаю им свои знания, культуру и хочу, чтобы не было остановки в

воспитании и развитии целого поколения. Дети — самое дорогое, что есть у народа, и оправдывать неполноценные, еле теплящиеся на грани формальности занятия в школе — это значит не думать о завтрашнем дне Армении.

Да, предельно все сложно! Социальное напряжение, чувство незащищенности парализует прежде всего интеллигенцию, учителей, — страдают те, на кого возложена ответственнейшая миссия формирования и развития личности школьника.

Нужно отдать должное работникам Министерства просвещения: в какой-то мере решен вопрос обеспечения школ теплом. Теперь нужно делать следующий шаг в сторону решения проблемы значительно более сложной, ее решение должно опираться на безоглядную самоотдачу учителей, на заряд их профессиональной прочности.

Я вновь поведу разговор об эстетическом воспитании. Педагоги отлично знают, что воспитание искусством является важнейшей частью педагогического процесса. Это положение классическое на все времена. Нельзя считать нормальным, когда учат писать, считать, читать, исключая эстетическое воспитание. Но почему же сейчас в школах не поют, не играют в подвижные игры, не рисуют? Почему отсутствуют в школах кружки, факультативы?

На крутых поворотах истории всегда находились подвижники. Такими подвижниками были и мои учителя в Ленинградскую блокаду.

Мудрые это были учителя. Они понимали, что особый язык музыки обязательно вызовет ответные чувства у детей и не даст наступить параличу души, вслед за которым спешит и физическая гибель. Почти во всех 39 школах Ленинграда, которые работали все 900 блокадных дней, эстетическое воспитание не забывалось. Уроки пения, рисования, кружки вели в основном студенты соответствующего профиля. Они пришли в школы в 1942 году, заменив учителей, которые ушли на защиту города с оружием в руках, или тех, кто погибли от голода. Остановки во всестороннем развитии и воспитании школьников не было даже в 30–40-градусные морозы. Рояли были закутаны в ватные одеяла. Мы, студенты, бегали домой на уроки к своим учителям музыки, повышали свои профессиональные умения, навыки и разученное несли детям. Благодаря деятельной любви педагогов выстояло не только мое, но и вслед идущее поколение, сформировались полноценные личности.

В Армении тоже есть учителя-подвижники, но о них мало знают. Почему не освещают их опыт? Я знаю прекрасную учительницу начальных классов школы № 67 имени Е. Чаренца Спандарянского района — В. Манучарян, которая очень много делает по личной инициативе, чтобы ее воспитанники не остались неучами. Дети любят ее, родители относятся с большим уважением. Это ли не признание заслуг педагога в такое трудное время?!

Я преклоняюсь перед отдельными учителями, обучающими в настоящее время талантливых детей. Это, прежде всего, относится к труженикам Эстетического центра. Они отдают свое сердце детям и творят в маленьком человеке Человека. Это прекрасно! То, что блестящий хормейстер Тигран Экекян увлеченно работает с детским хором даже зимой и от общения с музыкой дети становятся умнее, добрее, справедливее, тоньше — это тоже достойно восхищения. Большие мастера искусства всегда находили время для воспитания талантливых детей. Более того, шли даже в общеобразовательные школы. Пример тому — Д.Б. Кабалаевский. В зените своей композиторской славы он занимался с детьми в обычной школе. *Сегодня нужно думать не только о талантах, но и о массовом воспитании всех без исключения школьников средствами искусства.*

Дела сегодняшние рисуют грустную перспективу. Остановка в эстетическом воспитании и развитии очень скоро приведет к ограниченности, примитивности, бездуховности взрослеющих детей, а дальше к опасному прагматизму личности. Неостребованной может оказаться при таком положении богатейшая культура, полученная в наследство. Это очень тревожный прогноз!

С думой о целом поколении, о завтрашнем дне Армении хочу, чтобы в многотрудное наше время и учителя, и студенчество несли искусство в жизнь школы. Пойте, танцуйте, играйте, обогащайте знаниями в кружках, лекториях! Культура — важнейшее слагаемое шанса на выживание нации. Рывком культуру не поднять. Нужен длительный процесс развития, который не терпит остановки. *Детство нельзя политизировать и перечеркивать ссылкой на объективные причины.*

Нужен серьезный разговор на уровне большого Педагогического Совета Армении, в новом учебном году необходимо возродить п о л н о ц е н н ы й учебный процесс в школе .

Учитель — это, скорее, миссия, чем профессия, и ее нужно нести с огромной ответственностью. Хорошая память целого поколения будет прекрасным памятником учительству.

Верю, надеюсь на мудрость единомышленников, которым доверено воспитание детей.

Слово ленинградки

Армяне во все времена имели искренние дружественные отношения с жителями города на Неве.

29 октября 1989 года ленинградская газета «Смена» опубликовала интервью Роберта Кочаряна «Арцах в блокаде». Ленинградцы впервые услышали правду о блокаде не со страниц центральной прессы. Последовали и еще публикации. Большую активность и понимание проявляет Ленинградский народный фронт к проблемам НКАО.

Я — ваша гостья из Ленинграда.

Я оказалась в блокаде вторично. Ленинградская блокада была следствием страшной войны, изуверством, но в то время с нами были в блокированном городе радио, печать и они доносили до нас п р а в д у, помогали не пасть духом, выстоять. *В данное время центральная пресса и телевидение фальсифицируют события. Или умалчивают о них, тем самым дезинформируя народ за пределами Армении и НКАО.* Разве можно воспринимать без возмущения фальшь, зная и видя истину? <...>

Как можно было допустить блокирование, жестокость к народу, пережившему неслыханные человеческие жертвы и разрушения от землетрясения? Почему зверским акциям в Сумгаите не дана была незамедлительно политическая оценка? Почему чудовищный вандализм остался не обнародованным и безнаказанным? Для меня, учителя с 43-летним стажем, в прошлом руководителя политических семинаров высшего звена, вопросы остаются открытыми.

Блокада Армении со стороны Азербайджана никогда не сможет быть оправдана! Она не имела и, я надеюсь, не будет иметь в истории аналогов. Я хочу восхититься благородством, мудростью, интеллигентностью армян, умеющих в муках и страданиях сохранять высоту духа. Я знаю историю Армении, много ездила и ходила по ее земле; в землетрясение воочию видела ужасы, страдания людей, и мои сопереживания беспредельны по накалу чувств.

У армянского народа всегда был трудный путь, но на пути преодоления трудностей не было у армян пути назад, не было безысходности, не было ожесточения и отчаяния.

Как педагог я хочу обратиться к юным и молодым. Сегодня они — продолжатели оборвавшихся жизней армян. Даже геноцид не смог разрушить фундамент нации, который веками, исторически закладывается высоко, мудро, справедливо, красиво. *Здоровье нации питают могучие корни, которые глубоко уходят в родную землю и веками согреваются теплом матерей.* Это и есть тот живой родник, который дает силу и утверждает жизнь. Недаром орел символизирует смелость, мужество и красоту духа армянского народа.

Хорошо, что сегодня празднуются свадьбы, гостеприимно распахивают двери концертные залы и приезжают в Армению истинные друзья. Высота духа роднит армян с ленинградцами.

Помните, что *национализм порождают только люди невежественные, лишенные духовного богатства*. Они видят решение проблем в жестокости, вандализме.

Вы сами убедились, что от сочувствия миллионов людей нашей планеты вашей горе стало меньше. Все честные люди помогли и помогают армянам после землетрясения. Заметьте, что помощь — от души, от чувства глубокого уважения к древнейшей нации. Такое уважение и признание мешками денег и золота не купишь.

Время и история неумолимы. Они поставят печальный памятник позору наших соседей, рекем по жертвам армян услышит Человечество. Я уверена, что антенны человеческих сердец обязательно уловят импульсы правды в этом многоголосии, и доброе желание армянского народа воссоединиться будет поддержано.

Чтобы сохранить духовную связь...*

Христианское чувство глубоко в душе армянского народа. «Неизменными носителями христианского света, при самой неравной многовековой борьбе своей с язычниками и мусульманами» называет армян в переизданной недавно книге «История Армении» русский историк, генерал В.А. Абаза. Как и сегодня вновь современно это высказывание конца позапрошлого уже века!

Армения не однажды становилась эпицентром грозных событий. В наши дни это и «Карабахский кризис», и страшное землетрясение декабря 88-го года... Беды шли одна за другой. Но ни одной из трагедий не сломить дух нации! Вера и христианская добродетель при неизменной поддержке Церкви еще сильнее сплывают нас в эти дни.

Духовный пастырь петербургских армян отец Езрас Нерсисян очень многое делает, чтобы реальной и ощутимой стала помощь жителей города на Неве Армении и Карабаху. Церковь помогает малоимущим и беженцам. На пожертвования прихожан — а их очень много в эти дни, — зафрахтован и отправлен в Нагорный Карабах самолет с лекарствами. Эта помощь — бесценна. И не только потому, что высылаемое в районы бедствий необходимо для исцеления ран телесных.

Не один год, не один век нашей д у х о в н о й связи с землей предков. Она — неразрывна!

*По материалам газетных публикаций в Армении и Санкт-Петербурге 1993—94-х гг.

На Смоленском армянском кладбище в Петербурге недавно была реставрирована церковь Воскресения Христова. Сегодня именно здесь — духовный и религиозный центр армян Санкт-Петербурга. Иеромонах Езрас Нерсисян необычайно уважаем прихожанами, к нему, достойнейшему продолжателю нравственных и духовных традиций армянства тянутся люди.

Одна из наболевших проблем дня сегодняшнего — помочь не только объединить усилия желающих принять участие в отправке так называемой «гуманитарной помощи», но и посодействовать тому, чтобы ленинградцы (петербуржцы), особенно те, кто мало знаком с историей Армении, верно поняли сложившуюся ситуацию. Ведь в проблеме Карабаха даже профессиональным политикам и историкам разобраться не просто. Тогда как информационный поток лжеинформации из Азербайджана огромен. В лучшем выставочном зале города — фотовыставка: «Война в Карабахе», где Карабах заявляется авторами, как «фронт необъявленной войны», а текстовые пояснения к снимкам явно нацеливают посетителей на ложное восприятие событий! Вот некоторые из них: «Изгнание азербайджанцев из Армении», «Вооруженные силы марионеточной НКР уничтожают Шушу». Здесь же, на выставке посетителям бесплатно вручают книгу: «Кровавый омут Карабаха» писателя-документалиста Юрия Помпеева, который (на 168 страницах) в желаемой для Азербайджана направленности прослеживает возникновение и эскалацию войны за Карабах. Перо профессионального писателя убеждает людей, не искушенных в истории вопроса...

Долгожданный свет правды на дезинформационный хаос проливают передачи на Петербургском радио. Прихожане армянской церкви и российская интеллигенция дважды выступили в рубрике «Разговор по душам». В этом действительно состоявшемся разговоре принял участие и приглашенный к беседе автор «Кровавого омута» Юрий Помпеев, участвовали известный журналист Александр Солдатов, политолог Валерий Островский и многие другие. Среди приглашенных был и блестящий знаток истории Армении, человек деятельной любви к ней Левон Арамович Сафаров, талантливый инженер-проектировщик. Очень аргументированно говорил он о том, что Карабахский кризис — это не конфликт между Арменией и Азербайджаном, а национально-освободительное движение армян Нагорного Карабаха за выживание на своей земле.

Я не случайно вспоминаю здесь имя Левона Сафарова. Живя в нашем городе, он очень многое сделал для сохранения взаимного уважения армян и россиян, он — один из первых, кто помогал возрождению армянского храма, которому сегодня суждено стать центром, объединившим всех, кому дорога судьба утопающей в противоречиях Армении.

У входа в церковь, на специальном стенде — газеты: «Республика Армения» и «Голос Армении». У стенда всегда много читающих. Услышать голос Армении хотелось бы еще большему числу петербуржцев! И отец Езрас наравне с проповедями читает прихожанам информацию вслух. Газет на всех не хватает... Они и в самом деле на вес золота! Во всяком случае для тех, кто их нам присылает. Чтобы отправить письмо из Еревана в Петербург, самое обычное, надо наклеить марок на 25 рублей. А это просто недоступно для многих. Но цены на почтовые услуги в Армении только повышаются!..

Люди пишут. Не регулярно, но письма и конверты с газетами приходят. Прямо на имя отца Езраса — в «Армянскую церковь»... Они, в основном — от частных лиц. Пишут, «*чтобы сохранить духовную связь*», выкраивающие из своих копеечных пенсий деньги на пересылку старики и — по личной же инициативе — «исполняя гражданский долг», работники почты. Это — низкий им всем поклон — Валерий Аршакович Сейранян, начальник управления почтовой связи Республики, и вместе со всеми своими работниками — заведующая почтовым отделением №2 Сусанна Григорян. С «чистым информационным родником» сравнивают армяне-петербуржцы эти весточки. Называют — «цицернак» — ласточки, и ждут их. Однако может ли быть удовлетворен единичными экземплярами прессы и минимумом информации от родных и друзей такой огромный культурный центр, как Петербург? Ситуацию необходимо менять! В одиночку с этим не справиться!

О том, что информационный голод в Петербурге очевиден и что «нельзя больше держать на таком голодном пайке жителей города на Неве» говорил в своем недавнем выступлении посол России в Армении Владимир Петрович Ступишин. Даст Бог, откликнутся в Армении на его слова те, от кого хоть что-то зависит! А в Петербурге уже начала издаваться своя газета — «Аватамк» — «Веруем». На двух наших языках: армянском и русском. Это печатный орган армянской общины Санкт-Петербурга.

С выходом в 1993 году первого номера газеты поздравляли о. Езраса благословивший ее выход в свет Католикос Всех Армян Вазген I, Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн, мэр города Анатолий Собчак и директор Эрмитажа Михаил Пиотровский.

Это прекрасно! Но, к сожалению, этого еще так мало, чтобы изменилось хоть что-то в нашем сегодняшнем, таком малопонятном нам, пережившим блокаду ленинградцам, отношении к духовным ценностям... Сталкиваясь в 90-е годы XX века с невозможностью написать или получить письмо от близких, оказываясь перед целым рядом проблем, при желании получить информацию об интересующих и, более того, волнующих событиях на родине предков, невольно вспоминаешь блокаду ленинградскую, тогда письма-треугольники бес-

препятственно перевозились на Большую Землю на военных самолетах. Ведь они были живым голосом ленинградцев, о них даже песни слагали...

Письма — это связь, это бесценная информация, это голос с родной земли. Они нужны не только для настоящего времени, но и для истории. Нельзя, повышая цены на почтовые услуги, обрывать эту связь!

Все мы люди одного времени, все вместе переживаем очередную трагедию, и независимо от нашего места жительства нам нужно крепить и с о х р а н я т ь духовную связь.

Хватит кивать на блокаду!

Кому как не нам известно, что безнаказанность порождает новые преступления.

.....
Толпы пенсионеров на грани последних сил вынуждены обивать пороги собесов и простаивать очереди к инспекторам, чаще всего не получая вразумительных ответов на свои вопросы и просьбы. К тому же, *откровенно утвердились поборы, вымогательства за доставку пенсии на дом*. Такова постановка работы в атмосфере вседозволенности. Начальство делает вид, что ничего не знает. В лучшем случае проявляет равнодушие. Такая реакция равносильна параличу совести. Даже полагающееся *посмертное пособие — тоже без мучительной волокиты и задержки не получить*. Это в наше-то многотрудное время!

Всё это деликатные вопросы, и решать их обязаны с предельной добротой, с опорой на действующий закон.

Старая истина гласит: предают только свои. Воистину так в Ереване! Чиновники оказались предателями своих же соотечественников, предателями по отношению к тем, кто своей жизнью проложил им дорогу в сегодняшний день. У работника собеса и почты большой дефицит сострадания.

Нужен серьезный, принципиальный разговор на всех уровнях социального обеспечения. *Хватит кивать на блокаду, трудности и обогащаться за счет гуманитарной помощи*.

Пишу эти строки, а перед глазами знакомые люди-пенсионеры, которым некуда деться от неустройства, подлости и анархии, какая царит сейчас на их родине, которую не могли и не хотели они покинуть в трудный час. Вот только не было и нет у них средств ни лечиться, ни жить. Многие из них уже ушли из жизни в конце зимы, унеся в небытие *боль незащищенности*. Жили они на уровне угасающей, тлеющей надежды, проявляя твердость духа, самооблада-

ние и великое терпение. Так умирал мой сосед, прекрасный человек, участник Великой Отечественной войны. Умирал в сознании, напевая свою любимую народную песню. Рядом с ним лежала его жена. Они надеялись пережить холод, но известно, что жизнь заканчивается с концом движения. Жена уже не в силах была встать и лежала в трауре, с черным платком на голове.

Скончалась она ровно через неделю после смерти мужа. Оба они были совестью нации и ушли из жизни так, как жили. Просто угаали.

Так умирала Седа Саркисян — моя родственница, достойнейшая дочь своего народа, в прошлом кинорежиссер, много сделавшая для Отечества. Так уми­рали мои знакомые, их много... Они оказались за чертой нужности. Не дошли до них ультрасовременные обогреватели, современные керосинки, присланные в качестве гуманитарной помощи. Единственным источником тепла для них в ледящих квартирах было одеяло. *Пусть совесть мучает тех, кто причастен к страданиям пенсионеров.* Совесть — это голос Бога в нас, но, к сожалению не все его слышат. Таким людям нужно успеть принести не только свое покаяние, но и в корне изменить отношение к служебным обязанностям!

Живым — живое! Все сметет и унесет ветер времени. Но память останется. Она будет высвечивать дела и поступки ныне живущих. Связь вре­мен неразрывна. Уже пишется летопись жизни в блокадной Армении. Она аналогов не имеет. Вот и нужно всем людям оставить свой добрый след на пути к новой жизни. Но ведь можно и наследить на жизненной дороге, если быть нечистоплотным в своих делах...

(Из письма в газету «Голос Армении», написанного в мае 1993 года)

Фестиваль в Уэльсе*

Я уже писала о том, что доставшийся нам волею судеб камертон Хачатуряна был подарен нами в конце 80-х молодому хормейстеру Тиграну Экекяну. По-прежнему убеждена, что мы ничуть не ошиблись в выборе. Тигран Экекян достойнейшим образом представляет искусство Армении. В беспр­осветном кошмаре блокадной жизни успех армян в Уэльсе на международном празднике искусств дорогого стоил.

<...> В маленьком уютном городе Лланголлене, где проводился фести­валь, проживает всего 30 тысяч жителей. Но на очень высоком уровне

* По материалам очерка, написанного и опубликованного в 1994 году, в Ереване.

ежегодно этот гостеприимный городок принимает около 12 000 участников фестиваля. Гордость за свое национальное искусство, желание познать мир через представителей разных стран, стремление сблизить и обогатить культурное наследие разных народов, — вот те благородные цели, которые в дни праздника превращают этот маленький городок в большую дружную многонациональную семью.

На территории Уэльса, входящего ныне в состав Великобритании, с XI века ежегодно проводятся различные фестивали поэзии, музыки и танцевального искусства. (Не проводились они лишь в годы Второй мировой войны). В июле 1994 года на 48-м фестивале в Уэльсе впервые принимали участие представители Армении: Лия Куроян (13 лет) и Наринэ Оджаян (14 лет) — солистки детского хора «Маленькие певцы Армении», и руководитель этого хора, лауреат многих международных конкурсов, член Международной Федерации хоровой музыки и Международной Федерации европейских хоров Тигран Экекян.

Ступив на землю ухоженного, с коврами стриженных газонов, с уважительным, корректным обращением горожан Лланголлена, маэстро с двумя девочками еще до начала фестиваля зашел в храм: после литургии там устраивалось нечто вроде концерта — так теперь принято в Европе. Присутствующие, обратив внимание на иностранцев-участников музыкального фестиваля, предложили «новичкам» принять участие в импровизированном концерте. И Наринэ под аккомпанемент Лии исполнила «Аве, Мария» Коччини, а Лия «Колыбельную» в обработке Комитаса. Чистейшие, красивого тембра голоса девочек, великолепное их звучание в церкви с прекрасной акустикой вызвали настоящий восторг слушателей. Детские голоса прекрасно сочетались с библейским сюжетом росписи купола храма, казались земным воплощением небесной музыки.

А на следующий день все в городке уже знали о вчерашнем мини-концерте в церкви и о впечатлении, которое произвели на слушателей две маленькие девочки из Армении. На улицах прохожие одаривали их улыбками и раскланивались как со старыми знакомыми. Так состоялась первая проба сил. Впереди было открытие фестиваля в концертном зале на 5000 мест.

Открывая фестиваль, конференсье обратил внимание слушателей на то, что впервые на международном празднике искусств представлена Армения, и сказал, что имена двух маленьких девочек — участниц конкурса певцов, войдут в летопись истории фестивалей.

Выступили они прекрасно! Получили призовые места. Что же касается маэстро, то он получил приглашение с 1995 года быть постоянным членом жюри на фестивале в Уэльсе и работать с профессиональным хором Би-Би-Си в Лондоне. Но Тигран Экекян предпочел остаться со своими воспитанниками в Ереване, где работал с ними всю прошлую зиму, согревая к

приходу детей помещение маленькой печкой. Он их учил и учит вечному, доброму, прекрасному.

Благодарной любовью и уважением отвечают Учителю его ученики. Это высшая награда за подвижничество, талант и верность долгу. Может быть, именно сегодняшние хористы, маленькие мальчики и девочки, понесут в прекрасное далеко большое искусство Армении. А успешное выступление двух учениц маэстро в Уэльсе может стать первым шагом на этом пути...

100 лет в авиации*

Да, сто лет в льготном исчислении или 62 календарных года (в том числе более 30 лет летной работы) — таков стаж работы ныне здравствующего и работающего в авиации заслуженного штурмана-испытателя СССР, полковника в отставке, участника трех войн, ветерана Великой Отечественной войны и ветерана «Аэрофлота» — Константина Ивановича Малхасяна.

Удивительнейшая скромность этого аса в сочетании с масштабностью личности, спрессовались где-то глубоко в душе этого человека.

Константин Иванович не только выдающийся авиатор. Человек разносторонне талантливый, он великолепно «подкован» и в области куда как далекой от техники. Он — знаток классического искусства. Кроме того, прекрасно играет на виолончели. Словом, общение с ним доставляло необычайную радость.

Родился будущий авиатор в Москве, но большая часть его детства прошла в Ереване. Школа имени Шаумяна, где учился Костя, и семейное окружение способствовали развитию его любознательности. В 20-х годах в Ереване была развернута авиационная выставка. На ней мальчик впервые увидел в натуральную величину самолет. Дотронувшись до штурвала, восхищенно крикнул маме: «Хочу быть летчиком!»

В 13 лет Костя окончил курсы и стал радистом-коротковолновиком. Его позывные знали во всем мире такие же увлеченные радиолюбители. Так под девизом: авиарадио! формировалось его призвание.

Целеустремленность вдохновляла и способствовала развитию необходимых качеств будущего авиатора. Школа планеристов, потом инструкторов-пилотов и, наконец, школа штурманов.

* По материалам очерка, написанного и опубликованного в Ереване, в 1995 году.

В долгосрочной матрице памяти моего собеседника в мельчайших подробностях сохранилось то, что теперь уже стало историей...

Мирные дороги в небе были недолгими. Сначала выполнение интернационального долга в Китае и участие в боевых действиях. Потом советско-финская война. С первых дней войны Малхасян был направлен на Ленинградский и

К.И. Малхасян.

Петрозаводский фронты. Экипаж вывозил раненых, сбрасывал парашютистов, выполнял авиатранспортные задания с посадками в тылу врага.

«Случалось всякое, — рассказывает Константин Иванович, — попадали под огонь зенитной артиллерии, отказывали двигатели, системы, возникали непредвиденные критические ситуации, но во всех случаях экипажу во главе с командиром корабля М. Гармашем удавалось приземлиться и спасти людей. Бывало всякое. Однажды мы перевозили из окружения большое количество раненых. Опасаясь истребителей противника, летели на высоте 10–15 метров. Система отопления на самолете была водяная, и неожиданно взорвался котел в пилотской кабине. Мгновенно выбило дверь в салон и верхний люк. Раненых оглушило, и началась паника. В летной кабине от сплошного пара не были видны ни приборы, ни земля. Летели вслепую, катастрофа казалась неизбежной. Прошли секунды, показавшиеся вечностью. Спасло единственно правильное решение, которое принял командир экипажа. Стали набирать высоту, пар вышел через выбитый люк, появилась видимость, и самолет удалось благополучно посадить. Именно небо оказалось точкой опоры. Подобные ситуации были будничными, — говорит мой собеседник. — В таких случаях выручали опыт, выдержка, гибкость мыслительных процессов и в какой-то степени везение. Все это мгновенно концентрировалось и подсказывало выход».

Великую Отечественную войну старший лейтенант Малхасян начал в особом дальнебомбардировочном полку. Боевые задания были связаны с разведкой и фотосъемкой. Взлетать и садиться приходилось с грунтовых аэродромов в дождь, снег, днем и ночью, с почти полным отсутствием радиосредств.

В дальнейшем экипажу Малхасяна дали задание в кратчайший срок изучить современную зарубежную технику, поступающую в Советский Союз по ленд-лизу, и затем перегнать ее из Ирана и Аляски в Союз для нужд фронта. Задание было выполнено в соответствии с предписанием.

Константин Иванович вспоминает такой эпизод: он летел в качестве пассажира за бомбардировщиком на авиационный завод. Пролетали пустыню Кызылкум. Один двигатель отказал. Стали выбирать место для вынужденной посадки. Внизу простиралось огромное озеро. Температура наружного воздуха была -30° . Казалось, самым подходящим местом для посадки была замерзлая гладь озера. Но коснувшись поверхности, машина в конце пробега резко уткнулась в незамерзшую солончаковую жижу, при этом серьезно повредила носовую часть — не учли, что в озере горько-соленая вода и оно по-настоящему не замерзает. Ситуация оказалась критической. При такой посадке вышли из строя радиокompас и радиостанция. Даже не могли подать сигнал бедствия. Вот тут-то и выручило всех прошлое увлечение Константина Ивановича радиолюбительством. Три дня он чинил поломавшуюся аппаратуру, и сигнал был послан. На второй день их нашли. Пять суток члены экипажа и немногочисленные пассажиры пили только воду, так как продовольственных запасов абсолютно не было.

Ставка Верховного Главнокомандования доверила экипажу А.Е. Голованова, в состав которого входил к тому времени и штурман Малхасян, полеты на различные участки фронтов с маршалами Г.К. Жуковым, К.К. Рокоссовским, А.М. Василевским и другими.

Разговор заходит об историческом перелете в Тегеран на конференцию трех держав — СССР — США — Великобритания, — с правительственной делегацией во главе со Сталиным.

Это был 1943-й год. Руководителем перелета был назначен маршал авиации А.Е. Голованов. Экипаж самолета знал о масштабах ответственности, а сопровождающие истребители даже не представляли маршрута. По тревоге они были подняты в воздух с запасными баками горючего и следовали за объектом своей охраны. Когда же истребители совершили посадку на аэродроме Тегерана, то были крайне удивлены. Через 30 минут после приземления советских самолетов совершили посадку четыре четырехмоторных американских лайнера DC-4 с президентом Ф. Рузвельтом. Встреча руководителей произошла у трапа американского самолета. Английская делегация в это же время приземлилась на соседнем аэродроме.

В 1944 г. майора Малхасяна назначили флаг-штурманом командующего Дальней авиацией главного маршала авиации А.Е. Голованова. Это было доверие лучшему.

Я хочу «блеснуть» своей осведомленностью в авиации и вношу в наш

разговор где-то прочитанное, что штурман — это «мозг самолета», а летчик — «душа», «руки», «крылья». Обосновываю это тем, что еще до взлета штурман рассчитывает и прокладывает маршрут по карте, работает с приборами и аппаратурой с момента взлета до посадки.

Константин Иванович улыбается и добавляет, что в то время определять местонахождение в полете приходилось не только «по карте и наземным ориентирам», но и астрономическими способами: по звездам, солнцу, а также в основном при помощи радионавигации.

Воистину велики должны быть познания у штурмана!

Закончилась Отечественная война. Начиналась эра реактивной авиации и атомного оружия. В Советском Союзе необходимо было срочно заменить находящиеся на вооружении в армии устаревшие типы истребителей и бомбардировщиков на современные. Тяжелая авиация нуждалась в бомбардировщике большой грузоподъемности, способном нести атомную бомбу. В интересах обороны страны было решено срочно запустить в серийное производство самолет Ту-4, прозванный «Русской летающей крепостью». Именно этот тип самолета отвечал многим требованиям. Для создания таких самолетов были задействованы более 700 заводов, Академия наук, конструкторское бюро А.Н. Туполева. Постройке и испытаниям было уделено огромное внимание. В 1947 г. майора Малхасяна прикомандировали к конструкторскому бюро Туполева в качестве штурмана-испытателя. Он начал испытывать первые машины, и в течение 19 лет не только их испытывал, но и принимал участие в их создании и совершенствовании.

Начиналась эра сверхзвуковых самолетов, и Константин Иванович один из первых летал там, где темно-фиолетовый небосвод, где взору открываются неповторимые картины сказочной палитры красок.

Предстояло испытание на предельную дальность самолета ТУ-4. На обратном пути бортинженер обнаружил, что топливо из запасных бензобаков не перекачивается в основные баки. Это был сигнал к срочной вынужденной посадке. А это означало сорвать дорогостоящий эксперимент. Решили на высоте 6000 м через люк перебраться в бомбоотсек, где висели запасные баки, и постараться устранить причину. Надев парашют и кислородную маску, бортинженер добрался до бензобаков и обнаружил, что при их монтаже просто забыли снять заглушки. Размонтаж в полете был невозможен, и на свой страх и риск они приняли решение разрезать днище запасного бензобака и при помощи воронки и шланга перекачать топливо в основной бак. Опасность усугублялась еще и тем, что в отсеке скапливались пары бен-

зина, и при малейшей искре самолет мог бы взорваться <...> В течение часа все были напряжены до предела, но завершилось все благополучно. Однако беда не приходит одна. Когда все спокойно вздохнули, то аэродром посадки сообщил, что погода резко испортилась, высота облаков 30–50 м, в них сильное обледенение и видимость 300–400 м. При снижении были включены все противообледенительные средства, но самолет сковал лед, и он за считанные минуты буквально вывалился над посадочной полосой. Стихия в момент снижения так его обработала, что он был подобен обледенелому морскому судну после сильного шторма в северных широтах.

В программе испытаний Ту-4 были высотные полеты. Одновременно испытывали и пассажирские машины. Их тоже нужно было «учить летать».

Я интересуюсь рождением турбовинтовой машины Ту-114, теперь уже хорошо знакомой всем. Испытание было предельно сложным. Устаревшие машины уступали место современным...

Испытанием неизведанного и одновременно научным поиском было полученное Малхасяном в 1950 году задание совершить перелет на Северный полюс с посадкой на льдину сверхтяжелого самолета. Вот как об этом вспоминает Константин Иванович:

«Мощные двигатели стремительно несли самолет по воздушному океану к полюсу. В то время в полете местонахождение самолета приходилось определять в основном по солнцу. Когда совершили посадку на полюсе, то, несмотря на толщину, лед сильно заколебался, и льдина прогнулась. Этого мы не ожидали. Выполнив задание, благополучно взлетели, увозя в том числе и интереснейшее впечатление от ледяного материка в целом, но это уже другой разговор».

Более 15 опытных самолетов Туполева испытал К.И. Малхасян. Читаю его летное свидетельство, в котором сказано, что ему разрешены полеты на всех типах опытных и серийных самолетов.

Это ли не высочайшая аттестационная оценка!!!

И не случайно 25 мировых рекордов скорости и высоты с грузом на реактивных бомбардировщиках и пассажирских самолетах были установлены с участием Малхасяна. Это был и его звездный час. Пять золотых медалей за эти блистательные рекорды ему были вручены Международной Федерацией авиаторов.

Ну как не восхититься нашим современником, который, опять же, в числе первых штурманов, в 1959 году совершил три первых беспересадочных перелета с одного континента на другой с правительственными делегациями во главе с Н.С. Хрущевым по маршруту «Москва — Нью-Йорк — Москва, Москва — Вашингтон — Москва, Москва — Пекин — Москва»!

<...> Случилось непредвиденное. Едва миновали берега Европы, на экране радиолокатора неожиданно показались... Фарерские острова, до которых, по расчетным данным, оставался час полета. Прошли минуты в проверке расчетов, но ошибки не оказалось. Мелькнуло предположение о возникших новых вулканических островах, ведь летели-то над океаном, и на сотни километров должна была быть водяная гладь... Однако локатор фиксировал острова. Штурман Малхасян до боли в глазах всматривался в карту и в локатор. Полная облачность закрывала видимость. Прошли минуты сверхнапряжения и все решилось так же неожиданно, как и возникло. Разбежались внизу облака и стали отчетливо видны огромные ледяные горы-айсберги. Они были занесены штормом с Ледовитого океана и ввели в заблуждение, а Фарерские острова показались в точно рассчитанное время. Самолет с правительственной делегацией во главе с Н.С. Хрущевым благополучно завершил беспосадочный перелет в Вашингтон.

В своем поздравлении А.Н. Туполев дал высокую оценку экипажу в целом, и в том числе поблагодарил штурмана Малхасяна за личный вклад в создание и совершенствование самолетов, за проложенные воздушные дороги.

Мы вновь рассматриваем уникальные фотографии. Константин Иванович говорит о феноменальных масштабах творческой технической мысли Туполева. Им создано более ста видов военных и гражданских самолетов. Гигантская работоспособность Туполева и влюбленность его в дело своей жизни восхищали коллег. Рядом с ним работали специалисты только высочайшего класса. Это была работа-сотрудничество, совместная корректировка с последующим анализом с целью совершенствования летных качеств машин.

Много воспоминаний связано у Малхасяна с Китаем <...> В 1953 году в интересах обороны Китая нужно было переправить тяжелые самолеты Ту-4, которые в свое время он испытывал. В составе экипажа Малхасян и выполнил это ответственное задание <...> В связи с опасной политической ситуацией в Китае возникла необходимость вывезти на сохранение в СССР золотой запас страны. Правительство Советского Союза поручило в течение двух суток перевезти груз «ИКС» экипажу самолета главного маршала авиации А.Е. Голованова. Только спустя годы Малхасян узнал, что им была доверена перевозка золота из Китая.

Сын Армении, сын гор — Константин Иванович достиг в свое время наивысшей вершины профессионализма и его путь можно сравнить с преодолением трудных перевалов в горах, после преодоления которых наступает удовлетворение от сознания пройденной части пути <...> Жизнь Константина Ивановича — это величайшее богатство и его, и его современников и последователей.

Несмотря на календарный возраст, он молод. Молодо его сердце.

Я сажусь за рояль, и еще одно откровение приятно удивляет меня. Ветеран-авиатор великолепно знает классическое и современное музыкальное искусство. В детстве учился игре на виолончели у известного композитора Артемия Айвазяна. Диапазон его эстетических возможностей и потребностей не перестает меня восхищать. Мы проводим у инструмента долгое время, язык музыки питает и насыщает душу...

А за окном, в вечернем мареве виднеется Арарат, и распускающаяся лоза винограда заглядывает в распахнутое окно... Заходит разговор об Армении. Долгие годы летая над всеми континентами, созерцая землю с высоты и воспринимая ее географическими понятиями, он ждал этой встречи с родной землей, глаза Константина Ивановича всегда ждали встречи с крохотным родным островком надежд и печали — с Арменией. Она для него мать, а матерей не выбирают. Их просто любят.

Заслуженный штурман СССР, полковник в отставке, ветеран войны, ветеран «Аэрофлота», награжденный 10 орденами и 30 медалями, он продолжает служить Армянскому «Аэрофлоту», щедро передавая свой богатейший опыт молодым.

Можно бы и закончить на этом очерк о достойнейшем человеке, но я остановила свой взгляд на копии документа за подписью великого Туполева, где говорится, что за испытание и внедрение в части ВВС ракетного и сверхзвукового комплекса Ту-128 К.И. Малхасян был представлен к присвоению звания Героя Советского Союза. Однако реакции и правительственного указа не последовало. Константин Иванович может только предполагать, почему не посчитались с ходатайством А.Н. Туполева и военных авторитетов, представивших его к званию Героя Советского Союза.

На какое-то время Константин Иванович задумался и сказал, что главным фактором своих успехов он считает долгую совместную работу в авиации с замечательным человеком, выдающимся пилотом и организатором авиации, человеком исключительной воли и энергии маршалом авиации Александром Евгеньевичем Головановым.

На старом пути было много хорошего. Оно — незабываемо.

Не подлежат забвению и колоссальные заслуги в авиации Константина Ивановича Малхасяна, исчисляемые 100-летним стажем. Прошлая заслуга не может устареть. Настоящее всегда включает в себя прошлое.

Хочется верить, пока живы ветераны — летчики, летавшие с Малхасяном крыло в крыло, последняя точка в летописи героев XX века не будет поставлена.

Я благодарю Константина Ивановича за то, что он был, есть и всегда будет в благодарной памяти потомков.

Ереван, 1995

Адъютант маршала Баграмяна

Маленькая квартира на улице Чаренца в Ереване напоминает музей. Множество портретов, фотографий знаменитых людей с дарственными надписями соседствуют с подаренными книгами, различными реликвиями. Это мир живых и ушедших из жизни друзей хозяина дома.

Удивительно открытый и доброжелательный, Сергей Оганджян своим деятельным добродушием очень располагает к себе, и однажды с ним познакомившись, люди приумножают к нему свои симпатии и становятся истинными его друзьями. Так было и раньше, и теперь.

Будучи офицером, Сергей с 1946 года сопровождал в поездках по Армении всех военачальников, был их адъютантом. Таким образом он близко общался со многими выдающимися личностями, такими как

маршал Советского Союза И.Х. Баграмян, адмирал флота Советского Союза И.С. Исаков, главный маршал бронетанковых войск А.Х. Бабаджанян, генерал-полковник авиации Артем Иванович Микоян и другие. Многократно сопровождал и Анастас Ивановича Микояна, который безошибочно определил в молодом офицере то многое, что его выгодно отличало от окружающих военных. Именно Анастас Иванович рекомендовал маршалу Баграмяну Сергея в качестве постоянного адъютанта.

В течение сорока с лишним лет Сергей Смбаевич был рядом с Баграмяном. Официальные отношения все эти годы — до смерти Баграмяна — переплетались с трогательной отеческой любовью и взаимной дружбой маршала и адъютанта.

Как человеку мирной профессии, Сергей поведал мне о личностных качествах крупного военачальника, о его удивительно тонком восприятии мира, о необычайной доброте, человеколюбии, философской и житейской мудрости и, конечно же, об их дружбе.

И мне было очень уютно в компании с ним! Арзни, 1990 г.
Фото Э. Джуганяна.

Вспоминает Сергей Смбаевич 1975 год, юбилейные торжества по поводу 100-летия со дня рождения поэта Аветика Исаакяна. В оперном театре имени Спендиарова, в президиуме, в числе почетных гостей был заведующий кафедрой арменистики Сорбоннского университета профессор Ф. Фейди. Баграмян познакомился с ним еще в Париже, когда возглавлял военную делегацию Советского Союза. Фейди вручал ему золотую медаль, на лицевой стороне которой было отчеканено изображение самого маршала, а на оборотной — генерала Андраника. Иван Христофорович тепло благодарил профессора за большой труд по ознакомлению французов с армянской культурой, вспоминал боевых друзей-французов и поименно поблагодарил каждого из них за верность, дружбу и высокий гуманизм. Потом состоялась поездка в Леникан на открытие памятника Аветику Исаакяну.

В деревне Маралик кортеж автомашин с членами юбилейной комиссии и многочисленными гостями, среди которых был и поэт Алексей Сурков, совершил привал. Местными жителями вдоль дороги были накрыты столы с дарами щедрой армянской земли. Вокруг — вершины гор, воспетые Исаакяном... Люди — необычайно гостеприимны. Короткое обращение маршала к народу было таким человеческим, что вызвало высочайший накал добрых ответных чувств. Высота духа великого военачальника и его нежная любовь к соотечественникам передались каждому. Это были прекрасные минуты в жизни тех, кому направлялись импульсы благородного сердца доброго человека.

Еще одна страничка из жизни Ивана Христофоровича Баграмяна. Это было в дни празднования 100-летия Ованеса Туманяна. В доме-музее писателя один патриот из Бейрута показывал слайды с изображением исторических памятников Западной Армении. Сергей уверял меня, что он и сейчас видит памятью лицо маршала, его реакцию на кадры с развалинами города Ани — древней столицы Багратидов, Карс со знаменитой крепостью, пейзажи девственной природы с высокими травами, огромными маками... Слайды четко высвечивали жесткие листья инжировых рощ, капли жемчужной росы, и Иван Христофорович негромко заметил, что острый пряный аромат листьев — это тоже дух родной земли. Он с болью смотрел на пустыню Тер-Зора, где иностранцы вели разведку в поисках нефти и при бурении скважин обнаруживали останки армян, насильно угнанных в 1915 году в эту безлюдную пустыню... Подобные чувства вызывали и печальные развалины храмов, в которых и по сей день живет вечный дух камня и земли Армении.

Мы рассматривали фотографии И.Х. Баграмяна. У Сергея Смбаевича не менее сотни снимков, запечатлевших Баграмяна в разные годы. Есть и такие, где он со своими бывшими друзьями. Еще в 1923 году Баграмян

подружился с Жуковым, Рокоссовским, Еременко... Дружбу они пронесли через все сложные обстоятельства жизни. И в годы, когда Георгий Константинович Жуков был в опале, Баграмян был с ним рядом. Все подробности этого страшного времени Сергей помнит, он был сверстником детей великих военачальников и их другом. С дочерью Г.К. Жукова дружит по сей день. Передо мной многочисленные письма Маргариты Георгиевны, книга ее отца с дарственной надписью: «Дорогому Сергею Оганджянну — верному другу и любимому человеку, стойко несущему знамя преданности Родине, от дочери автора в год 40-летия Победы. 06.04.1985 г. Маргарита Жукова». Многому в их жизни он, адъютант Баграмяна, был свидетелем. Когда Жуков умирал, то именно Баграмяна просил стать отцом его четырех дочерей. Он не ошибся в своем завещании. Восемь лет, до последнего вдоха, Иван Христофорович проявлял истинную отеческую заботу о дочерях своего друга. Горько оплакивали кончину Баграмяна дети маршала Жукова, называя бесконечно дорогого человека своим вторым отцом.

Когда слушаешь Сергея Оганджяна и прикасаешься к сокровенному великих людей, то чисто по-человечески осмысливаешь время, историю, позицию каждого. Нужно быть исключительно порядочным человеком, чтобы вопреки собственному благополучию и спокойствию не стать предателем, суметь не только не изменить своему другу, но и помочь ему выжить, взвалив на себя тяжелую ношу его бед. Таким был маршал Баграмян, дружба его с Георгием Константиновичем Жуковым тому доказательство.

В руках у меня четыре книги И.Х. Баграмяна с дарственными надписями. Вот одна из них:

«Дорогой Сергей Смбаатович! Читая и перечитывая эту книгу, всегда помни, что она написана кровью моего сердца. 20.11.1980 год. С уважением И. Баграмян».

К обложке этой книги — «Мои воспоминания» — маршал прикрепил свой депутатский значок Верховного Совета СССР. Семь созывов он был депутатом.

Последнюю, пятую книгу: «Великого народа сыновья», И.Х. Баграмян заканчивал в преддверии своей кончины. Друг-адъютант был рядом. Помогал.

Смотрю на многочисленные портреты, фотографии и узнаю Мстислава Ростроповича, Ваграма Папазяна, народную артистку СССР Вию Артмане, народного артиста СССР Серго Закариадзе, доктора исторических наук Сергея Анастасовича Микояна...

Все они бывали и даже периодически жили у Сергея. А сейчас он сам собирается в Москву на встречу со своим другом, знаменитым маэстро Мстиславом Ростроповичем.

Нужно быть человеком богатым не только интеллектом, но и уметь одаривать окружающих деятельной добротой. Именно потому Оганджяня всегда более, чем востребован! Его знают многие ереванцы, и к нему идут...

Доброта и человеческое тепло многогранны, как драгоценный камень. Они имеют много нюансов: согревают, утешают, дают силы, радуют, наполняют жизнь содержанием, струят свет. Сергей говорит, как всегда, не о себе — уверяет, что доброта была ярчайшей гранью личности И.Х. Баграмяна, собственную позицию по отношению к горю людей он рассматривал как мерило долга, совести на всю оставшуюся жизнь. Он всегда разделял убеждение своих любимых писателей — Льва Толстого и Максима Горького, в том, что ум — в сердце человека. Наверное, так и есть...

Мы живем на пороге третьего тысячелетия. По меркам жизни Вселенной человечество на нашей планете еще молодо. Оно переживает отрочество. В разных точках земного шара сейчас кипят, буйствуют противоречия, льется кровь, гибнут и страдают люди.

Как никогда человечеству сейчас нужно осмысление накопленного опыта жизни, глубокое взвешенное раздумье. Известно, что нравственность долговечнее науки. Наука на данном этапе существует как ступенька на лестнице прогресса, а нравственность долговечна, она оставляет добрую память. Нужно душе много трудиться, чтобы приумножать нравственные ценности. Хочется с благодарностью оглянуться на жизнь великого полководца — И.Х. Баграмяна, о которой так доверительно рассказал его адъютант.

Благодарственное слово «спасибо» тоже идет из глубины веков и означает: спаси тебя Бог. Это высшее пожелание добра. Пусть эти древние слова наполнят нашу жизнь добрым содержанием, ибо высшая мудрость — быть добрым. Доброта спасет мир.

20.01.1990 г.

Сердце Ростроповича

Ереван. Я в гостях у Сергея Оганджяня. Он вернулся из Москвы и полон впечатлений от встречи со своим другом М.Л. Ростроповичем. Сергей Слбатович достает из архива старые фотографии, на которых он вместе с совсем еще юным маэстро. Одну из них, 24-летней давности, он дарит мне. На ней музыканты-армяне и Ростропович. Их связывает студенческая дружба, и никакие жизненные бури, никакие крутые повороты не помешали им остаться верными духовному братству.

М. Ростропович верен нестареющей дружбе. (С. Оганджян — в военной форме — слева, во 2-м ряду). Фото 1972 г.

Память уводит Сергея в московскую студенческую юность, в одну из комнат общежития, где жили Слава Ростропович и его сокурсник-виолончелист Гурген Талалян. Сергей частенько засиживался у своего друга Гургена, и, однажды, Ростропович, питавший симпатию к Сергею, предложил ему переехать к ним. Формальности были легко улажены, и Сергей стал третьим обитателем комнаты.

Сам Ростропович связывает любовь к армянам с детскими впечатлениями. Было ему лет пять, когда семья переехала в Москву. Поиски жилья в столице оказались тщетными, но его величество Случай в лице сердобольной армянки оказался запевом всей жизни одаренного ребенка. Узнав о безвыходности положения семьи, женщина просто предложила поселиться у нее. И в течение двух лет Ростроповичи и эта армянская семья из четырех человек дружно жили в двухкомнатной квартире.

Ростропович полюбил Армению по-настоящему. В одну из своих поездок по Армении, у развалин храма Звартноц, вспоминает Сергей, он растроганно сообщил друзьям, что состояние души у него, здесь и сейчас, у «Обители Ангелов» (название храма), почти то же, что было у них, ангелов, по известной ему легенде, спустившихся на это место, чтобы показать Ною, где начинать новую жизнь. «Слава буквально гладил тысячетлетние седые камни Армении, пил из глиняного кувшина вино, дарованное солнцем, бурными водами и плодородной землей <...> слушал орлиный клекот в расщелинах скал, восхищался пещерным монастырем Гегард, построенным на горном плато в окружении бездонных пропастей, ущелий, причудливых утесов. Как музыкант он во всем

чувствовал гармонию, ритм, которые, по его словам, выражались в пропорциях арок, куполов, он называл это творение чудесной музыкой в камне».

В один из дней Ростропович поехал в Ленинкан вместе с Эд. Мирзояном, А. Арутюняном, Г. Талаляном, А. Симоняном и другими. Все вместе музицировали, «угощали» Ростроповича армянской музыкой, прекраснейшими фруктами, вином, а поздним вечером любовались лампадами звезд, которые так ярко зажигаются над Закавказьем, и слушали шепот надвигающейся ночи.

Чем больше пережито, тем ярче видится пережитое, говорит Сергей. А пережито много. Он тяжело переживал, когда преследовали Ростроповича. Единственной «виной» музыканта было то, что он приютил на своей даче Александра Солженицына. За этим последовало лишение советского гражданства. Сердце Ростроповича было буквально исцарапано когтями незаслуженных страданий... Друзья понимали это и сопереживали. Цивилизованный Запад принял гениального маэстро с распростертыми объятиями. Он стал дирижером Национального симфонического оркестра США.

Их с Сергеем дружбе не помешали политические законы того мрачного времени. Из разных концов земного шара раздавались телефонные звонки в Ереван, на квартиру Оганджяна. Мстислав Леопольдович всегда дорожил их отношениями. Был звонок и из Японии — перед первым приездом Ростроповича в Советский Союз, — Сергей незамедлительно вылетел в Москву. Дружба, скрепленная юностью, оставалась верной и трогательной.

На землетрясение в Армении Ростропович отреагировал мгновенно. Он стал давать благотворительные концерты. В фонд помощи Армении поступило от него полмиллиона долларов.

Армения наградила Ростроповича памятной медалью «За благородство и милосердие».

Благородство, доброта, милосердие — качества великого музыканта. Он стал одним из основателей «Фонда Арама Хачатуряна» в Марселе.

Сердце Ростроповича не ожесточилось. Когда в 1991 году в Москве начался путч, он прилетел в столицу и на фоне грохота и стрельбы его виолончель пела о мире и разуме... В этом человеке удивительно сочетаются ранимость, пламенная страсть и огромная ответственность за происходящее!

Я пишу эти строки из моей Армении. Она все та же, с рыжими, опаленными солнцем островками холмов. Летом над Араратской долиной по-прежнему нависает неподвижное белое марево и мелеют ручьи. Солнце путается в листве фруктовых садов, а деревья склоняются под тяжестью плодов. Сергей говорит, что при следующей встрече обязательно напомнит Ростроповичу о том, что Армения ждет его. Ждет всегда.

Ереван — Санкт-Петербург

«В состоянии очарованности природой»

Случайно разговорившись со своими молодыми соотечественниками, живущими в городе на Неве, я была опечалена: никто из них не слышал о великом художнике Геворге Башинджагяне (1857—1925). В этом не вина, а беда тех людей, которые не знают своих корней. Тем более если речь идет о человеке, чьи полотна, этюды, эскизы выставлены не только в ереванской Государственной картинной галерее, но и в музеях Москвы, Санкт-Петербурга, европейских государств и Закавказья. Именно Кавказ был его любовью, его миром и остался его неисчерпаемой темой.

Собрание работ художника, хранящееся в его семье, — тоже музей. В середине 90-х годов ушедшего века я жила в Ереване. Мне посчастливилось быть соседкой одной из близких родственниц Башинджагяна, в чьей квартире хранились работы великого мастера. Дружба с этой женщиной, ко времени нашей встречи очень уже пожилой, позволила мне узнать много интересного и важного о личности и творчестве художника. Иначе и быть не могло. Ирина Григорьевна — филолог по образованию, образованнейший человек. Она хорошо знала Блока, Маяковского, умела увлекательно рассказывать о современниках художника. О семье Башинджагянов и семейных реликвиях и, конечно, о личности самого мастера вряд ли бы кто рассказал лучше нее.

...Высоко в горах Восточной Грузии, над изумительной Алазанской долиной примостился уездный городок с развалившейся крепостной стеной, с немногочисленными домиками и вековыми церквушками, увенчанными свечами колоколен.

Тишина. Первозданная красота природы, густой воздух, напоенный ароматами цветущей долины, — это и есть долина детства Геворга Башинджагяна. До конца дней она останется в его памяти. Художник будет писать ее то в лучах восходящего солнца, то в знойный день, то на закате. Пейзажи будут увлекать его всю жизнь.

С детства мечтой Башинджагяна была Петербургская Академия художеств. До приезда к берегам Невы он успел изучить город по открыткам, по словарям. Его учителями стали в Петербурге такие знаменитости, как М.К. Клодт, А.И. Куинджи, И.Е. Репин. Мечта Геворга сбылась, он получил блестящее академическое образование.

Башинджагян остался верен пейзажной живописи. Двуглавый Арарат, чаша Севана, вершины Арагаца, ущелья Санаина, Дилижана оставались любимыми до боли в сердце символами родной природы, которую он видел в многообразных преломлениях. Психолог и философ природы, он старался уловить ритм движения облачного неба, буйство вод, мистирию ночи.

Он не писал, он буквально пел кистью. Пел гимн горам и водам Армении, ее тихим долинам и загадочным ущельям.

Природа в понимании Башинджагяна — это дом человека. Она загадочна и очеловечена.

Живя во Франции, он так же много писал Армению, продолжая образование, не забывая своей Родины. Но никакие музейные сокровища не охладили его любви к родной природе. Возвратившись домой, он много путешествовал и продолжал писать Кавказ. Полотна его полны раздумий. *Ему не давала покоя история древней земли, след Армении в истории человечества, жизнь предков.* В картине «Ани при заходе солнца» не показаны люди, но трагедия их жизни — перед нами. Разрушенный город, уцелевшие каменные плиты, и над всем этим — багровый закат да бездонное небо.

Дороги, тропы, вспаханное поле, огонек в окне далекого дома, тележка, стога сена... Мы рассматриваем одно из полотен художника. Ирина Григорьевна поведала мне такую семейную тайну. Когда художник уходил в горы, чтобы писать пробуждение утра, его волнение от встречи с этим чудом природы становилось таким, что в момент появления первых лучей солнца он буквально терял сознание. В состоянии очарованности природой его мозг не справлялся с душевными перегрузками, они были за порогом его эмоциональных возможностей. Однако это мгновение, подобно вспышке, фиксировалось в подсознании и затем память воспроизводила увиденное и пережитое.

Возможно, читатель проезжал через Семеновский перевал — по головокружительной высоте, через Дилижанское ущелье к Севану, в сторону Еревана. Кисть Башинджагяна запечатлела эту дерзкую красоту природы, где орлы парят вровень с вершинами. А дальше — Севан с его одиноким островом в палитре дня, переходящего в таинственную ночь.

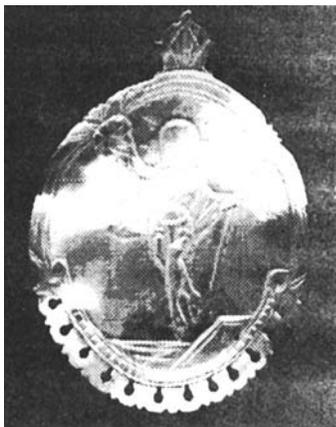
...Дожив до глубокой старости, ушла из жизни Ирина Григорьевна. Вспоминаю счастливейшие зимние вечера — в холодном блокадном Ереване. Укутанная пледом, она сидела в качалке столетней давности, просила меня играть на фортепиано европейскую музыку и деликатно предлагала озвучить старинные клавиры, доставлявшие радость некогда большой семье художника. Ирина Григорьевна рассказывала о творческих интересах мастера, читала его рассказы, новеллы, путевые очерки с описаниями природы. Мы беседовали при тусклом свете свечи, согреваемые духовным общением. А на нас с автопортрета смотрел Геворг Башинджагян.

Май, 2001 г.

Бесценная реликвия предков*

Передо мной — перламутровый медальон-иконка, на которой несколько веков назад армянский художник-умелец выгравировал образ воскресшего Иисуса Христа. Такие медальоны носило высшее духовенство нашей Церкви.

...В конце XIX столетия, в черные дни геноцида погиб от руки турка мой дедушка. Папа, тогда еще мальчик, вместе со своей мамой (моей бабушкой) нашли прибежище в Тифлисе. С тех пор бабушка и папа стали жить в Грузии. Перламутровый медальон, который бабушка берегла, как святыню, всегда был при ней<...> Когда на свет появилась я, медальон висел в изголовье моей кровати, оберегая меня и напоминая бабушке о родном Константинополе и Трапезунде. Увы, ее глаза закрылись не на родине, а в далеком, так и оставшимся ей чужим, городе Петербурге. Когда началась война, и я стала санитаркой-дружинницей, мама вшила мне в гимнастерку этот чудотворный образок, ставший для меня бережно хранимым и хранившим меня талисманом...

Время, возраст, переосмысление нравственных и духовных ценностей внесли существенные коррективы в мое мироощущение. От людей из окружения моего отца передалась мне вековая боль нашей родины Армении. Сегодня я склоняю голову перед предками, которые думали о нас, своих далеких потомках, и сделали все, чтобы не угас духовный светильник нации. Эти люди, эти настоящие патриоты вместе с Армянской Апостольской Церковью бережно поддерживали огонь в лампаде святого патриарха Григора Просветителя, несли этот свет своему истерзанному народу, благодаря чему армяне, и на родине, и в диаспоре, продолжают оставаться сыновьями и дочерьми своей нации.

В городе на Неве, в двух его армянских церквях сосредоточено прошлое и настоящее российской части армянского народа. Духовный пастырь наших Санкт-петербургских соотечественников иеромонах Езрас Нерсисян — воистину достойный продолжатель высоких духовных традиций древнего

*Полностью этот материал был опубликован в газете армянской общины С.-Петербурга «Веруем», в ноябре 1995 г.

народа, и поэтому я, с радостью выполняя свой дочерний долг, с чувством благоговения передаю отцу Езрасу эту бесценную реликвию предков...

О культурной ауре Армянской Церкви Санкт-Петербурга

С высоты прожитых лет я могу говорить об истинных человеческих ценностях, об объединяющей силе армянского храма. Так уж сложилось, что армяне разбросаны по всему миру <...> Дружба русского и армянского народов скреплена культурными связями, братством по оружию. Общность верования (христианство в Армении было принято за пять веков до крещения Руси), защита Россией армянского народа от турецко-персидского ига способствовали прочной приязни. Именно эта дружба дала возможность представителям армянского народа, особенно начиная со времен Екатерины Второй, приобщаться к великой российской культуре, а русскому народу глубже понять культуру Армении.

В Петербурге искони царила культурная аура и была развита культура добрососедства. Петр Первый, великий прозорливец, почитал армян соединителями Востока с Европою... Сегодня во многом очевидно взаимообогащение культур наших народов. И я знаю об этом не понаслышке. В нашем доме, сколько себя помню, собирались люди разных национальностей — объединяла не столько национальность, сколько общие интересы, общая любовь к литературе, музыке, искусству. Помню, как восхищалась сохранившейся с университетских пор дружбой моего отца с одноклассниками Анна Андреевна Ахматова <...> Собиравшихся у нас больше всего объединяла музыка. Друзья отца и он сам очень любили музицировать <...> а еще вспоминаются рассказы его университетских друзей о хоре, которым дирижировал А.Г. Тер-Гевондян. Памятью вижу фотографию их университетского хора — отец стоит крайний в группе баритонов и держит в опущенной руке партитуру... Анушаван Григорьевич Тер-Гевондян, известный талантливейший дирижер-хормейстер, учился, как и мой отец, на юридическом факультете, но вскоре — целиком посвятил себя музыке. Сам Николай Андреевич Римский-Корсаков рекомендовал талантливого Анушавана в консерваторский класс Глазунова, выдающегося русского композитора, который был не только феноменально одаренным музыкантом, но и великолепным мастером музыкального воспитания.

Студентами, вспоминал мой отец, за честь почитали они с друзьями петь в церковном хоре. Церковь была для них даже чем-то большим, чем только музыка. В годы его молодости — времена такие же бурные, как наши «перестро-

ечные», церковь так же, как и сегодня, объединяла и не давала раствориться во времени. Переосмыслив многое, именно так я теперь понимаю и отношение к Церкви, и к Вере в нашей семье. Ведь не случайно мой папа в советское время решил (и решился!) «взять на поруки» тетю Раю, бывшую монахиню...

Вера по-прежнему помогает выживать в трудное время. Без духовной опоры, даже с дипломом о высшем образовании, очень сложно разобраться в происходящем во вне и внутри себя.

В Петербурге сегодня воссоздаются церковные храмы и возрождается возможность приобщения к высокой духовности, лежащей в основе веры — христианской ли, ислама или какой другой. Армянские христиане (Армения, к слову, считается первой страной, принявшей христианство в качестве государственной религии) посещают в Петербурге храмы, построенные на средства общины во времена императрицы Екатерины (торжественное освящение церкви во имя Святой Екатерины состоялось в феврале 1780 года). Но Ованеса Лазаревича Лазаряна (крупный государственный деятель России, «обрусев», более известен как Иван Лазарев), представителя знаменитого рода джюльфинских негоциантов, к концу XVIII столетия крупнейших владельцев горнозаводских предприятий и, среди прочего, мощных меценатов и благотворителей национальной церкви, менее всего увлекало градостроение. Каким бы великолепием ни явлен был возведенный храм, Лазаревы не были удовлетворены до той поры, пока на берегах Невы не открыли в 1880 году «армянское образовательно-культурное учреждение». Это была *армянская школа*, которая действовала в принадлежащем Церкви здании по соседству с храмом Святой Екатерины. До Великой Октябрьской социалистической революции: после 1917 года все армянские культурные центры в Петербурге (тогда Петрограде) были закрыты.

Культурная аура армянской церкви Санкт-Петербурга не померкла.

Новый период жизни петербургских армян, армянской общины города, буквально из небытия возрожденной отцом Езрасом, начался в самом конце 80-х, когда разве на Высшие силы только и могли мы все уповать!.. Уже в 1988 году на возвращенном Армянской Апостольской Церкви Санкт-Петербурга Смоленском армянском кладбище в реставрированной силами общины Церкви Воскресения Христова состоялось первое, после закрытия храма в 1923 году, богослужение. А в 1992-м община вновь обрела свой, с конца 20-х годов недействующий, храм на Невском. В 2003-м — его своими силами сумели — и успели, к юбилею города, реставрировать. И ожили церковные своды...

Среди прочих, у отца Езраса есть титул «Почетный гражданин Санкт-Петербурга и стран Балтии» — за особые заслуги перед Российским Отечеством в духовном развитии. Кому, как не нам, петербуржцам и прихожанам

Духовный пастырь петербургских армян — иеромонах Езрас НЕРСИСЯН.

Ныне епископ Езрас является Патриаршим Экзархом в России. С октября 2000 г. Е. Нерсисян — Глава Ново-Нахичеванской и Российской епархии Армянской Апостольской Церкви.

армянской общины города, очевидны эти заслуги! Ведь именно отец Езрас объединил людей и поднял нашу Церковь в Петербурге, и мы как никто другой, чувствуем, во всех делах нашей Церкви, огромный труд его высокой души.

Жителям города на Неве не надо рассказывать об участии армянской церкви в создании в 1990 году, в самые тяжелые годы начала Перестройки — Центра «Ласточка» по реабилитации и социальной защите детей-беженцев из стран СНГ. Скольким людям тогда

помогли! Памятно всем и начало новой жизни церкви Святой Екатерины на Невском — в 1992-м была она решением Мэрии возвращена религиозному объединению Армянской Апостольской Церкви в Санкт-Петербурге. Сегодня уже очевидны не только внешние изменения. В восточном прицерковном флигеле расположился и действует *Учебно-воспитательный центр имени Лазаревых* вместе с воскресной школой, которая перебазировалась сюда с Васильевского острова. Здесь обучается сегодня 200 учеников. Это маленький островок огромной любви петербургских армян к своей Родине, ее необычайно богатой национальной культуре, и, конечно же, это — горячее желание устроителей Центра передать следующему поколению такое же уважение к национальным традициям своего народа.

В воскресной школе преподается Закон Божий, армянский язык и литература, изучается история армянского народа и другие дисциплины. Есть и детский хор, в репертуаре которого духовная и светская музыка. Душа радуется, что детишек, большинство из которых родились в Петербурге, учат петь на языке предков, знакомят с богатейшей музыкальной культурой Армении! Язык эмоций ближе детскому сердцу... Кружков и студий здесь много. Прийти сюда может каждый, и в Центре — его с 2003 года возглавляет Астхик Кочарян, — всегда многолюдно. Жизнь кипит в этих

Управляющий делами Армянской Апостольской Церкви Санкт-Петербурга Григорий Григорьевич ГАСПАРЯН. Он — правая рука епископа Езраса. Ему принадлежит одна из ведущих ролей в укреплении общины. Это один из самых уважаемых в общине людей — открытый, сердечный и легкий на добрые поступки!

стенах! Кстати, чтобы стены эти стали такими гостеприимными, а дом, название которому дали «Благодсть», соответствовали всему задуманному, потрудились, как говорится, всем миром. Во всяком случае все строительные начинания были осуществлены исключительно на средства, пожертвованные прихожанами. Верой в будущее продиктовано множество добрых дел нашей Церкви.

Возможно, и я в это искренне верю, нашим детям и нашим внукам тоже будет что вспомнить — не только разброд и хаос перестроечного времени с безусловно обеднившей жизнь человеческого сердца «компьютерной» культурой. Человеческая душа не может, не должна быть раздавлена машиной. В ситуации нравственного выбора машина бессильна...

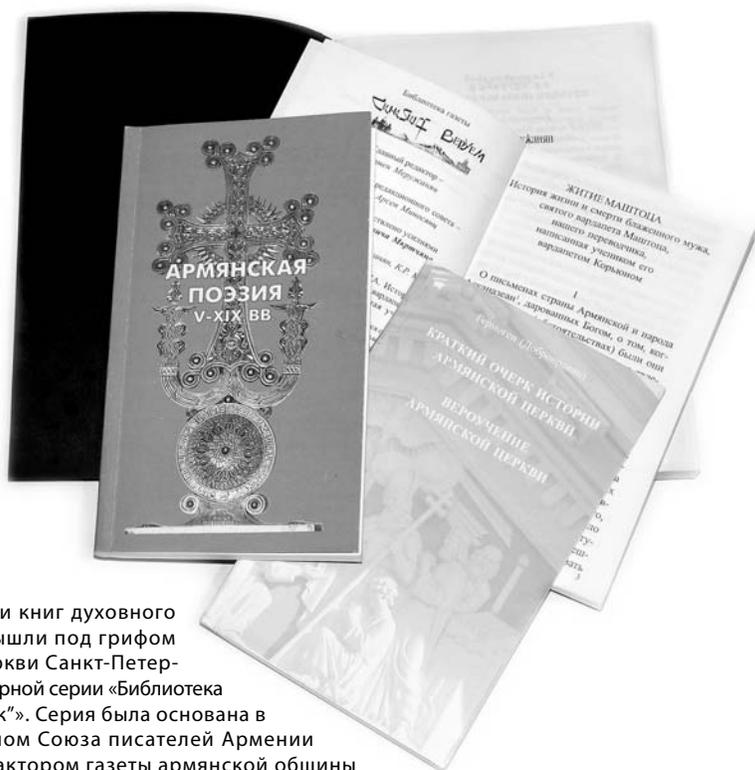

Армен Левонович МЕРУЖАНЫАН. Бессменный главный редактор газеты «Веруем».

На протяжении ряда лет я сотрудничала, внештатно, в газете армянской общины «Аватамк». Пожалуй, с этого и началось мое участие в жизни общины. Материалы в газету писались сердцем. Это была середина 90-х. Я помню, каких усилий стоило всем нам тогда просто выжить. А выживая физически, устоять в своей вере в добро и в незыблемость вечных истин. С особой теплотой вспоминаю сегодня тех, кто поддержал и помог не отчаяться в хаосе голодных и, казалось тогда, беспросветных лет... Газета «Веруем», появившаяся в 1993 году по инициативе Духовного пастыря петербургских армян Езраса Нерсисяна, открыла тогда мне возможность

общения со многими интересными людьми, я писала на самые разные темы, и я поверила в то, что не все потеряно...

К храмам приходят сегодня верующие и не верующие, приводят сюда детей. Воскресная школа, множество студий, кружков, свой театр, танцевальный ансамбль «Наири», а для тех, кто помладше — «Севан», и еще многое-многое другое, в том числе — прекрасная библиотека, в которой, хоть и невелико помещение, уместается фонд в почти пять тысяч книг — подарки прихожан, в основном. И приходят сюда не только армяне. Одна библиотека Сафаровых, которую на протяжении всей жизни собирали в этой семье,

Около тридцати книг духовного содержания вышли под грифом Армянской церкви Санкт-Петербурга в литературной серии «Библиотека газеты "Аватамк"». Серия была основана в 1997 году членом Союза писателей Армении и главным редактором газеты армянской общины Санкт-Петербурга Арменом Меружаняном по благословению Духовного пастыря петербургских армян епископа Езраса Нерсисяна. Цель предпринятой акции — духовное просвещение. Книги, так же, как и газета «Аватамк», выходят на армянском и русском языках.

чего стоит! Без всяких сомнений и колебаний передала в дар Церкви — на общее благо, эти книги Нелли Сафарова, преподаватель. Так решили они когда-то с покойным мужем Левом Арамовичем Сафаровым, человеком высокого духа, истинным петербургским интеллигентом.

Жизнь армянской общины полнокровна. Она содержательна и насыщена той самой духовностью, которая так необходима для взаимопонимания и взаимообогащения — мигание компьютерного окна в мир не заменит тепла и радости общения с необъятным миром Творца, подаренным нам *во благо друг друга*.

Я благодарна нашей Церкви, благодарна всем тем, кто отдал себя ради того, чтобы немеркнущая свеча храма объединяла всех нас, и тем, кто поддерживает этот огонь сегодня.

Церковь Св. Екатерины сегодня.

В год празднования 2000-летия Рождества Христова Церковь Святой Екатерины (*на снимке*) была освящена Католикосом Гарегином II при участии Патриарха Алексия II. В здании церкви в те дни предстоятели освятили и установили хачкар — как символ любви между двумя сестринскими Церквями. Тогда же Алексием II была передана в дар церкви старинная икона с ликом Христа. В 2003 году перед зданием восстановленной церкви, в благоустроенном собственными силами прицерковном дворе был открыт фонтан (идея проекта — о. Езрас Нерсиян, епископ Армянской Апостольской Церкви С.-Петербурга. Автор-исполнитель — известный петербургский ковщик Юрий Саркисян). Это был дар общины городу в дни 300-летия Петербурга. Тогда же во дворе церкви появился еще один памятный знак — крест-камень — в честь юбилея города. Дар Президента Республики

Армения. Вот так, постепенно, возрождаются хорошие традиции дружбы и взаимопонимания наших народов, исповедующих одну веру.

...Русский ли, армянин, зашедший среди шумной суеты дня под бирюзовые своды церкви на Невском, не обойдет вниманием возникающий на пути всякого, обратившегося к Христу, увитый кованой виноградной лозой куст дерева-символа — граната, корнями глубоко уходящего в эту землю.

Гранат — христианский символ Воскресения. А множество зерен, содержащихся под его твердой кожурой, сделало его так же символом единения многих под одним началом...

Доброго всем вам света, счастья и долгой, крепкой русско-армянской дружбы, мои потомки!

Армянский квартал в Иерусалиме*

Для христиан Иерусалим — святой город, поскольку связан с именем Иисуса Христа и последними днями его земной жизни.

Первые христиане до дна испили чашу страданий, но даже трагическое озарили они неизменным светом веры и силой своего духа.

Иерусалим — это город, в котором более двух тысячелетий обращаются с молитвой к Богу миллионы людей со всех концов Земли. Встреча с туристами-армянами, недавно вернувшимися оттуда, их рассказ об этом удивительном, многонациональном и разноязыком городе, где соседствуют не один век представители самых разных вероисповеданий, не оставил меня равнодушной.

Город Иерусалим условно делят на Старый и Новый. Старый город — это самая древняя и самая интересная часть Иерусалима. В нем 4 квартала: Христианский, Мусульманский, Еврейский и Армянский.

Армянский квартал находится в юго-западной части Старого Города и располагается на территории 150 тысяч квадратных метров.

С 1948 по июнь 1967 г. Старый Город находился под властью Иордании, и с тех пор квартал — «государство в государстве». Хотя жизнь здешних армян мало чем отличается от жизни армян, граждан Израиля, живущих за пределами этой территории. И те, и другие в равной мере сохраняют свои национальные обычаи, веру и культуру.

Когда в Жилище Мира (прямой перевод названия города Иерусалима) спокойно, — а это довольно часто, — мир здесь очень хрупкий, путь к Храмо-

*По материалам очерка, опубликованного в газете «Веруем», в 1999 г.

вой горе, к святым святым еврейского народа (Западная Стена разрушенного Иерусалимского храма), лежит через Армянский квартал.

Армянский квартал — единственный в Старом Городе, имея четкие границы, сохраняет до сего дня патриархальный уклад жизни.

Армянские христиане утвердились в Иерусалиме в I веке, однако существенный рост общины начал наблюдаться лишь к IV веку. Сегодня Армянская община в Иерусалиме насчитывает около трех тысяч человек.

Армяне строили в Иерусалиме свои церкви и монастыри. В течение тысячи лет отстаивали на это свое право <...> Армянской Церкви сегодня принадлежит одна шестая часть Старого Города.

Монастырь Святых Иакобов с кафедральным собором — одна из наиболее почитаемых святынь. Это одно из старейших в Иерусалиме христианских сооружений. Правда, в XII веке собор был значительно перестроен. Очевидцы отмечают, в первую очередь, удивительную гармонию в сочета-

нии великолепия убранства собора с необычной общей «сдержанностью» его стиля. Надо заметить, что «сдержанность», лаконичная красота высоких чувств, свойственна всякому армянскому храму. Именно так испокон веков воплощали в своих творениях армянские зодчие мечту и веру.

Монастырь Святых Иаковок обнесен высокими каменными стенами — напоминает город в городе. Вход в него запирается еженощно.

Собор назван именами Святого Иакова Младшего, первого христианского епископа Иерусалима (его могила под главным алтарем собора), и Апостола Иакова Старшего, брата Иоанна Евангелиста. В часовне-усыпальнице Апостола Иакова Старшего, под алтарем, покоится голова Святого. Шесть неугасимых лампад освещают это место.

На территории монастыря Святых Иаковок, на улице Армянской патриархии, там, где некогда и возникла на основе обители Святого Апостола Иакова Армянская патриархия, находится *резиденция армянского патриарха*, который является хранителем привилегий Армянской церкви в исторических местах, освященных библейскими событиями.

В здании резиденции патриарха хранятся древние манускрипты и реликвии армянского народа, среди них скипетр последнего царя Армении, правившего в XIV веке.

Особую гордость коллекции древних армянских рукописных книг составляют книжные миниатюры Тороса Рослина (XIII в.) — в мире сохранилось всего семь рукописей этого выдающегося мастера. Здесь хранятся четыре из них. Всего в иерусалимском матенадаране более четырех тысяч единиц хранения. Самые древние экземпляры датируются X столетием. Это — лист из Евангелия от Марка и так называемое Второе Эчмиадзинское Евангелие рубежа X—XI вв.

В Сокровищнице монастыря хранятся значимые для всего христианского мира святые реликвии: частица Святого Креста, мощи Святого Григория Просветителя и несколько рукописных Евангелий, созданных выдающимися армянскими миниатюристами. Но дверь этой Сокровищницы всегда закрыта. Открыть ее может только главный хранитель в присутствии трех членов Синода. «Посмотреть» на все эти сокровища возможно — конечно же, с помощью книг! Каких и где — всякий жаждущий сам должен отыскать свой путь в страну знаний.

Неподалеку от собора Святых Иаковок — *монастырь Святых Архангелов*, иногда называемый «Обителью оливкового дерева», с церковью Масличного дерева. Близ этой церкви — древняя олива, к которой, гласит древнее церковное предание, был привязан Христос и подвергнут бичеванию. Отсюда еще одно название церкви — церковь Бичевания, а название монастыря, как и он сам, появилось в честь тех, кто закрыл глаза, чтобы не видеть страданий Иисуса. Каждый год, в Великий Чет-

верг, тысячи паломников приходят поклониться Святому дереву. Монастырь, согласно церковному преданию, был построен в раннехристианские времена на месте дома первосвященника Анны <...> Именно к нему стражники привели Иисуса на первый допрос сразу после предательства Иуды в Гефсиманском саду. Неугасимые лампы горят над местом первого заточения Христа.

От дома главы секты саддукеев Анны Христа повели к первосвященнику Каифе, дом которого располагался поблизости. Сегодня на этом месте — *монастырь Всеспасителя*, одна из самых древних обителей Армянской Апостольской Церкви на Святой Земле.

Так уж повелось, что одновременно с храмами армяне строили типографии. Любовь к печатному слову издревле соседствует с верой.

Первая типография в Иерусалиме была построена в Армянском квартале. И сегодня здесь продолжается издательская работа. Мне показали изданные Армянской общиной в Иерусалиме журналы: церковный — «Сион», и светский — «Армянский молодежный союз».

Немало интересной информации получила я от своих собеседников о сегодняшнем дне Армянского квартала. Рассказали мне и об установленном в наши дни хачкаре в память о жертвах геноцида армян. Пышно украшенный *хачкар* (крест-камень) поставили близ Голгофы. Он обращен к Богу словами молитвы и горящими свечами. Находится неподалеку от построенной первыми христианами церкви, раскопки которой проводились и были завершены в наши дни. В память о тех, кто блестяще провел эту подвижническую работу, установлена мраморная доска. На ней высечены история раскопок и имена тех, кто в них участвовал. Все это очень уважаемые люди. Об одном из них не раз с восхищением вспоминали в своем рассказе мои собеседники. Это — Кюрег Габикян, епископ, блестящий ученый, археолог. Его имя уже при жизни вошло в историю. Он великолепный знаток мозаик и мозаичист — более 20 лет работал над восстановлением мозаик в Храме Гроба Господня (Армянской конфессии принадлежит здесь церковь Григора Просветителя — самая древняя и наиболее хорошо сохранившаяся часть Храма; Алтарь Разделения Риз, воздвигнутый на том месте, где римские стражники делили по жребию одежды Иисуса, и пр.).

Габикян принимал участие в раскопках многовекового культурного слоя Иерусалима, возглавлял эти работы, успешно сочетая их со многими другими. На счету епископа немало добрых дел. Меня, как педагога, наиболее заинтересовал рассказ очевидцев о школе, вот уже 40 лет опекаемой епископом Кюрегом.

Эта единственная, по словам моих собеседников, в Иерусалиме армянская школа (создана при Патриархии) — воплощение любви ее созда-

телей к своему народу и к родине своих предков. «Она необыкновенна и впечатляет с первого шага», «она вообще напоминает музей — настолько богат и изыскан интерьер», «в ней сосредоточено такое количество географических карт, и фотографий, и портретов армянских ученых, полководцев, поэтов и музыкантов!»... Словом, здесь учат любить культуру Армении.

В школе обучаются 200 воспитанников. Детей всесторонне развивают, уделяя огромное внимание эстетическому воспитанию, преподают множество самых разных специальных предметов. Даже теологию. А языков — сразу шесть: армянский, грабар (древнеармянский, ныне язык богослужения), арабский, иврит, английский и французский. Многие из предметов ведут преподаватели из Армении: из Ереванского университета, из Политехнического института и др. В этой школе немало тех, кто попал в Иерусалим из Армении в наши дни. Обучаются здесь в основном дети из зоны землетрясения и беженцы.

Ныне живущие армяне приумножают добрые заветы. Образ далекой Армении питает живущих в Израиле армян теплом родных чувств, которые помогают им вдали от родины предков всегда *о с т а в а т ь с я а р м я н а м и*.

Время судьбы, тяжелые испытания не могут уничтожить нацию даже на самых трагических поворотах истории.

Люди продолжают идти к святыням Иерусалима, чтобы очистить душу, чтобы наполнить ее светом веры и восхититься мудростью предков. Перед Стеной Плача опустился на колени бывший канцлер Германии Конрад Аденауэр — покаялся за уничтожение евреев фашизмом. Такое движение совести, исповедь при жизни военного поколения по-доброму взволновали и восхитили честных людей. Что касается геноцида армян, то час покаяния, как видно, еще впереди... Святая Земля по-прежнему дарит нам свет веры.

Рузанна

Наше знакомство с Рузанной Леоновной Лалаян состоялось при весьма плачевных обстоятельствах в суровом ноябре 1994 года. Ранее я описала эти дни ереванской блокады и то, как помогли мне тогда выжить и в буквальном смысле слова встать на ноги знакомые и незнакомые ереванцы. Я никогда не забывала и не забуду этих людей и их сострадание! Через газету «Голос Армении» я обратилась тогда к ним всем с благодарственным письмом, где с нескрываемым восхищением написала и о Рузанне Леоновне, как об

удивительном, обладающем наивысшей профессиональной и нравственной высотой враче. В самом деле, если бы не абсолютное бескорыстие Рузанны и не ее умение прийти на помощь — без проволочек, без излишних формальностей и без охлаждающего душу «это ваши проблемы» в ответ на просьбу помочь — хоть как-то! — не знаю, чем и закончилась бы вся эта история... Если бы не РУЗАННА! «Порадуйтесь вместе со мной, ереванцы, что живет и трудится среди нас изумительный Человек, блестящий хирург, заслуженный врач Армении, доцент Института усовершенствования врачей — Лалаян Р.Л. Ее личность — величайшее богатство Армении! Ее помнят, знают и уважают и ленинградские однополчане, и те, кому она спасла жизнь в мирное время. Такие, как она, и озаряют сегодня светом многострадальную жизнь». Так я тогда написала.

Прошел не один год с тех пор, и с гордостью я могу сказать по прошествии лет, что знакомство нашел с Рузанной Леоновной переросло в настоящую дружбу. Мы общались, когда я жила в Ереване, мы поддерживаем с ней самые добрые отношения и сегодня, когда разделяют нас многие сотни километров. С возрастом не под силу преодолеть их, годы берут свое (*лишь память — наше богатство...*) В Ереване и по сей день жизнь мало чем отличается от блокадной. В феврале 2004 (!) старики по-прежнему без каких бы то ни было льгот, без помощи и даже, как все горожане, без отопления... И все же несмотря ни на что, невзирая на обстоятельства непростой нашей жизни, на годы и на недомогания наши, Рузанна Леоновна, в самом деле, восхищает меня по сей день! Она по-прежнему сохраняет в себе мужество быть доброй и отзывчивой — идти, так же, как в годы юности (читай: в годы войны!) туда, где нужна ее помощь. Не всегда уже сегодня хватает сил быть молодой, но молодости духа ей не занимать!

Я хочу процитировать несколько строк из писем сегодняшней Рузанны.

* * *

«Ах, как сладки наши воспоминания, лишь память наше богатство! Зима была холодная, снежная для нас. Грелись плитками. Муж болел тоже. Сейчас вроде ожили. Правнуки (трое малышей) были у нас. Всю зиму я прожила, не выходя из квартиры <...> Возраст дает о себе знать, хотя многое еще хочется делать» <...>

* * *

«...воспоминания все о прошедших фронтовых днях, о потерях не покидают меня. Здоровье не позволяло приехать к Вам, видеть Вас, побыть на могиле сестры.

Радость окончания института, получения врачебного диплома была короткой! Мечтали лечить больных мирных, но пришлось спасать раненых в окопах, блиндажах, в палатках. Войну забыть нам, хоть и прошло 60 лет,

Рузанна Лалаян
1946 г.

Год 2004-й...

невозможно! Болит сердце за погибших... Читали книгу Линда*, аж дважды, все еще раз вспомнила и прослезилась...»

* * *

«Валя-джан, книга Линда у меня дома. Что за гениальная книга! <...> Восхищаюсь Линдом! Это наша пройденная жизнь! Собираюсь написать ему отзыв с благодарностью и мысленно его расцеловать. Все мне напомнило, как с раннего утра с Соней из-под Пулковго пешком шли на концерт. Спасибо Вам за статью, целую и обнимаю Вас. Это ведь моя фронтовая молодость, моя жизнь, я люблю Ленинград, это моя колыбель, моя родина, неважно, что я не там родилась... Я мечтаю приехать, если здоровье подкрепится <...> Еще раз спасибо за Память...»

* * *

«...в ожидании теплых дней страдаем без отопления».

* * *

«...приехал некий Кретов... торжественно вручал медаль "60 лет прорыва блокады"».

* * *

«Мне помогает мой ГИДУВ, где я создала музей, и <восстановила> историю ГИДУВа <...> Когда, бывает, приезжает делегация, меня приглашают и я рассказываю <...>

А вот, дорогая моя Валя-джан, доживем ли до празднования 60-летия Дня Победы?.. Будем, конечно, надеяться...»

(2004)

Две сестры — две судьбы

Обычно считают родным тот город, в котором родился, но Ленинград веками воспитывал, учил, формировал поколения армян-жителей города на Неве — не родившихся здесь, и многие из них считают Ленинград своей колыбелью. Эту колыбель армяне защищали в годы Великой Отечествен-

* Прошлой весной я отправила Рузанне Левоновне книгу Е. Линда «Седьмая...», — коллективный портрет и памятник музыкантам, исполнившим в блокадном городе бессмертную симфонию Шостаковича, — посвящена она всем свидетелям легендарного концерта. Четыре десятилетия автор-составитель — директор и основатель уникального ленинградского музея «А музы не молчали...» Евгений Алексеевич Линд собирал нас в залах своего музея. Вот откуда моя «статья», — как называет далее в письме Рузанна странички моих и наших с ней воспоминаний о незабываемом 9 августа 1942 года.

ной войны. Вся Россия гордится именами дважды Героя Советского Союза летчика Нельсона Степаняна, адмирала флота Ивана Исакова, генералов Бениamina Галстяна, Ашота Казаряна, полковника К.И. Малхасяна. Имена сестер Лалаян — достойное продолжение этого списка.

София

...Была и первая любовь, и радость получения диплома Ленинградского медицинского института, когда сестры Лалаян узнали о нападении немецко-фашистских войск. Эта страшная весть застала выпускников на праздничном гулянье.

Всем курсом сразу вернулись в институт и, не раздумывая, вступили в дивизию Народного ополчения. Мобилизация в Ленинграде проходила в считанные дни и часы под нажимом огромного количества добровольцев всех профессий.

В качестве врачей вступили София и Рузанна Лалаян в 1-ю дивизию Народного ополчения, которая обороняла Ленинградскую область. На пути к линии фронта эшелон подвергся массовой бомбежке. Было много раненых, и тут же, на развороченной земле, сестры Лалаян приняли боевое крещение и стали оказывать раненым помощь. Естественно, что они затруднялись в оказании серьезной хирургической помощи, но опыт стал приходиться за счет бесконечных операций без отдыха.

Силы у воюющих были неравные. Шло отступление наших войск и ожесточенные бои на подступах к Ленинграду. Оперировали прямо под открытым небом, под шквальным огнем противника.

В сентябре 1941 года фашисты блокировали Ленинград. Сестры Лалаян находились на передовой линии Ленинградского фронта. Продовольственные склады города были взорваны, и фронтовики испытывали такой же голод, как и население. Им давали прессованный жмых: по кусочку размером 10x4 см, суп из столярного клея, машинное масло...

Наступила зима с морозами в 30–40°. В таких невероятных условиях сестры Лалаян оперировали по 18–20 часов в сутки в блиндажах и землянках. Стоял ошеломляющий гул от разрывов бомб и снарядов. Все долгие дни и годы блокады 42-я армия, в которой служили сестры Лалаян, принимала участие в обороне и, наконец, в прорыве блокады.

Но праздник наступил не для всех... София Лалаян в феврале 1944 года погибла. Смерть наступила ее прямо у операционного стола. В тот день погибла вся их хирургическая бригада. От брезентовой операционной ничего и никого не осталось... Прямое попадание снаряда.

Ей не было и тридцати... Всё еще только начиналось. Она очень любила жизнь, мечтала после войны приехать в Армению.

Похоронили Софию там, где она воевала, в Толмачево. Над холмиком ее могилы часто бывает чистое, досуха выплаканное небо. К ее могиле приходят, обычно в мае, школьники. Они приносят в своих маленьких ладошках цветы и кусочки хлеба. Так принято на ленинградской земле. Дети постигают через свои чувства прошлое. Со временем это поможет им осмыслить наш общий нравственный долг перед погибшими...

Посмертно София Лалаян награждена орденом Отечественной войны I степени.

Рузанна

Передо мной газета военных лет, от 18 апреля 1942 года:

«...Прекрасно работает молодой хирург Лалаян. Очень скоро овладеет сложным искусством хирурга, она уже самостоятельно делает операции. Драгоценные жизни многих бойцов и командиров спасла тов. Лалаян...»

А вот очень трогательное письмо в адрес Комитета ветеранов Великой Отечественной войны Еревана от С.А. Вогун:

«...Нам хочется узнать о ветеране В.О.В., бывшем военном враче Лалаян Рузанне Левоновне. Я помню ее девушкой с длинными, туго заплетенными косами, искусно уложенными на голове. Черные дуги-брови, аккуратные черты лица, обаятельная улыбка... Стройная. Ремень портупей опоясывал ее стан. Она была очаровательна... И страшно было подумать, что вот может случиться так, что вдруг ее не будет. Ее тонкие пальцы работали быстро, нежно и уверенно... Она ласково разговаривала с ранеными, оказывая помощь... Всю войну и до сих пор ее образ в моей памяти!»

Рузанна Лалаян всю войну была хирургом на Ленинградском фронте <...> и демобилизовалась в 1948 году. Сейчас живет в Ереване и работает преподавателем военной хирургии в бывшем Институте усовершенствования врачей. Она не только передает свой богатейший опыт, но и по-прежнему лечит: ее умелые натруженные руки исцеляют больных.

Мы выражаем свое признание и восхищение доктору Рузанне Левоновне Лалаян за то, что она была и есть! Сил Вам, здоровья и уважения, Рузанна Левоновна!

(По материалам армянской прессы 90-х гг.)

Необъяснимая степень родства...

В те дни, когда наш город отмечал свой трехвековой юбилей, в Ереване, в газете «Голос Армении», появился материал: «В крови и пепле по колена...» Я храню эту присланную друзьями вырезку из газеты.

В мае 1996-го.

С однополчанами. На встрече в Ленинградском Доме журналистов. Рядом с Рузанной Леоновной (*слева от нее*) Лариса Владимировна Дубровицкая — в мирное время председатель Совета ветеранов Кировской дивизии народного ополчения.

Акомпанирую! Герой Советского Союза генерал-полковник авиации В.Н. Кубарев в дуэте с бывшим военврачом 3-го стрелкового полка 1-й дивизии Народного ополчения Ленинграда Рузанной Лалаян, сегодня — заслуженным врачом Армении.

«Отмечающий трехвековой юбилей город — прекрасен, и я не раз восхищалась им в мирное время. Но любовь к блокадному Ленинграду — чувство особое. И я пронесу ее до конца вместе с необъяснимой степенью родства, слитности с теми, кто стоял тогда рядом и отдал свою жизнь, спасая Ленинград»...

Вы правильно догадались: автор этих строк — Рузанна Леоновна Лалаян, заслуженный врач Армении, доцент, бывший военврач... ДОРОГОЙ МОЙ ЧЕЛОВЕК!

Кстати, Рузанна — единственная женщина в Армении, награжденная медалью Жукова.

Во второй мировой войне участвовало около 600.000 армян: из них 300.000 из Советской Армении, более 200.000 из других республик Советского Союза, около 100.000 из зарубежных стран. Более 200.000 армян погибли в боях. Из участников войны около 10.000 составляли женщины.

По материалам газеты «Аватамк» (2005. №8. С.5).

Враг народа*

Безусловно, все, написанное в этом очерке, продиктовано глубоким уважением к Якову Львовичу Бейлинсону, бывшему начальнику Морского торгового порта, где я работала в первые послевоенные годы. Это и дань уважения Антонине Михайловне Мазуровой (Бейлинсон), его вдове, которую я, к сожалению, знала гораздо меньше, но помню, и знаю, как исключительно хорошо отзывались о ней мои коллеги (Антонина Михайловна вместе с мужем принимала непосредственное участие в решении жизненных проблем детского дома — она возглавляла Совет попечителей). И все же, в первую очередь, эти строки продиктованы моими чувствами к ни в чем не повинным детям — Вите и Володе Бейлинсонам, переживавшим буквально на наших глазах трагедию отчуждения, отторжения от жизни общества. С клеймом «сыновей врага народа» пришлось входить в жизнь этим мальчикам.

Я хорошо знала одного из них, старшего — Виктора.

Летом 1949 года детский дом Ленинградского Морского торгового порта выехал, как обычно, на свою дачу, под Приозерск. Сакколо (ныне Громово) — место живописное, лес, озеро, в лесу — изобилие грибов, ягод... Единственно, добираться туда из Ленинграда было в те времена крайне неудобно. Поезд — два раза в сутки, да от поезда 10 км пешком по бездорожью. Впрочем, об этом, как и обо всех насущных проблемах детдома, никогда не забывал начальник порта — Яков Львович Бейлинсон. Он очень трогательно, по-отцовски относился к обездоленным детям.

На все свои торжества мы приглашали портовое начальство. Нередко на детские праздники Яков Львович приводил к нам и своего старшего сына Витю (младший был еще слишком мал). Тогда не было телевизора, а у нас была музыка. Она вносила в жизнь детей много радости.

Виктор не был слишком активным в танцах и пении, но музыку очень любил. Он любил ее слушать. Дети-ровесники легко приняли его в свой коллектив. Наравне со всеми Виктор принимал участие в подготовке к общим дням рождения. Так, незаметно, все и подружились. Не расставались и летом.

Вот уже второй сезон семья начальника порта снимала поблизости от дачи детского дома комнату и, заранее оплатив питание Виктора, предоставляла парнишке полную свободу действий. Он буквально дневал и ночевал в детском доме. Здесь всегда было чем заняться. К тому же, был аккордеон, на котором я летом играла. Аккордеон всех объединял. Едва я брала первые

*По материалам очерка «Он был сыном “врага народа”», опубликованного в 1989 году в газете «Смена».

аккорды, дети замирали... Для них это было чудо. А еще поблизости от детского дома была дача артистов — Василия Меркурьева и Юрия Толубеева. Месяцами жил у Меркурьева артист Алейников, невероятно тогда популярный. По доброте душевной артисты приходили к нашим детям. И мы устраивали импровизированные совместные концерты. Виктор, конечно, тоже был с нами.

И вдруг где-то в конце июня всех нас, сотрудников детского дома, вызывает заведующая — Мария Ивановна Мацкевич, и голосом, не терпящим никаких возражений, «предупреждает», чтобы Виктора мы на территорию детского дома больше не пускали. Прошли слухи, что начальник порта арестован. В доме Бейлинсонов, в том числе и здесь, в снимаемой комнате, был обыск. Не особо церемонясь, наша не слишком отличающаяся педагогическим тактом заведующая первой и начала позорную кампанию: в присутствии ребят она показательно закрыла перед Виктором калитку. Отныне приходиться к нам («переступать территорию детского дома») Виктору Бейлинсону запрещено.

Поздно вечером, в полной растерянности, Виктор прибежал к общежитию взрослых и отозвал меня в сторонку ото всех. Но я тоже не знала, что ответить на законное детское — ПОЧЕМУ. Почему, в самом деле, нельзя ему, до сего дня «такому же, как все!», к ребятам из детдома, они ведь друзья, почему аккордеон нельзя со всеми слушать?.. А отца почему забрали?

Я не помню, что отвечала. Не меньше, чем он, пятнадцатилетний, была растеряна. Ведь и мне было тогда только 24! Но я была мать. И ответ подсказало сердце. Почувствовав детскую незащищенность — в том, что творится какая-то чудовищная несправедливость, я ни секунды не сомневалась, — от ребенка я не отвернулась. Наверное, нарушила «несгибаемые» принципы нашей педагогики. Но забыв все на свете, после буквально резанувшего душу «а... куда мне теперь?..», я, во всем отдавая себе отчет, сказала, что отныне мы еще большие друзья, чем когда-либо! И здесь, на даче, и в городе. Мальчишка как-то приободрился, я напоила его чаем, заставила поесть и уговорила ничего до приезда мамы самостоятельно не предпринимать.

Потом напуганные коллеги решили предостеречь меня от контактов с мальчиком из «такой» семьи. Были на то свои основания. Как-никак — «сын врага народа»... Но в душе и они сочувствовали Вите. Когда он прибежал «в гости» — угощение было общим.

А в один из дней Виктор не пришел. За ним приехала мама. На попутке.

Увиделись мы уже осенью. Начался новый учебный год, я еще по-прежнему работала в детском доме, но уже не полный рабочий день. Совмещала с работой в педучилище. Работа, как всегда, заставляла быть в форме. Но время было такое беспокойное — самый разгар «Ленинградского дела», одного из отвратительнейших преступлений сталинского режима. Город

был фактически репрессирован. Пересажали почти всех наиболее значимых партийных и советских руководителей. Даже имена этих заслуженных людей было упоминать небезопасно. Таким было это время, начало 50-х... И вот в один из тех дней, возвращаясь из детского дома, вижу поблизости Витю, явно оказавшегося здесь не случайно.

Оказывается, уехав даже не попрощавшись — собираться им с мамой пришлось тогда очень быстро, чтобы к поезду на той же попутке не опоздать, — он, помня наш уговор, не забыл о нашей дружбе и решил приехать в гости. Вот только адреса нашего домашнего не знал.

А домом моей семьи по-прежнему было общежитие Морского торгового порта, возглавляемого некогда нынешним «врагом народа» Я. Л. Бейлинсоном, его, Вити, отцом...

Когда вскоре Виктор действительно пришел в гости, жившие по соседству с нами портовики, в немалом количестве сокурсники по институту Витиных родителей, как-то очень быстро разлетелись по своим комнатам. Сходства с отцом было не скрыть. Впоследствии они так же всячески избегали контактов с сыном бывшего многоуважаемого начальника. Впрочем, от него отворачивались и более близкие, боясь улыбнуться в ответ на обычное «здрасьте». Даже сосед Виктора по дому — адмирал в орденах отшатнулся от него, как от чумы.

Как только Виктор, и без того уже воспринимавший все происходившее очень болезненно, понял, что и здесь, кроме неприятностей, ничего хорошего быть не может, он замкнулся — сказал, что не стоит, наверное, подвергать нас определенному неудобству, да и вообще... Мы с мужем как могли попытались его разуверить.

В том же 50-м, всего полгода спустя после прозвучавшего в декабре 49-го в Лефортово приговора (25 лет исправительно-трудовых лагерей), скончался («где-то под Карагандой») его отец. Помочь Якову Львовичу хоть чем-то не смог даже Папанин, знаменитый на весь мир орденосецгерой, начальник первой в мире дрейфующей станции, знавший Бейлинсона по работе в Архангельском и Мурманском портах — Якова Львовича там только что не на руках носили. За год работы, в самом начале войны, за организацию работы в Архангельском морпорту он получил орден Ленина. А за Мурманск, где жили, как в аду, где разгрузка необходимых фронту кораблей проходила под непрерывными бомбежками, его наградили вторым орденом Ленина. Дальше Бейлинсон был направлен в Бендер-Шах (порт в Иране), туда, чтобы снизить потери импортных военных грузов, шли поставки американского оружия. Там тоже пригодились его опыт и знания. А потом и того больше — его, еврея, ничем, казалось бы, особенным (кроме смелого ума) не отличавшегося, командировали в Америку — здесь он помогал ко-

Копия.

ГЛАВНОМУ ПРОКУРОРУ СССР

тов.РУДЕНКО Р.А.

В дополнение к справке Министра морского флота т.Бакаева В.Г. о Я.Л.БЕЙЛИНСОНЕ со своей стороны считаю необходимым подтвердить, что у меня сохранились самые лучшие воспоминания о работе Я.Л.БЕЙЛИНСОНА и о его личных качествах, как коммуниста и патриота Советской Родины.

Я.Л.БЕЙЛИНСОН в течение ряда лет работал в качестве Начальника Ленинградского торгового порта - одного из крупнейших портов Советского Союза. Под его руководством Ленторгпорт являлся образцом по организации работы.

Во время блокады Ленинграда Я.Л.БЕЙЛИНСОН работал Начальником Архангельского и затем Мурманского портов, обеспечивая своевременную разгрузку кораблей и отправку всего боевого снаряжения на фронт. Как известно, разгрузка судов в Мурманске производилась под бомбежками и в этих условиях Я.Л.БЕЙЛИНСОН умел отлично организовать работу и был всегда примером для всего коллектива, как коммунист и патриот Советской Родины.

Прошу Вашего распоряжения затребовать дело Я.Л.БЕЙЛИНСОНА и внимательно пересмотреть обоснованность предъявленных ему обвинений.

п/п **быв.Уполномоченный Го сударственного
Комитета обороны по северным портам
дважды герой Советского Союза
контр-адмирал - Пеннин И.Д.**

19 ноября 1955г.

№ 45-24

В е р н о :

миссии Наркомвнешторга закупать оборудование, необходимое для морских портов СССР, и оружие. Этот опыт был как нельзя кстати потом, в его родном, ленинградском порту, когда он восстанавливал и реконструировал его после войны.

За год до ареста, в 1948-м, Я. Л. Бейлинсону было присвоено звание, которое звучало так: инженер-генерал-директор Морского флота III ранга.

А так, вообще-то, он и на начальника похож не был! Мальчишки в Громово долго не верили скромняге Виктору (сын тоже никак не тянул на «сына большого начальника»...).

1947 год. Яков Львович Бейлинсон, начальник Ленморторгпорта, с семьей: женой Антониной Михайловной и сыновьями — Володей (на руках у матери) и Виктором.

Яков Львович, к слову сказать, и умер как жил — скромно, но жизненных принципов не предавая. Впрочем, таких, как он, в нашей стране было немало.

Виктору с мамой и маленьким болезненным братом Володей на руках было тогда не до проблем нашей великой Родины. Им надо было просто хоть как-то продержаться. Мама была в отчаянии, когда ее не брали на работу — никуда, никем, — предложила как-то в сердцах другой, очень страшный выход. Но сын решил, что этому не бывать<...>

Они выжили. Прошло полгода. Было лето. После долгих дней унижения маме все-таки удалось устроиться на работу. В управлении Ленводпути ей не

отказали, и даже больше того — его, школьника, взяли на период летних каникул на буксирный катер матросом. За скромные деньги, но он — работал. Помогал семье. Помню, как за короткое время он изменился. Очень повзрослел. Жить им, конечно, по-прежнему было тяжело. Еще в январе 50-го, едва они остались без отца, их переселили в одну маленькую комнату в коммуналке, отобрав при этом все или почти все. Виктор спал на полу, головой упираясь в одну стенку, ногами — в другую. Над ним стоял стол <...> Младший брат Володя в основном сидел дома. Не потому, что часто болел: в детский сад не брали. Он был тоже «сыном врага». Заместитель начальника порта Конин так и сказал заведующей портовым детским садом: «Что ж это вы! По какому такому праву держите в ведомственном детсаду сына врага народа?» Трехлетний Володя не посрамил ни доброго имени детсада, ни (какого уж есть...) — Конины. До прихода с работы мамы он мужественно сидел дома один.

О матери Виктор почти не рассказывал. Она была тяжело больна, долгое время скрывала это ото всех.

Найти хоть что-то, внушающее оптимизм, было в этой жизни не так-то просто...

Виктор часто бывал у нас. В свой единственный выходной непременно заглядывал. Жили мы предельно скромно, но превыше бытовых благ ценили духовные. Как это и было всегда принято в нашей семье. Мы с мужем еще продолжали тогда учебу и работали, но умудрялись как-то, при помощи близких, быть в гуще культурной жизни. Старались бывать везде: в музеях, в театре, в филармонии. Кроме того, мы, по-прежнему, очень любили общаться с интересными людьми. В этом нам очень помогал мой папа — он частенько приводил к нам своих друзей. К сожалению, не так уже много оставалось их в живых. Но что это были за люди! <...> Мы пели, шутили, музицировали... У нас был рояль. А на столе иногда, кроме винегрета да традиционного пшеничного супа, который мама варила на всех в пятилитровой кастрюле, и не было ничего...

Виктор легко вошел в наше окружение. Его очень быстро все полюбили, оценив необыкновенную скромность и порядочность. Что бы ни было у него на душе, он никогда ни на что никому не жаловался, улыбался, помню, даже тогда, когда прибежал как-то зимой, продрогший, в одной неизменной отцовской кожаной куртке — одеть больше нечего было. Не одну зиму послужила ему эта куртка.

Продолжая работать по совместительству в детском доме, на лето я по-прежнему выезжала с детьми в Сакколо. Добираться до этих мест было так же трудно и неудобно. Но машина с продуктами для детского дома исправно — два раза в неделю, ходила.

В один из субботних вечеров, как обычно, машина отправилась в очередную рейс, прихватив на выходной, кроме дежурного груза, изрядное ко-

личество пассажиров, среди которых был и мой муж. В дороге их настигла сильнейшая гроза.

Ливень, молнии, темень! Стихия разбушевалась не на шутку. Машина под проливным дождем с трудом продвигалась по размытым песчаным дорогам. Буквально при подъезде к деревне, она уже виднелась в свете молний, пассажиры заметили совсем рядом с грузовиком какого-то одинокого путника, вернее велосипедиста, насквозь промокшего, но упрямо взбирающегося на очередную песчаную гору... Леня потом мне еще рассказывал, как посочувствовали они все бедолаге. Но вот так уж все нескладно получилось — машина перегружена, да и слишком уж поздно они повстречались — пути и оставался-то всего километр!.. оставили парня добираться в одиночку.

Когда ранним утром потихоньку, чтобы не потревожить спящих, я приоткрыла дверь на крыльцо и хотела выйти, то обомлела: передо мной, прямо на полу открытого крыльца, спал, съезжившись, в мокрой одежде, сжавшийся в клубочек — Виктор! У меня в голове сразу мелькнуло — это был он, тот «упрямый велосипедист». Велосипед стоял рядом... (Прости, прости меня, Виктор!)

В то холодное предрассветное утро я еще раз, до физической боли, почувствовала, какой же нележкой и горькой была (и будет) судьба этого мальчишки. Каким характером надо обладать, чтобы не сдаться...

С трудом я уговорила его тогда зайти к нам, в теплую комнату общежития. Не хотел тревожить, а потом признался, что ехал-то в этот раз вовсе не в гости. Просто так получилось — «ноги сами привели» в Громово. Ехал после работы на велосипеде (экономил, на чем мог) и вспомнилось... всплыло из памяти, как гоняли с мальчишками на этом велосипеде тогда... когда еще папа был жив... Многого вспомнилось из того времени, когда не было еще на нем этого унижительного клейма — «сын врага народа». Потом ему из-за этого будет заказан путь в небо — мальчишкой мечтал стать летчиком, летать на реактивном истребителе. Ну, а в тот жаркий день после грозы они действительно встретились с уже заметно повзрослевшими деревенскими ребятами. Они тоже помнили Виктора, не позабыли велосипед, на котором сын большого начальника, вводивший всех в недоумение тем, что совсем не умел «задаваться», безотказно давал погонять всем, кому хочется, и даже к озеру!

Деревенские его не предали. С ними было хорошо. И тогда, и сейчас, когда по пальцам можно было перечесть всех близких. День пролетел, как одно мгновение. Он и к дому, где снимали когда-то комнату с родителями, сходил, и по лесу с ребятами побродили, как раньше. Здесь по сей день со времен войны еще оставались землянки, каски немецкие. Времена изменились, вроде и мир должен был стать добрее...

К обоюдному сожалению, оставаться с ребятами он дольше не мог. Хотел бы, конечно, с ними и в ночное — вспоминали, как вместе ходили т о г д а

лошадей пасти. Но теперь — ни свет ни заря на работу. Каникулы у него теперь не затем.

Когда Виктор вернулся к нашему домику попрощаться перед тем, как двинуться в обратный путь, я не выдержала. Ну допустимо ли! Зная, что путь от Громова до Ленинграда по этим дорогам на велосипеде не менее 8–9 часов, решила хоть как-то на сей раз помочь, тем более что я знала, из лагеря вот-вот должна была отправиться в обратный рейс та же машина и места в ней теперь предостаточно. Не обращая внимания на упорные просьбы Виктора не делать этого, я все же побежала к заведующей, уговорить отправить мальчика на машине. Стала говорить про и без того нелегкую жизнь преждевременно повзрослевшего Виктора, про его тяжелый труд матроса (в летние-то каникулы!). Не забыла упомянуть и про все прелести грунтовой дороги (когда же мальчишка домой-то доберется?!).

Пока я взывала к чувствам оторопевшей заведующей, к нам подъехала машина, и в разговор вмешался зам. начальника порта Конин. Он резко оборвал меня категорическим отказом. И тут, вопреки разуму, я взорвалась! Стала что-то говорить, в итоге — заплакала. Подошел ближе Виктор, улыбнулся, как смог, помахал мне рукой, сел на свой велосипед и уехал.

Спустя несколько дней, когда машина вернулась, я узнала от шофера, что Конин тогда с ними не поехал, остался у своих отдохнувших в пионерлагере сыновей, а другие пассажиры, едва машина поравнялась с велосипедистом, уговорили Витю перебраться к ним.

После этого случая меня вызвали в Особый отдел порта. Сотрудник органов МГБ долго интересовался моими отношениями с семьей Бейлинсонов. Мне в быстром темпе было задано множество вопросов. Я говорила честно, что семью знала только на расстоянии, что просто во мне в данном случае заговорило мое женское, материнское начало и что, несмотря на молодость, мы, моя семья, многое в жизни пережили, мое материнство началось на пепле послевоенного пожара, после блокады Ленинграда... Как, спрашивается, мы могли оттолкнуть от себя мальчика, который потянулся к нам?! Наверное, я говорила очень искренне, да и допрашивающий меня по долгу службы человек, по-моему, был заранее неплохо осведомлен о нашей семье. А ко всему, как мне показалось, был еще просто порядочным человеком. Во всяком случае, больше меня не беспокоили и мужа моего из порта не уволили.

О личности Конина особо. Заместитель начальника порта долгие годы был болен туберкулезом. И в порту знали, что не будь у него хороших заграничных лекарств, он вряд ли бы долго протянул на такой должности. Но Конин, и это тоже хорошо знали все работники порта, был в дружеских отношениях с Бейлинсоном, и даже не в самые безопасные времена Яков Львович доставал для него эти лекарства. Дружили у них и дети, оба сына.

Однако... «Обстоятельства» потребовали, и мальчики, не говоря об отце, об этом всем позабыли. Как будто и не было никакой дружбы.

Известно, что дети родителей не выбирают, но, если прочтут вдруг когда-нибудь эти строки сыновья Конины, пусть воспримут их без обиды. А, может быть, я надеюсь, они разделят со мною боль памяти о тех днях.

В 1952-м Виктор закончил десятилетку. Хотел по-прежнему быть летчиком. Поступал на учебу дважды. Оба раза не поступил. Важнее знаний оба раза оказалось роковое — «сын врага народа». Не приняли даже в авиатехническое, — второй раз он поступал уже сюда: год работы в кочегарке после первой неудачи с летным не прошел бесследно: в сердце, как сказал перед сборами на очередное поступление врач, — шумы... Но и здесь, в Казанском авиатехническом, откуда возможным было бы впоследствии, подлечив сердце, перевестись в летное, его ждал провал. Его отчислили «по решению мандатной комиссии», едва узнали о «деле». Так будет лучше, решил генерал Тюмин, начальник училища.

Лучше стало только тогда, когда позади оставались и эти свинцом налитые глаза, и — уже дома, в Ленинграде, — стекольный завод с ненасытно разверзнутым жерлом топки...

Все решилось в один день. 15 октября 1953-го он был призван в ряды Советской Армии. С отчаянием пришлось покончить. Хотя о тех местах, где служил, сказал когда-то отбывавший там ссылку Ян Райнис, поэт, — «тупик пути и мысли...» Именно там, в небольшом городке Слободской, Кировской области, Виктор решил для себя, ничего не решая, что жизнь даже больше мечты... Так получилось.

В декабре 1955-го он вернулся в Ленинград и поступил в Институт водного транспорта.

К нам Виктор пришел уже студентом, не изменив своей привычке не ныть и не жаловаться на судьбу. Не хотел жалости и не любил воспоминаний... Но без этого не обошлось.

После того, как в 1956 году было прекращено «за отсутствием состава преступления» не подлежащее когда-то и пересмотру дело его отца и Я.Л. Бейлинсон был реабилитирован (посмертно), их с мамой разыскал человек, тоже имевший отношение к морю, — работал в пароходстве. Вместе с начальником порта он отбывал наказание в Караганде, но дожил до реабилитации. Теперь выполнял просьбу Якова Львовича, который очень просил передать жене Антонине и сыновьям, что он НИКОГДА не был изменником Родины. Николай, — так представился гость, видел Якова Львовича в лазарете перед самой его смертью. Умер он, сказал тогда маме Николай, потому, что при допросах у него были отбиты почки.

С этой болью они остались навсегда. Мать дожила до глубокой старости. Ей, как не без сарказма пошутил Виктор, повезло с онкологами. Они

с братом учились, работали, обзавелись семьями.

В 2003-м Виктор пошел в Большой дом, на Литейном, — теперь, оказалось, «нет проблем», пожалуйста: ему показали «ДЕЛО» его отца. Оно — в полном порядке.

Постскриптум

Виктор Яковлевич на пенсии. Работает, пока силы есть. С первого до последнего дня в Центральном технико-конструкторском бюро Министерства речного флота. Теперь оно только по-другому называется. Уходил ведущим конструктором. К мечте о небе больше не возвращался. Связал свою судьбу с судостроением. Стихия воды так или иначе стала и его судьбой...

Из писем

...А письма — зеркало времени,
В них голос живых людей,
В них проза жизни обычная...
И суть событий тех дней.

а рис природы не
Толково природы
веками остававшей
наше, вчерашний
и историю. Сидюшкой от
самых детства, но
отраве: золотое душистое
ские, фотки, трещущие ма-
в всею ознобе осанка.
как много лет назад в
шев Юновка, но я уже дружу.
перв небу, не грёшам грё-
цено, а дорожу мгновеньем
вотачу и олен, олен
ищу чешей. . . .
а в них лет с тобой
старошн рязан

«Как голос ваш живой...»

Спасибо за публикацию статьи «Напишите письмо». Да, сейчас письма пишут редко. Электронная почта и телефон вытеснили письменный способ общения, а молодое поколение — за редким исключением — даже не умеет писать письма. Вот и довольствуются телефонным диалогом или читают текст, сопровождаемый в зависимости от содержания, комментами рождичами. Нет того трепетного чувства, которое испытываешь, раскрывая конверт.

Старые письма подобны дорогой памяти. Они высвечивают время, прослеживают фамильные ветви. С интересом мы узнаем о своей родословной, семейных традициях, нравах. А как познавательны, любопытны письма великих людей. В них много поучительного, откровенного, судьбоносного. Вот один из примеров.

Известно, что Д. Менделеев в силу обстоятельств и порядков того времени не мог писать письма своей возлюбленной в Италию, но у него была потребность письменно свои чувства именно письменно. Он ежедневно писал письма полные любви, надежды и опускал их в почтовый ящик, который поставил рядом со своим рабочим столом. Известно, что письма не бузаведомо зная, что письма не будут отправлены. При встрече они были переданы возлюбленной и помогли этой паре соединиться. Взрослея, мы никогда не забываем нашу личную «почту». Пер-

вое письмо от мальчика я получила в 7 лет. Он положил листочек на пенек, прижав его камешком. В войну письма треугольники дели от него ко мне в блокадный Ленинград. Вложенная в них травинка или лепесток говорили о многом. Наша жизнь тогда шла на пределе возможного, но мы писали друг другу письма.

Потом всю жизнь мы были врозь и рядом, но всегда вместе, ведь письма-весточки являлись тоже нашей действительностью. Уже тогда я была его женой, он мне, стареющей, продолжал писать записочки полные заботы, любви и пискотки. В те годы я даже не могла сохранить. В те годы только мы и наше время, окружение и теперь уже являлись. Теперь уже я сама пишу письма. Осмелюсь предположить, что часть из своего окопного письма, драгоценного нашей переписке.

Когда война решила?

Нам быть или не быть?

Вы из окопов письмами,

Мне помогли жить.

И эти три угла ваш живой,

Как голос ваш живой,

Как что-то драгоценное,

Носила я с собой.

Теперь ты состарилась,

В моем столе лежишь,

Но часто в долгой памяти

Элегией звучишь.

Валентина ШАРАПОВА

Теперь они состарились,
В моем столе лежат,
Но часто в долгой памяти
Элегией звучат...

Три письма из Армении в Петербург другу детства

Лирическое отступление, или несколько слов об адресатах моих писем

Это те два мальчика из моего детства — Игорь и Светик, с которыми я играла, выросла, и дружбу с которыми мы пронесли через всю жизнь.

Будучи школьниками, мы вместе мчались в кино, пересчитывали на ладошках медяки, покупали мороженое и слизывали его языком, играли в лапту, танцевали «Рио-Риту»...

А потом, уже после войны, приезжали на выжженную землю нашей Поповки, шли на родное поле к ручейку, снимали обувь и ступали на землю босыми...

Прожив долгую жизнь, уже седые «мальчишки и девчонки», мы продолжали приходить на поляну своего детства... Прошлое не умирало, оно стучалось памятью, образами людей, первой детской любовью...

Потребность писать письма была у нас всегда, когда нас разъединяло расстояние. Эти письма сейчас передо мной, в них мы... Они, как ласточки, летели ко мне в блокадный Ленинград, потом в Сибирь, в Армению... Они теперь для меня духовное наследство. Я их перечитываю и вижу памятью живых — Светика и Игоря.

Писала и я им, даже чернилами из сажи в войну, когда учительствовала в Сибири. Писала из блокадного Еревана, когда отправить письмо было большой проблемой...

Привет и добрые пожелания, Тебе!

Знаю, что ты будешь рад получить от меня весточку <...> Спешу успеть сказать, успеть оставить мысли, передать память до тех пор, пока душа не сольется с вечностью...

Это ровное, спокойное состояние и движет моим пером. Пишу все время много, хотя душа зажата в хороводе невозможностей. Я имею в виду страшное время, которое отбросило нас от норм цивилизованной жизни. Блокада со стороны Азербайджана буквально уничтожает народ. Не ходят поезда, каждый кг перевозят только по воздуху, а это не осилить бедной Армении. Нет света, воды, газа... Костры на балконах... Это не ностальгия по прошлому режиму. Нет и нет! Я легко никогда не жила. Видимо, с возрастом произошла некоторая переориентировка. Я и сейчас опираюсь на привычные традиции, но ищу и нахожу новую точку опоры. Ты же сам говорил, что мне с юности была свойственна утонченность переживаний, проникновение в область бессознательного, чрезмерная гибкость психических процессов. Где-то я понимаю, что есть такие устойчивые состояния, которые наименее

зависимы от среды, и они — долговечны. В этом я все больше убеждаюсь. А, вообще-то, в Питере взахлеб читала Фрейда, занималась психоанализом по учебному плану филиала Берлинского института психоанализа. На постижение этой науки спровоцировала меня бывшая моя ученица — очаровательная, уменькая Наташа. Очень сожалею, что не взяла с собой в Ереван то, что конспектировала. Этих материалов мне здесь очень не хватает, ведь они — последнее слово науки. Я об этом и пишу в своих статьях. Четыре рукописи уже сдала в редакцию. А печатаюсь в газетах потому, что их читают не откладывая, в этом большой смысл.

Хочу пропагандой передовых европейских знаний помогать армянам. Люди очень интересуются, приходят... При церковной свечке проводим вечера. Это дает импульс жизни, помогает переживать трудное время... Ты ведь знаешь, что я всегда любила людей, и единственной роскошью для меня во все времена было общение. Этим я богата и сейчас <...>

Недавно перебирала в памяти наши поездки по Эстонии, Латвии и сопоставляла с теперешними поездками по рукотворной земле Армении. Ох, как я ее полюбила!!! Смотрела на камни, которым миллионы лет, а ведь когда-то здесь жили аборигены, а потом первые христиане возводили храмы, и теперь они стоят пустые среди долины желто-красного цвета... Вблизи дороги чистые уютные дворики, утопающие в зелени садов, и родники-фонтанчики. Сейчас уже плоды тяжелят деревья, а я застала весеннее буйство розовато-сиреневого цветения абрикосов, персиков.

Ты мне в войну умудрялся в конверт-треугольник вкладывать лепестки цветущих абрикосов... Это был твой особый привет из Средней Азии, и меня это по-доброму трогало...

А в этой поездке я все больше смотрела на склоны гор, усталые коврами цветов... Ты бы это воспринял каждой своей клеточкой. У меня тоже мозг не справлялся с эмоциональными перегрузками и было состояние, подобное восхищению (что-то мысли путаются и начинаю выражаться по-армянски...). Конечно, стихи теснили голову... Потом мы с Эдиком ходили в своем темпе. От знойного солнца горы, склоны, скалы дышали, и из ущелья поднимался густой особый запах-аромат. Тропинки-артерии на склонах связывают селения, но мы в них не заходили. Они как бы затеряны в высоких горах, которые подпирают небо... Мы долго стояли у тысячелетнего монастыря. Даже казалось, что этот мертвый шедевр ожил, был рад нашему приходу и мне «виделись люди в глазницах разломанных окон...» Боже, какое это неопишемое состояние души!!! Монастырь излучал какой-то особый свет... До этого времени я с тобой бывала только в северных монастырях...

Обратно мы проезжали село и на каждом столбе восседал орел! Это знакомый тебе район Севана. Такие живые картины-полотна не увидишь ни в

одном музее. Есть девственные уголки природы и очень близко от Еревана.

Совсем скоро мы поедem в Питер на какое-то время. Я уже представляю, как прижмусь щекой к иллюминатору и буду смотреть на нагорье, усыпанное камнями... Оно похоже на лунный пейзаж, с которым нас знакомят картины. А если спуститься в сегодняшний день, то в нем царствует зной, но я пишу в садике-оазисе и в нем гуляет благодать прохлады. Уже вечереет, сад институтский. В густоте зелени уединяются целующиеся парочки... Совсем скоро увижу закат. В этот момент закончу эту писанину и мыслями буду парить где-то высоко... Может быть, и душа моего Лёнечки спустится ко мне... Он относился к людям с сильным характером и несчастье выдержать не смог.

Неглубокая любовь легче переживает утрату, а всепоглощающее чувство — нет. Леня был сильным, любил без оглядки и сломался... Я в этом виновата и в наказание понесла тяжелый крест. Утешением для меня было и осталось покаяние. Недавно мне рассказали историческую быль. После геноцида пришел в Эчмиадзин издалека священник к католикоосу за утешением. Он потерял всю семью. Католикос сказал, что он потерял христиан во много раз больше и его горе тяжелее. Католикос попросил простого священника благословить его. Сказал и склонил голову. Священник положил руку на голову Патриарха и начал шептать молитву с глазами, полными слез... Говорят, что несчастья — это хорошая школа, а счастье — лучший университет. У меня того и другого было много.

Как видишь, тональность моего письма состоит из сплошных модуляций. Это свойственно мне, ты знаешь. В своей писанине я похожа на контрастный климат моей маленькой Армении. Это я знаю, но такие сумбурные вольности позволяю себе только в эпистолярном жанре.

Перечитывать, как всегда, не буду. Постараемся на днях отправить. Почта работает плохо. Всего Тебе доброго.

Валя и Эдик

Сентябрь, 1992

1994 г., сентябрь. Ереван

Тебе, мои раздумья с земли Армении, мой друг!

Не знаю, когда смогу отправить это письмо. Тому несколько причин, но пользуюсь временем и строчу скорописью.

У меня зимой была травма ноги и теперь я в институте физиотерапии занимаюсь разработкой коленного сустава. Воистину говорят: "Нет худа без добра". Вокруг меня земной храм красоты! Этот нетронутый уголок природы обособлен громадным ущельем и здесь соответствующий микроклимат. Звенящая тишина, рокот реки Раздан на дне глубокого лесистого ущелья и над всем этим величие Арарата. Это великолепие близко от центра города и от метро.

Построен институт с размахом, по типу санатория Сестрорецкого курорта. 30 лет моя свекровь была здесь главным врачом и добрая память о ней жива.

Ну а я не могу насытиться красотой и считаю, что это мне подарок перед закатом жизни. Моя комната на пятом этаже — балкон буквально парит над ущельем... Сплю на балконе и взор мой просто гипнотически притягивает эта библейская гора. Последнее, перед тем как отойти ко сну — вижу Арарат. Пробуждаюсь — он перед глазами. Испытываю удивительное состояние!!! А гора — то в лучах заходящего солнца, то окрашена первым лучиком восхода и гамма красок просто неземная...

Я теперь понимаю художника Башинджагына, который шел писать Арарат до рассвета <...> Подобное и я чувствую каждой своей клеточкой. Вот и сгущаются слова в поэтические строки, пишу...

Позади трудная блокадная зима. Выживать помогал неизрасходованный заряд прочности. Долгие вечера проводили при огоньке церковной свечечки. На огонек приходили родные, друзья, соседи. «Угощали» общением, стихами... Получался интим, на современном языке.

Очень многие уехали. Убежали не от Армении, а от беспредела, от бесстыдной лжи, от очередей за хлебом; от вымогательства, победоносного хамства, нищеты. Лицемерие пронзило большинство, заглушило истину. Все это порождает нетерпимость — вот и бегут многие с исторического перекрестка торговать на чужих дорогах. Грустно все это видеть. Свою миссию вижу в том, чтобы писать о добром, о хорошем, а оно есть вокруг и должно прорасти. Пишу много. Недавно вышел мой очерк о музыкальном фестивале в Уэльсе. Там, в городе Лланголлене впервые представили Армению. Выступили две девочки-солистки детского хора, и одна из них заняла второе место <...> Жаль, что искусство Армении было представлено только двумя девочками. У государства не было средств, чтобы отправить великолепный хор...

Меня опять не покидает мысль: «Нет худа без добра». Лето одарило колоссальным урожаем фруктов и овощей. Ко всему, нет вывоза из-за блокады. В былые времена на полную мощность работали консервные заводы. Теперь ничего подобного нет. Бедные хозяйки умудряются варить и консервировать в течение двух часов, которые дают в разное время дня и ночи. Выручает жаркое солнце, оно высушивает впрок. Самое главное из всего — дороги закрыты и химикаты не поступают, поэтому вновь на земле Армении едят экологически чистые продукты, выращенные без химикатов. Такую пищу богов едят только богатые на Западе и мы. Там специальные хозяйства и магазины. Здесь выращивается, как в далекие времена. Солнце, весенние дожди, минеральные вулканические почвы — вот источник рождения пищи богов. Огромные городские базары не вмещают торгующих и стихийные базарчики на каждом шагу. Кожа лица женщин-крестьянок

пропитана солнцем. Красивые бездонные глаза и редкой белизны зубы выгодно отличают их от городских «красавиц», наштукатуренных дорогой косметикой <...> Как-то впервые я по-особому залюбовалась совершенством помидор, черно-фиолетовыми баклажанами, пунцовыми персиками с чайное блюдце, медовыми абрикосами... Удивительна и уникальна природа! Bravo!

Здесь сейчас отброшены многие цивилизованные нормы жизни из-за блокады. Даже косточки абрикосов и грецких орехов, освобожденные от ядрышек, сушат, чтобы зимой использовать для растопки печек-буржук. У нас печки нет, поэтому будем себя обертывать одеждой по принципу капустного кочана. У нас вся квартира выходит на юг и за день солнце хорошо согревает. Недавно я узнала, что Севан зимой не замерзает, потому что летом вбирает огромное количество солнечной энергии и хранит ее в тайниках своей глубины, расходуя экономно. Замерзает только к самой весне. Чудо! Я тоже последовала этому примеру, вобрала в себя жгучее солнце и стала коричнево-черной. Здесь ходят под зонтами и стараются сохранить относительную белизну лица.

Я убедилась в правильности теории расогенеза. Пару лет тому назад вникла в нее и на примере окружающих все больше понимаю ее суть. Действительно: внешний вид, цвет кожи, способности зависят от температурного режима, климата, состава воздуха и т.п. В жарких регионах люди медлительны в походке, в мышлении, в действиях. Даже речь тягучая. И я отвыкла от скороговорки (иначе не понимают). Климат Армении настолько разнообразен, что через 60 км можно попасть из «Сибири» в «Африку». По этой причине и армяне разнохарактерные. Живущие вокруг Севана похожи на русских. И это не случайно: когда-то здесь обосновывались русские ссыльные (молукане). Это их биоклимат, он соответствует их генетическому коду. У меня вчера поздним вечером был интересный разговор на бытовом уровне с санитаркой из Севана. Вот я и убедилась, что гены безошибочно подсказывают. Ты возьми это на заметку. У каждого есть незримая генетическая тропинка, которая берет свое начало в глубине веков. Она и есть зеркало далекого прошлого и настоящего. Меня это интересует в связи с талантливыми детьми, с тайной таланта. Видимо, это и есть симбиоз многих удивительных качеств, которые полны таинств, недосказанности. Вот и получается, что пробуждение и развитие таланта вроде предопределено, если опереться на трудолюбие. Мы с тобой очень много на эту тему дискуссировали. Здесь детство сейчас очень тяжелое. Подвижников-учителей мало.

Мы были счастливее... А сейчас... уходит феерическая яркая энергия, приходит усталость и опирается она на добрую память и первую детскую любовь.

Амен!

Я

В течение нескольких летних сезонов мы с Эдуардом приезжали из Еревана и жили здесь, подо Мгой, на 45-м км, в доме моей очень, очень давнишней знакомой. Жили одни — хозяйева навещали изредка. Я ухаживала за садом, огородом, цветником...

Неотправленное письмо

Что? Нет! Что? Да! Какие года? Мне вальс был полезен всегда...

Нет, против природы не пойдешь. Только природа способна веками оставаться прежней, а для нас вчерашний день неповторим.

Я совсем близко отдыхаю от поля нашего детства, подо Мгой. Передо мной душистое разнотравье: золотые солнышки одуванчиков, чуть дальше маленькие, робкие, трепещущие в веселом ознобе осинки! Все как много лет назад в нашей Поповке, но я уже другая. Теперь жива не грезами грядущего, а дорожу мгновениями настоящего и очень, очень спешу успеть...

Память постоянно отлистывает назад годы, а в них мы с тобой с детства до старости — рядом и врозь, но вместе. Никакие крутые повороты и «войны» не уничтожили нас. Знаю, что и тебе будет радостно побродить памятью в прошлом, ведь оно у нас было общее.

Смотрю вокруг и не могу насладиться негромкой красотой северной природы. Каждой своей клеточкой я ее нежно воспринимаю, и чувство такое, что это уже последнее для меня свидание с ней... Она для меня была и осталась самым любимым верным другом — живая, бессловесная... К ней я бежала в горе и в радости. Живя на Кавказе, я памятью видела три огромные березы, которые сейчас передо мной. Уезжая отсюда, я с ними прощалась, обнимала их... Они сильнее меня, долговечнее, и я мечтала с ними еще встретиться. Сейчас они рядом со мной. Все три чуть шелестят — разговаривают. Боже! Как хорошо! И я распахнула всю себя. Это — мой мир! Я благодарна за встречу с ними. Наверное, это и есть чувство отчего дома — Отечества. Ведь тропиночка поля детства вывела нас на дорогу жизни. Там и остались наши корни. Вот и поглядываю я вокруг на такое близкое и уже по времени далекое...

Пикассо считал, что нужно долго жить, чтобы дожить вновь до юности... Я — дожила. Наша звонкая юность и заставила меня взять в руки бумагу и говорить с тобой. Говорить из такого же большого сада, каким был ваш сад. В нем и вековые березы, и махровая сирень, гнущаяся под тяжестью буйного цветения и аромата, и персидская сирень с легкими беловатыми пушинками, смотрящими ввысь... У колодца — белые розочки. Своей скромной красотой они мне милее пунцовых южных красавиц, привезенных мною из Араратской долины. Они прижились, но капризничают. Мы их лелеем, бережем... За всем этим великолепием сада — такое же огромное поле, как и

наше в Поповке. Похожая тропиночка ведет к лесу. Только нет ручейка, по камешкам которого мы любили прыгать...

На этом поле во время войны был аэродром и сейчас потомки колокольчиков и ромашек могут поведать о том времени. Для этого их нужно сорвать, высушить и набить сеном маленькую подушечку. Есть у меня такая душистая подушечка. Она мне во сне многое рассказывает...

В любую погоду поле и небо у меня перед глазами. И это уже много...

Помнишь августовские ночи, когда появлялся Юпитер со спутниками? Нам было около 7–8 лет, и Леонид Николаевич брал нас на поле, чтобы показать в подзорную трубу Юпитер. Он доступно нашему пониманию говорил о загадках мироздания, учил видеть невообразимо далекое прошлое и такое же недостижимое будущее Вселенной. И мы в этот момент ощущали миг вечности... Светила луна над нашей притихшей планетой Земля... Рядом бесшумно дышала листва берез вашего сада и звезды магически посылали импульсы света... В то время я уже училась музыке и сравнивала лучи звезд со звучащими струнами и шептала тебе, что слышу музыку звезд. А потом, очнувшись от миража, с ужасом вглядывалась в темноту, боясь наступить на лягушку. Рядышком журчал наш ручеек, и мы привычно переходили по камешкам к дому... Меня всегда взволнованно встречала тетя Рая. Ее взгляд устремлялся на мои промокшие от росы парусиновые туфельки, и она уверяла меня, что я обязательно заболēju ангиной.

Спасибо и добрая память Леониду Николаевичу за его любовь к нам, детям. От общения с ним мы становились умнее. Возможно, он и заронил в нас тягу к познанию, которую мы и понесли в свое далёко. Я и сейчас, в старости, глядя на звездное небо, не забываю посылать в сферы высшего мира земные слова благодарности Леониду Николаевичу... (Он, если не ошибаюсь, был преподаватель химии в Технологическом институте?)

Вспоминаю и дядю Сашу <...> Помнишь, как на ночь глядя, он садился в папином кабинете в зеленое вольтеровское кресло, сажал нас на подлокотники и начинал рассказ в разных вариациях о сказочных замках с привидениями, колдунами... Ко всему, на письменном столе стояли настоящий человеческий череп и заспиртованная змея. Получалось так, что в самый кульминационный момент повествования слышался издали голос моей тети Раи, которая звала меня спать... Тебе, восьмилетнему, доверяли меня перевести через пустынную дорогу, провести по темной еловой аллее, на которой в это время было множество лягушек. Позднее ты признавался, что обратно от страха бежал опрометью. Такое, как видишь, не забывается.

А это пишу спустя неделю. Дело в том, что приезжали молодые хозяева на воскресенье и включили всю супермодную музыкальную технику. На всю мощь! Боже, какой это кошмар! Не только мы, но и все живое в саду обалдело от громкости нахлamlения звуков и ритма. Я-то знаю о вреде подобного.

А ведь стоит эта современная аппаратура дороже хорошего рояля. Как бы было здорово в этих роскошных комнатах поставить рояль! Помню ваш рояль. Какую он давал радость! А музицирования в нашем доме? Помнишь, конечно... Я отлично помню обстановку большой комнаты. Старинный рояль красного дерева с украшениями из бронзы, уютные кресла, диван, висючая керосиновая лампа... В субботу приезжали ученики-вокалисты знаменитой Ольги Вергильевны <...> а ее племянник Валентин <...> Помнишь, как мы с тобой, боясь, что нас прогонят спать, когда он начинал читать свою любимую «Казначейшу», пристраивались в уголочке? А когда Валентин мастерски смаковал пикантные места в «Казначейше» (теперь бы назвали — сексуальные), ты меня щипал за локоть... Было такое... Наверное, я от этих щипков умнела.

Теперь о другом. Ты, наверное, так и не прочел книгу Н. П. Бехтеревой «О мозге человека»? А зря! Она сделала вывод о существовании «чего-то еще» наряду с материальной субстанцией мозга — возможно, души. В свое время Д. Менделееву было поручено разобраться в природе спиритизма. Разбираясь с этим явлением, он сделал вывод, что несколько процентов феномена подтверждаются. Для того времени это было уже много, а теперь наука многое познала. В частности, супруги Кирлиан (Франция) сфотографировали мысли человека. Оказывается, они имеют форму и цвет... А я все хочу побольше узнать об излучениях, исходящих из пальцев. Мне это, как пианистке, особенно интересно. Знаю, что многие специалисты сейчас диагностируют по Кирлиану и такая методика считается достовернейшей. А основана она на сфотографированных излучениях, исходящих от пальцев пациента. Ты ведь знаешь, что последние два года я увлекаюсь психоанализом и на многое смотрю так же, как Наталия Петровна (Бехтерева). А она верит в Высший разум и считает, что гениальность является результатом постоянной связи с Богом. Именно Высший разум продуцирует гениальных людей. У них очень быстрые гибкие химические процессы в мозгу и поэтому мозг мгновенно перебирает все ячейки-банки памяти и выдает самые разнообразные связи, и не только логические... Удивительные вещи!!! <...> Вот видишь, как далеко увело меня в мыслях поле детства, о котором я начала писать. А пишу я тебе урывками. Много работы в огороде, в саду. Однако встаю я очень рано и успеваю все хозяйственные дела закончить к 15 часам. Потом, самые счастливые часы, я провожу в своем «Зеленом кабинете». Он состоит из доски и ящиков под березами. В нем мне прекрасно думается, пишется... Написала очень много. Спешу успеть. Наши хозяева (ты их знаешь) теперь относятся к новым русским. Они уже не хотят любоваться здешними красотами и жить здесь. Приезжают наездами. В доме 8 комнат со всеми благами цивилизации ровень с веком. А деревня-то была построена еще при Петре I. От старого домика остался только фундамент. На него взгромодили два этажа... Вот

мы и блаженствуем, охраняя богатства. В доме 3 телевизора, но я почти не смотрю. Много взяла чтива. Все осмысливаю. В этом до сих пор большая потребность...

Не знаю, когда отправлю тебе это письмо. В город мы ездим редко, а здесь почты нет. Кладу тебе травинку в конверт. Она символична, как когда-то для тебя была щепочка. Помнишь? Хочу, чтобы тебе было полегче. Считай, что в личном плане у тебя все складывалось по черновику, ибо древние утверждали, что для каждого человека есть его половина, с которой он только и может быть счастлив. А обосновывали они это тем, что раньше люди были одного пола. Потом Бог разгневался и расколол человека на две части, чтобы каждый искал свою половину <...> ты еще не нашел свою половину, так что используй последний шанс — ищи!

Перечитывать эту писанину не буду — не в моих правилах. Перечитываю и правлю только рукописи. Недавно завершила огромный материал — осветила целый пласт жизни. Ты там тоже присутствуешь. Назвала «На изломах жизни».

Будь здоров!

Валя

P.S. Будет настроение — пошлю тебе пару своих стихов <...> Где-то я прочла, что тот, кто тяготеет к поэтическим строкам, — воспринимает флюиды Космоса.

Как много интересного в жизни и непознанного.

Я всегда руководствовалась мудростью: «Что ты спрятал, то потеряно, что ты отдал, то твое». Удивительно точно подтвердила жизнь! Я никогда не занималась накопительством, даже тогда, когда появилась возможность. Очень любила радовать людей, помогать. Это было моей потребностью. И мне отвечали тем же. Было время, когда я оказывалась на краешке жизни, и мне помогали без зова, деликатно... За деньги подобное не покупается. Ответным теплом людей я и богата, оно меня подпитывает и сейчас. Вот слова, которые летели и летят — ко мне.

5 ноября 1985 г.

ДОРОГОЙ МОЙ ЧЕЛОВЕК, любимая моя Валентина Григорьевна, я уже не одно письмо мысленно Вам написала, постоянно думаю о Вас, забываю, что Вас нет в 19 классе, бегу туда и поворачиваю обратно. Но что удивительно — Вы незримо присутствуете <...> в учительской, в столовой, на концерте в зале, на заседании в кабинете директора. Для меня Вы всегда были близким человеком, я училась у Вас благородству и человечности, и мне было легко у Вас учиться — *я чувствовала Вас, и все же без конца удивлялась и радовалась той огромной силе, которая есть в Вас.* Воистину так — человек красит место. В нашем скромном училище работал и жил огромный человецище, и даже его отсутствие огромно. Это не романтические излияния — это правда.

Ваша Галя В.

Вместе с Галиной Сергеевной Васильевой мы работали много лет в педучилище №5. Это необыкновенно талантливый человек.

На фото: Галина Сергеевна Васильева, дирижер-хормейстер.

3 февраля 1994 г.

ГОВОРЯТ, ЧТО В ОДНУ РЕКУ НЕ ВСТУПАЮТ ДВАЖДЫ. Обладая обостренным чувством ответственности и гражданского долга, Вы нарушили эту заповедь. Вы добровольно вступили в реку блокады мученической Армении, сыном которой был Ваш отец. При свечах, изнуряемые холодом, снова на хлебе по карточкам — но вместе с многострадальным народом, которому Вы помогаете вдохновенным пером журналиста и поэта. И мы знаем, что самым частым сюжетом Ваших корреспонденций в центральных газетах Армении является родной Ваш мужественный и гордый блокад-

ный Ленинград. *И снова, как в юности, невзирая на бремя прожитых лет, Вы идете со своей музыкой и несете радость теперь уже армянским детям, тоже переживающим тяжелое блокадное детство.* Низкий поклон Вам от всех нас — Ваших почитателей. Да хранит Бог Армению, Вас и Ваших близких в это трудное время.

(Из поздравления коллег и учеников к 50-летию снятия блокады)

1 января 1986 г.

ДОРОГАЯ ВАЛЮША! <...> Я так и не успела сказать тебе, что *ты обладаешь редким талантом одаривать людей добротой и теплом щедрой души твоей.* Я не успела сказать, что твой ум, эрудиция, такт, интеллигентность украшали наш коллектив. Я еще многое не успела сказать! Я очень рада за тебя и еще раз желаю тебе большого счастья.

Целую крепко. Нелли.

Нинель Васильевна Шишкина — преподаватель музыки, хормейстер. Мы с детства учились с ней в одной школе, потом вместе работали.

Декабрь, 1985 г.

ДОРОГАЯ ВАЛЕНТИНА ГРИГОРЬЕВНА!

Мы тут с мужчинами посовещались и пришли к такому выводу: жаль, что Вы уехали! Конечно, как говорил Карлсон: «Дело житейское...», но все-таки жаль. *Только теперь, когда Вы далеко, чувствуется отсутствие Вашей стимулирующей энергии, которая многих активизировала, заставляла соизмерять свою деятельность с Вашей.* Так что мы все очень и очень помним и любим, и желаем, чтоб у Вас все было чудесно и чтобы никакие огненные тигры, ни прочие идущие вслед годы-звери Вас не одолевали, не убавляли от Вас животворной силы и обаяния.

По поручению мужчин с наилучшими пожеланиями, Николай Воробьев.

но телом и душой

Н. Воробьев

Николай Иванович Воробьев — талантливейший музыкант, композитор, гордость нашего училища.

26 декабря 2003 г.

ДОРОГАЯ ВАЛЕНТИНА ГРИГОРЬЕВНА! Пишу Вам, чтобы сердечно поблагодарить за доброе отношение и память о нашей совместной работе. Всегда с большой теплотой вспоминаю педучилище и всех, с кем посчастливилось вместе трудиться, и в особенности наш «мозговой центр», на который мы,

администрация (Боже, какое скучное слово!), постоянно опирались. Для меня было большой жизненной удачей встретить коллектив, включавший в себя много одаренных людей, а Вы были всегда для меня опорой и во многом ориентиром. Природа богато наделила Вас. Красивая, умная, энергичная, хороший, яркий учитель, Вы были безусловным авторитетом для всей Вашей многочисленной армии музыкантов.

Крепко обнимаю.
С уважением,
А. Сергеева.

Алевтина Владимировна Сергеева,
директор педучилища №5.

Только самые добрые воспоминания остались в моей памяти о работе в коллективе, которым долгие годы, с начала 70-х и до ухода на пенсию, руководила Алевтина Владимировна Сергеева.

7 января 1989 г.

ВАМ КЛАНЯЮТСЯ и передают самые сердечные пожелания все любящие и не забывающие Вас ленинградцы <...> Благодарность от всех, кто знает Вас, за Ваш неиссякаемый родник доброты и участие к людям. Ваша статья* снова потрясла ленинградцев, как эхо, напомнив о несправедливости страшного прошлого, как гимн человечности и интернационализму. Примите от меня и моего мужа и наш поклон, и наше уважение и любовь к Вам.

Джемма Анатольевна и Виктор
Семенович Торкановские.

Несколько слов в дополнение к письму Торкановских

Не понаслышке знали о «несправедливости страшных времен» эти

*Имеется в виду очерк «Он был сыном “врага народа”», опубликованный в газете «Смена».

прекрасные люди, так трогательно благодарившие меня в своем письме за мою публикацию. Муж моей многоуважаемой коллеги, Виктор Семенович Торкановский, профессор, доктор наук, в годы сталинских репрессий (период так называемого «Ленинградского дела», описываемый в моем очерке) работал в 1946-м под началом профессора А.А. Вознесенского, арестованного и расстрелянного в те годы. В 1946 году Вознесенский заведовал кафедрой политэкономии, а Виктор Семенович был на кафедре ассистентом, только-только закончил Университет... Блестящие перспективы педагогической и научной деятельности молодого преподавателя померкли тогда в одночасье: увольнение с работы, лишение права преподавания политэкономии, допросы в НКВД... Скажу только, что реабилитирован был Виктор Семенович лишь в 1955 году. Его жизнь — это отдельная книга. Пока могу посоветовать прочитать замечательный очерк: «Петербургский ученый Виктор Семенович Торкановский» — в журнале «История Петербурга» (2003. №3). Его автор — Джемма Торкановская. Кстати, и Джемме Анатольевне очень, к сожалению, хорошо известны слова «репрессированный», «реабилитированный», «закрытая тема» и т.п. В 1937-м был арестован ее дед (реабилитирован посмертно...), а в конце 50-х и ей довелось отведать, каково это быть не ко двору. Когда она решилась, после окончания аспирантуры Пушкинского дома, защищать диссертацию, темой которой было творчество К.Г. Паустовского, опального в те дни писателя, ни в одном издательстве не захотели «взяться» с опубликованием необходимых для защиты статей — не принимали, в какое бы она не обращалась... Тогда Джемма Анатольевна проявила характер и волю, решила вопрос без чьей-либо помощи и поддержки. Исключение составила созданная ими с Виктором Семеновичем в памятном 1958-м — их замечательная семья! («Спасение наше друг в друге», — так когда-то словами поэта нашей молодости Евтушенко ответила мне с улыбкой Джемма Анатольевна на мое восхищение глубиной ее чувства к мужу.)

Такие люди, какое бы ни было за порогом время, не умеют предавать своих идеалов. Она стала блестящим словесником, заведовала после «ухода» из Пушкинского дома вечерним отделением в педучилище и ... не озлобившись на жестокость «века-зверя», сколько помню Джемму Анатольевну, всегда была ему полной противоположностью! Это действительно какой-то добрый гений.

Вот с такими людьми мне посчастливилось в жизни встретиться! Те несколько строчек, что я процитировала из их письма 1989 года, мне очень дороги. Как дороги и бесценны для меня все и каждое из полученных когда-либо...

Письма шли постоянно. Друзья, близкие писали-не забывали... Так же, как я. Сколько бы лет ни прошло они со мной...

А сколько тепла и света я получила от своих учеников! Какое это счастье иметь таких учеников! Многие из них стали моими коллегами — Л. Сахаровская, А. Елагина, З. Ильина, В. Давыдова и многие-многие другие... Помню всех и люблю!

ВАШИ УЧЕНИКИ — Ваша гордость. Ваш жизненный импульс! Знаем мы, дорогая Валентина Григорьевна, что Ваше сердце больше всего теплеет от долгих и добрых контактов с Вашими настоящими и бывшими учениками. Вы живете общей жизнью с теми, кто отдает свой ум, труд, сердце — детям. В этом, действительно, Ваше счастье.

Человек нелегкой жизненной судьбы, Вы сумели через все свои годы пронести настоящее человеколюбие, доброту, умение дружить и приходить на помощь <...>

(Из юбилейного адреса, написанного коллегами к 60-летию)

В детский сад, где работала одна из моих самых любимых и талантливых учениц **Олечка Сышко** (выпуск 1983 года), пришел академик Пиотровский...

Гордостью нашего училища (ныне — Педагогический колледж №5) была и **Наташа Карпельцева**.

Дорогая, родная Валентина Григорьевна!

Я не могу представить, как бы сложилась моя судьба без Вашего участия?! Спасибо судьбе, спасибо Вам! Низкий-низкий поклон и бесконечная благодарность!!! Вы мой самый главный в жизни учитель — учитель и старший друг — который учит жить по большому счету, с большой буквы! Спасибо!

<...> всегда, в самые трудные и критические ситуации в моей жизни мне помогала Ваша твердая, надежная рука, которая не давала мне уйти в сторону, а поддерживала, помогала и в итоге — всегда побеждала! Так оно до сих пор... когда совсем все из рук валится, я вспоминаю Ваше железное правило: «Что-о-о? Слабинка?», сразу выпрямляюсь и шагаю дальше...

(Из писем О. Сышко)

Оглядываясь на своих учеников радуюсь тому, что многие состоялись как личности. Они не забывают меня. А их записки, письма, сохранившиеся в моем архиве, как бальзам действуют на мое больное сердце. Вот они!

Анечке Рябушевой 7 лет, а мне в то время 73 года:

— Вы маленько старенькая, но я Вас очень люблю и буду у Вас заниматься всю жизнь...

— Когда я стану взрослой, и если не забуду, где Вы живете, то буду Вас часто навещать...

Ой, я вижу у вас на лице морщинки, значит, Вы скоро на пенсию?

(мне 73)

— Я Вам скажу секрет. Мне нравится мальчик Сережа, наверное, и он меня любит, ведь должны же ему нравиться образованные девочки, такие, как я?!

Анечка: — Завтра у нас последний урок этики.

Я: — Что вы учили, что ты запомнила, какая учительница вела эти уроки?

Анечка: — А это не толкать друг друга, а вела учительница, которая по всякому...» (имеет в виду ту учительницу, которая ведет все предметы).

Есть над чем нам, взрослым, задуматься после такого диалога.

Очень люблю я детей и юных! Они всю мою жизнь рядом со мной. Их чистая биоэнергетика всегда передавалась мне и подпитывала. Наверное, только по этому я еще на Земле. Спасибо им!

Валентина Григорьевна! Ви
очень сильно мне помогли?
от всей души благодарю
детишку. Я бы без вас
нату не пришла, не от
все получила и получила
мужика вы всё знаете.
Балли, я чувствую себе
травя, побольше с вами
Вы все непонятные знаи
и даже поваживаете
Вы всем желаете только
а не зна. Вы очень хоро
детей и даже в
они з
ете и уч
дети з
учится.
и как вы
и предва
страна з
из и пом
что вы т

Спасибо!! В.Т.

С Анечкой Рябушевой

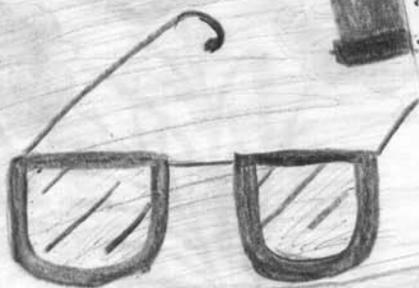

Сученицами Ланой и Элей

Ваша ученица Эль!

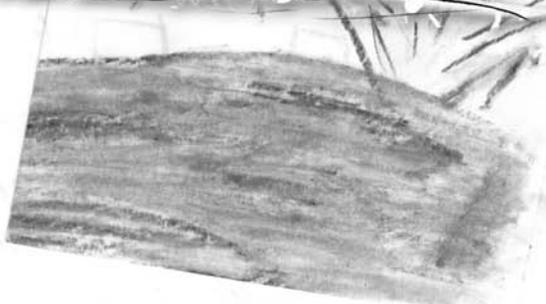
Спасибо
Дядя! за всё!

Фортениано
IV класс

Валентина Григорьевна!
Вы очень хорошо учите
детей музыке. Но Вы не
только учите детей му-
зыке, но и русскому язы-
ку, истории и т.д. Я от всей
души благодарю вас
за то, что вы мне по-
можете написать соложе-
ние о маме, мамушки
иногда пишите диктовки!
Вы всё время помните
о размере, счёт...
Вы самая хорошая
(шо)шая преподаватель
в мире. Дядя М. (5, 1)

Это вы пишете
лучшие рецепты или диктовать!!! Вы про-
сите цветы, птиц, зверей, и даже своих учи-
телей. Хорошо что вы есть на земле!!

*Пока распахнута душа,
Пока рояль ласкают руки,
Я буду песню жизни петь,
И с гаммой чувств сольются звуки.*

Стихи разных лет

Все, что я написала
мне не сейчас — это моя
"лебединая песня". Есть
наверное, что лебеди поют

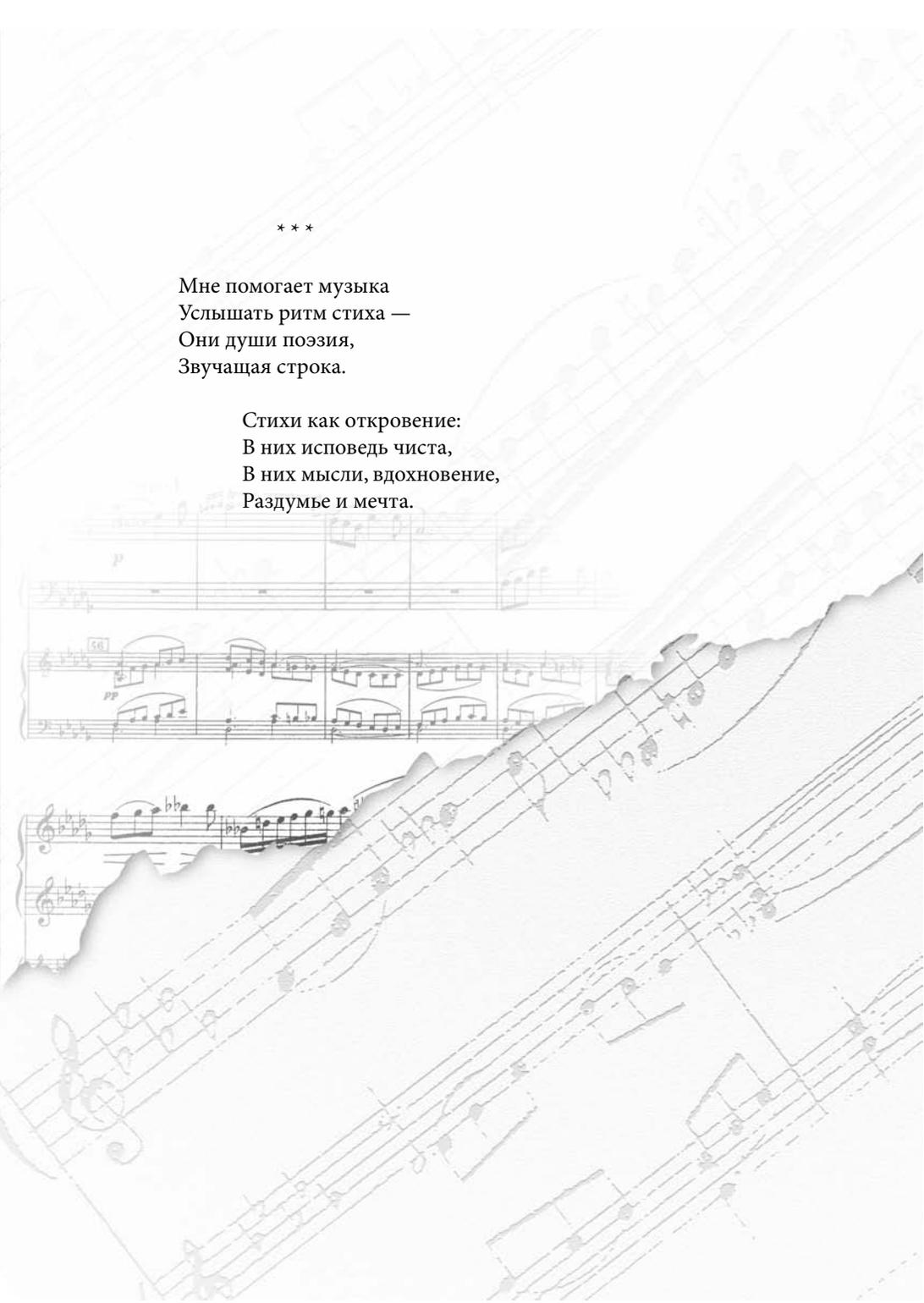
Старость — это время моей молодости, которую я вновь
переживаю в памяти.

В моих стихах — раздумья, праздник или печаль моей души.

А вот эти стихи
своим сердцем. Это
прекрасно! Но не могу
забыть Казнь...
добавь там, где: "Ж"
Моя душа
наша

Мне помогает музыка
Услышать ритм стиха —
Они души поэзия,
Звучащая строка.

Стихи как откровение:
В них исповедь чиста,
В них мысли, вдохновение,
Раздумье и мечта.

Молодость ушедшая, прошедшая...

Утро на реке

Солнце над рекою медленно встаёт,
Лодка еле слышно к берегу плывёт,

Реченька-красавица дремлет в тишине,
Просыпаясь, нежится, плещется в волне.

Берега песчаные солнышко зовут,
Отогреться хочется, поозябли тут.

Ивы шелохнулись, разом пробудясь,
Проспештали: здравствуйте, низко наклонясь.

И река ответила ивам на поклон,
Всё она заметила сразу с двух сторон.

Солнышко умылось первым на реке,
Просвистела иволга где-то вдалеке...

Солдату Великой Отечественной войны — моему мужу, Шарапову Алексею

Солдатом, юношей безусым
Пошёл ты в бой и сразу повзрослел.
Хоть страшно было, не был трусом,
В разведке всё преодолел.

В болотах, топях непролазных
Лежал часами напролёт,

Бывал до дерзости от немцев близко
И думал на авось, что пронесёт.

И проносила удаль мимо смерти,
Она была с тобою заодно,
В походах рядышком ходила,
Не оставляла одного.

Когда ранение сразило,
Когда сознание ушло,
Она, как мать, благословила,
Надежду, веру пригласила —
И выжил, Лёничка, ты всем смертям назло.

Не знала я тебя, а то была бы рядом,
Сестричкой, другом, а потом женой.
Ведь был ты школьником-солдатом,
Далёкий, близкий и родной.

Моему поколению

Друзья мои из детства,
Стихи я вам сложу,
О прожитом, о жизни
В них с гордостью скажу.

Не реквием, не оду
Я стану рифмовать,
А нашу с вами молодость
Я буду вспоминать.

Её я вижу памятью,
Она во мне живёт,
Ушедшая, прошедшая,—
Всё рядышком идёт.

И вы, седые юноши
Из детства моего,

Как рыцари, спускаетесь
Со склона своего.

Подъём был в гору трудным,
Сквозь огниво войны,
Но дружбе той далёкой
Остались вы верны.

Когда война решила,
Нам быть или не быть?
Вы из окопов письмами
Мне помогали жить.

И эти треугольники,
Как голос ваш живой,
Как что-то драгоценное,
Носила я с собой.

Теперь они состарились,
В моём столе лежат,
Но часто в доброй памяти
Элегией звучат.

Друзья мои из детства,
Вы рядом, вы со мной,
Но почему-то грустно
Становится порой.

Я прогоню грустинку
И сяду за рояль,
Пусть руки порыдают,
Тогда пройдёт печаль.

И фея вдохновенья
Далёко уведёт,
И вас, седых красавцев,
К роялю приведет.

Мы в юность сходим вместе
И в молодость зайдём,

Потом покинем грёзы
И в возраст свой войдём.

Не так уж мы и плохи
На склоне своих лет,
И дружба наша крепнет,
И грусти места нет.

Друзья мои из детства,
Я дружбе гимн пою,
И эту песню памяти
Вам с нежностью дарю.

Твоё рождение вот-вот

Светозару Анатолию

В твой день сирень благоухает,
И розы белые в цвету,
Природа пышно расцветает,
Вступая в молодость свою.

И так всегда, закономерно,
Пройдя все циклы, через год,
Бутоны роз напоминают,
Твоё рождение вот-вот.

Я мигом в детство убегаю,
В Поповку, в твой огромный сад,
И мысленно перебираю
Года, ушедшие назад.

Я вспоминаю стол под сенью старой липы,
Скамейку ветхую средь белых роз,
Крыльцо веранды, нашу горку,
И клён, который с нами рос.

Берёзы старые тебя любили,
Качали часто на ветвях своих,

Они свидетелями были
Всего, что было возле них.

Давай с тобой побродим в детстве,
Пойдём чрез поле к ручейку,
Он нам поведаёт на месте
Знакомых нам людей судьбу.

Он прожурчит и, как бывало,
Подставит камешки свои,
Захочет, чтоб вода узнала:
Они ли, местные ль пришли?

Спасибо, старый ручеёк, за то,
Что ты ещё течёшь,
Ты самый старый наш дружок,
Навстречу памяти идёшь.

Шепни берёзам престарелым,
Что на поклон сюда пришли,
Что ищут встречу со знакомым,
Что старой тропочкой пошли,

Что вас разыщут по приметам,
Что сердце их ведёт сюда,
И если нет в живых вас этим летом,
То пням поклонятся тогда.

Вот и прошлись с тобой по детству,
Без груза жизни, налегке,
Сюда придём, к родному месту,
Живём ведь мы невдалеке.

Смотрю в окно, а кустик розы расцвёл
И смотрит на меня,
Я помню про сигнал природы —
Пойду поздравлю я тебя.

Поле детства

Какой простор! Родник в холмах струился.
Тропинка во поле, как реченька, текла,
Чуть дальше пруд за ивами искрился,
За молоком деревня нас звала.

Мы напрямик шли через поле,
Оно звенело тишиной,
Цветов душистых было море,
Вокруг рябило пестротой.

Как стайка дружная мы щебетали звонко,
Играть умели на ходу,
Всё было радужно и почему-то громко,
Мы не любили тишину.

Но в час вечерний притихали,
Заслышав колокольный звон.
Шли той же тропочкой степенно,
Боясь спускаться, уронить бидон.

О, поле детства! Ручеёк живучий.
Вы мне милей прославленных красот!
Ваш тихий зов такой могучий,
Что слышу через толщу всех забот.

Теперь как прежде: родничок в холмах струится,
Тропинка во поле, как реченька, течёт,
Чуть дальше пруд за ивами искрится,
Другая стайка по полю идёт...

Всё так давно и так недавно,
Всё так свежо и выпукло встаёт.
Мне грустно и чуть-чуть отрадно,
Что всё прошло, но в памяти живёт.

Мы любили это поле в Поповке! В его тишине расцветали колокольчики, ромашки... А соловей в нашем саду сначала пил росу с березового листочка, а потом начинал петь...

Сейчас природу я вижу с одиннадцатого этажа своей квартиры — перед глазами лес, удивительно красивый издалека, осенний лес! Красные клены, осины, желтизна берез — вызывают во мне одновременно восторг и печаль...

Одуванчик

Пожалуй, в шутку, а быть может, и всерьёз,
С махровыми гвоздиками ты одуванчик мне принёс.

Он был готов к полётам, о ветерке мечтал,
Но кто-то наклонился и в поздний час сорвал.

Сконфуженный и маленький, он потерялся вдруг
В искристых гранях хрусталя среди гвоздик-подруг.

Пунцовые красавицы чуть-чуть удивлены:
Что это мода новая пошла на сорняки?

Он в хрустале не смотрится, имеет жалкий вид,
Он мигом весь рассыплется, смотрите, как дрожит.

Да он дрожал сперва, от пряности кружилась голова,
Ему всё чудились поля, ромашки, клевер и трава...

Он сам немало удивлён, что взрослым сорван был,
Что не по ветру полетел, а в хрустале застыл.

Так надо. Травам мыслить не дано.
И одуванчик это понял.
Завяли гордые цветы,
А сорнячок головку поднял.

Травинке малой невдомёк,
Что память в детство убегает,
Что руки тянутся к тому,
Что никогда не увядает.

Другу детства — Светозару

Мы из детства с тобой одного,
Оно было у нас на двоих,
Я ладошечку помню твою
На разбитых коленках моих.

Мы по юности рядышком шли,
И любовь откровенно росла.
И в ажурной перчатке рука,
В повзрослевших ладонях была.

Было счастье одно на двоих,
Бесконечно для нас дорогое,
Грёзы детства дарили нам сны,
Наяву приближая былое.

Поле детства встречало ковром,
Ручеёк приносил свои воды,
Даже скворушка песенки пел,
Воскрешая прошедшие годы.

Так было. Так было. Но вот и прошло.
Да и мы уже стали седые,
Стесняется память в глаза нам смотреть,
Ведь мы теперь вроде чужие.

Давай помолчим. Углубимся в себя.
Нас время не зря сохранило.
Возьми мои руки в ладони свои,
Чтоб душу хоть чуть окрылило.

А ещё, загляни в глубину моих глаз,
В них увидишь мир детства, былое,
Да погладь же меня по седой голове,
Сохрани наше чувство святое.

Плачет вальс над нами

Суд идет, а я играю
 «Казанова-вальс» тебе.
Знаю, ты его услышишь
 На особенной волне.
Та волна зовётся детством,
 Звонкой юностью твоей,
Слышишь? плачет вальс над нами,
 Опусти глаза скорей!
Слушай молча, бездыханно,
 В боль разлуки погрузись.
Старый вальс в руках рыдает —
 На колени опустись.
Плачет, плачет вальс над нами,
 Над разрушенной судьбой,
Суд идёт. Ещё минута —
 Мы расстанемся с тобой!
Старый вальс, побудь со мною,
 Не рыдай, утешь меня,
Суд идёт. Ещё минута,
 Доиграю я тебя.

Мы выросли с мелодией этого вальса. Мы пронесли его через всю нашу жизнь...

Прости!

Прости за боль, за откровенье,
За горечь слёз, за суету,
Услышь мой стон, развежь мученья,
Прости за то, что я живу.

Возьми в ладони моё сердце,
Оно живое, на ходу,
Дай успокоиться бедняге,
Прости за то, что я живу.

Возраст человечества в какой-то мере определяет память. Она очень объемна... Память — это и 125 граммов блокадного хлеба, и исполнение Седьмой симфонии Шостаковича в блокадном городе... Это всё — память несломленного духа.

Нет такого места в нашем городе, которое обошла бы война... Когда прохожу или проезжаю по улицам — памятью вижу места, где разрывались бомбы, снаряды, где были горы, склады трупов — морги... Помню, как на фанерных листах везли извлеченных из-под завалов людей, помню весну 1942 года, когда на улицах в отдельных домах были выведены водопроводные трубы и люди шли с посудой за водой...

Блокада

Я о войне не понаслышке знаю,
В её тисках, в её кольце была,
Я из блокады Ленинграда,
Я вместе с городом жила.

Я та, что клей столярный ела,
В завалах к раненым ползла.
Запеленав родные трупы,
На детских саночках везла.

Я та, что воду из Фонтанки,
В кастрюлях, плеская, несла,
Потом, согрев её, делила
И с крошкой хлебную пила.

В блокаде скорбь моя застыла,
С печалью, болью пополам,
Я к вам бегу, мои родные,
К поросшим временем холмам.

Я к травке нежно приласкаюсь,
Кусочек хлеба положу.
Я ваша, слышите? Я — ваша!
Сквозь пласт могильный я шепчу.

*Посвящаю старшему лейтенанту 3-го стрелкового
полка
1-й Кировской дивизии Ленинградской Армии
народного ополчения
Ларисе Владимировне Дубровицкой*

Я песнь пою военную негромко,
Пою не голосом, а сердцем и душой,
Пою тебе, Лариса Дубровицкая,
Я знаю, ты была — герой!

Как хороша была ты в дни сражений!
Отважная, красивая собой,
На Лужских рубежах, в деревне Теревони,
Была в Косицком на передовой.

Стрелковый полк был веточкой Отчизны,
С ним долгий страшный путь прошла,
На отмороженных ногах, с рукою обожжённой,
Ты до Победы с армией дошла.

Всё так давно, а вроде и недавно,
Всё так свежо и выпукло встаёт,
Вот только раны очень постарели,
Всё плачут, боль от них идёт.

И память ночью всё стучится,
Всё просит с ней поговорить,
Ей стыдно видеть равнодушных,
Нельзя былое позабыть.

Ушли, уходят ополченцы,
В историю, в грядущие века,
Живые — тоже часть истории,
За всех, за всех живут пока.

Мы крепкой дружбой спаяны,
В ней молодость, священная война,
Огромный труд, любовь безмерная,
В ней жизни нашей глубина.

Крепись, подруга дорогая!
Для нас ты — главная, и очень нам нужна!
С тобой всегда мы будем рядышком,
Но ты — опорой быть должна.

* * *

Как много было раньше нас!
Мы жизнь так искренне любили!
Теперь осталось нас чуть-чуть,
Но мы ушедших не забыли.

Они приходят ночью к нам,
Во сне приносят утешенье,
Мы встречи с ними очень ждём,
Она для нас — желанное мгновенье.

Душой хотим мы вас обнять,
Благодарить за то, что были,
Теперь вас память сохранит,
Чтоб всех и каждого не позабыли.

Смотрят на меня со старых фотографий мои близкие, мои дорогие друзья, мои коллеги... Всё это люди моего поколения, которые с детства привыкли преодолевать трудности и выполнять долг... Как много было раньше нас...

Мне было шестнадцать в блокадные дни. Тогда же начался и мой путь в любимую профессию...

* * *

Война. Блокада. Я — учитель.
В часы затишья от огня
Урок вела в подвале школы,
И дети слушали меня.

Мы рисовали солнце и Победу,
Подбитый мессер над Невой,
Воздушный бой и тут же, рядом,
Людей, идущих за водой.

И маму часто рисовали
В цеху, склонённой у станка,
И папу храброго, с гранатой,
На фоне целого полка.

Так было. Так и рисовали,
И песни пели про войну,
И ножки синие, худые,
На солнце грели в ту весну.

Где вы, теперь уже седые?
Я сердцем вижу вас всегда,
Иду я к школе той на Мойке,
Где с вами я была тогда.

Я долгой памятью увижу
В подвале класс холодный свой,
И в мирной тишине услышу
Разрывы бомб над головой.

Всё промелькнёт до боли зримо,
И уплывёт в сорок второй...
И мне навстречу наши внуки
Из школы выбегут гурьбой.

* * *

Полвека я входила в класс,
Мир детства, юных так любила!
Учитель — миссия моя,
Отечеству и детям я служила.

*Педагогическим училищам-колледжам №4 и №5
посвящается
В этих прекрасных коллективах я работала
36 лет, и моя душа полна доброй памяти.*

Здесь учат доброму и вечному,
Здесь мир ребёнка, детворы,
Здесь храм российской педагогики,
Здесь много яркой красоты.

Здесь люди чести и достоинства,
Здесь жизнь в гармонии творят,
Здесь ум и чувства развивают,
Здесь память прошлого хранят.

Я знаю храм не понаслышке,
Была я в нём десятки лет,
Войдите в храм и вы, потомки,
Оставьте в жизни добрый след.

Звезда

*Замечательному человеку, учителю, коллеге —
Джемме Анатольевне Торкановской посвящаю
с уважением и любовью*

Звезда! Так хочется назвать
И громко восхититься!
Стихом сказать, душою спеть
И низко поклониться.

Я помню первый Ваш приход
В дошкольный храм искусства и науки,
Вы, как мадонна, были хороши
И к миру детства протянули руки.

А дальше сердце распахнули,
И в буднях тяжкого труда
Вы находили вдохновенье,
Влюбившись раз и навсегда.

Учитель с тонкою душой,
С умом пытливым и блестящим,
Вы пробуждали чувства, мысль
Искусством добрым, настоящим.

Вы были, будете всегда
Светить на ниве просвещения,
Через своих учеников
В труде и думах поколенья.

Звезда! Так хочется назвать
И громко восхититься!
Стихом сказать, душою спеть
И низко поклониться!

Джемма Анатольевна Торкановская — человек врожденного благородства. В дошкольном воспитании проработала она 40 лет. Из них 29 — была заведующей вечерним отделением в педагогических училищах №1 и №5. Одаренный филолог, прекрасный преподаватель, необычайно тонко чувствующий человек... и все это в сочетании с безупречным стилем административной работы! Рядом с ней было легко. Джемма Анатольевна Учитель с большой буквы. Сотни наших выпускников несут в 21-й век знания и культуру, воспринятую и осмысленную ими благодаря ее «незаметной» помощи...

Эскиз. Санкт-Петербург 1995 года

Идёт старушка, озирается,
Стыдится нищеты своей,
Подходит к урне, нагибается,
Берёт бутылку поскорей.

Она не нищая, Заслуженная в прошлом,
Отечеству служила, как могла,
Ей звания высокие присвоили,
Почёт и уваженье обрела.

Таких по всей Руси миллионы,
Правительство не думает о них,
Они унижены, ограблены чубайсами,
Никто не защитит теперь таких.

Идут, на палку опираются,
И память рядышком идёт,
Она бодрит, не оставляет,
По гололёду бережно ведёт.

Нет ничего теперь святого

Личное время считают на деньги,
Деньги, деньги в моде сейчас.
Лучше заняться своей работой,
Дорог буквально каждый час.

Всё богачи покупают за деньги,
Ласку, заботу детям своим,
В чужие края посылают учиться,
Время же — деньги, нужно самим.

Нет ничего теперь святого,
Где же семья, родное гнездо?
Взрослеет ребёнок, не видит маму,
С нею быть рядом ему не дано.

Жажда к деньгам сгущается в жадность,
Только себе любимым не жаль,
Старых теперь называют «хламом»,
Чужды богатым нужда и печаль.

Страх за богатство живёт в параллели,
С думой о том, чтоб его сохранить,
Хочется старость себе обеспечить,
Чтобы в комфорте дожить.

Но старость-злодейка иначе рассудит,
Возьмёт она крепко в объятия свои,
Бесплатно обнимет одно одеяло,
Оно лишь поймёт страдания твои.

Всё повторится, и взрослые дети
Чёрствой душой станут деньги считать,
Пихнут «родной хлам» в интернат престарелых
И смерть твою станут ждать.

* * *

Всё меньше, меньше ветеранов,
Прошедших страшную войну,
Они уходят друг за другом,
Оставят память нам одну.

А память — это очень много!
В ней подвиг, добрые дела,
В ней дети, внуки, смысл жизни,
Она — история сама.

Вся жизнь народа — тоже память,
Её нельзя забвению приписать,
Она должна светить как факел,
Чтоб век минувший лучше знать.

Спешу войти во храм цветущий...

Моя печаль слилась с любовью,
Она полна раздумий о живых,
В ней постоянная тревога
О захлестнувших тяготах земных.

Лелеет душу лишь природа,
Иду я к ней, чтоб помечтать,
Чтоб сбросить груз души усталой,
Чтоб с нею слиться, помолчать.

Спешу войти во храм цветущий,
Взглянуть на дрожь осинки молодой,
Танцующей в кокетливом восторге,
Трепещущей на ниве кружевной.

Там ручеек журчит зеркальный,
Под шёпот капель и травы,
И лучик солнца отдыхает
На струйках льющейся воды.

Я в храм пришла очистить душу,
Послушать мессу и хорал,
Колоколов воскресный благовест
Меня на исповедь позвал.

Я душу настежь распахнула,
Печаль притихла и ушла,
В голубоватой дымке храма
Я утешение нашла.

*Очень уважаемому Григорию Григорьевичу
Гаспаряну — управляющему делами Армянских
церквей Санкт-Петербурга — за огромный
труд по восстановлению Армянских церквей, за
верность христианской миссии, за высочайшую
нравственную высоту — посвящая*

В Екатерины век, в далёкое то время,
Две церкви были Храмом для армян,

Лампада в них всегда горела,
На радость петербуржцев-прихожан.

Да только силы чёрные антихристов
Разграбили святыни те дотла,
Безжалостно прошлись они по храмам...
Десятки лет в народе боль жила.

А Вера в людях не остыла,
Ушло то время навсегда,
Вы душу храмам возвратили —
С отцом Езрасом Вы приехали сюда.

Вас сам Господь привел в Россию,
В прекрасный город на Неве,
Веками здесь армяне жили
Как братья русских во Христе.

С отцом Езрасом вы решили
Восстановить, с благословенья, Храм.
Трудились вы, без усталости молились,
Господь пришёл на помощь к вам.

Сейчас родная наша Церковь
Зовёт, по-прежнему зовёт!
И жизнь в ней снова возродилась,
В духовный храм народ идёт.

Хочу я Вами восхититься,
За подвиг, скромность, доброту...
За верность миссии христианской,
За нравственную Вашу высоту.

Память

Я памяти открою свою душу,
Поговорим о прошлом, о былом,
Не забывай, прошу тебя, желанная,
Поговорим о бесконечно дорогом.

Приведи ко мне, память, маму,
Я хочу с нею в мыслях побыть,
Оглянуться на звонкое детство,
Мне его не дано позабыть.

Приведи на тропинки, дорожки,
По которым училась ходить,
Приведи меня, память, в школу,
Я её не могу позабыть.

Приведи ко мне друга из детства,
С ним по жизни я рядышком шла,
Он любил меня, был мне опорой,
Его смерть в небеса унесла.

Приведи на могилу мужа,
Холмик хочу я обнять,
Теперь вместе с ним наша доченька,
Нет сил это горе принять.

Прошу, приведи её душу,
Сердце еле стучит...
Помоги, дай сил, слёзы кончились,
Вот-вот моя жизнь замолчит.

На смерть Ирины

Господь! Приведи душу дочки,
Она рядом с папой лежит,
Молю, приведи, слёзы кончились,
Безутешно сердце скорбит.
Дай сил добраться до кладбища,
Холмик хочу я обнять,
Под ним что осталось от доченьки,
Нет сил это горе принять.
Прошу, приведи её душу,
Сердце еле стучит,
Помоги, дай сил, слёзы кончились,
Вот-вот моя жизнь замолчит.

Подруге Анжеле Арутюновой

Ты — как солнышко светишь и греешь,
Излучаешь любовь и тепло,
Твоё сердце распахнуто настежь,
Переполнено светом оно.

Сколько мысли в глазах твоих карих,
Затаённой красы и огня,
Я люблюсь тобой, Анжелика,
Ты всегда восхищаешь меня.

Сядь поближе, к роялю, подруга,
Я элгию буду играть.
В ней услышишь родные напевы,
Не печалься, не надо рыдать.

Пусть поёт твое сердце в уладе,
Пусть трепещет оно и стучит,
Это голос далёкий и близкий
На родном языке говорит.

Он утешит. Любя приголубит.
Встречу с детством тебе принесёт,
Пусть рояль вдохновенно рыдает
И в руках моих нежно поёт.

Я иду на поклон к вам, родные...

Я иду на поклон к вам, родные,
И несу вам цветы полевые:
Разнотравье душистых полей
Было вам в свое время милей.

Положу на могилу ромашки,
Колокольчики, яркие кашки...

Иду по старому кладбищу,
И память рядышком идёт,

Она меня не оставляет
И верной тропочкой ведёт...
Пришла на ваш приют последний,
Здесь слёзы буду я ронять,

Пред вами встану на колени,
Слова прощения шептать...
Пусть сердце мёртвое твоё
Давно не бьётся для других,
Оно всё так же горячо
Для нас с тобой двоих.
Оно зовёт меня, оно в моих руках,
Я на коленях пред тобой,
Печаль в моих глазах.
Привстань, мой муж, приподнимись,
Откинь могильный холм,
Встречай меня, веди скорей
В свой новый вечный дом...

Положу на могилу ромашки,
Колокольчики, яркие кашки...

А ты, как живая, смотришь с портрета!
Даришь былую красу,
Старая мать на могиле рыдает,
Берёза склонилась к кресту.
Эта берёза давно тебя знала,
Тобой любовалась она,
Смотрела, как папе свечу зажигала,
Теперь рядом с папой легла.
Ветви берёз над могилой склонились,
Жёлтые листья упали с куста,
Дождик заплакал над старым кладбищем,
Капают слёзы с креста...
Тихо вокруг. Ветерок обнимает
Холмики спящих могил.
В склепе большая свеча догорает —
Кто-то там ранее был.
Ветви берёз ещё ниже склонились,
Листья плотнее лежат у куста,

Дождик всё плачет над спящим кладбищем,
Капают слёзы с креста...

* * *

Шиповник расцвёл на могиле,
Берёзка склонилась к кресту,
А я лишь душой навещаю
Да дома роняю слезу.

Простите, простите, родные,
Могилы хочу я обнять,
Цветы положить, поклониться,
С зажжённой свечой постоять.

Но сил нет добраться до кладбища,
Путь далёкий такой,
Вот и скорблю безутешно,
Молюсь за ваш упокой.

Шиповник отцвёл на могиле,
Берёза прижалась к кресту,
А я — лишь душой навещаю
Да дома роняю слезу...

Приведи в Ереван меня, память

ДЖИГИТУ — Эдуарду — будущему мужу

О, джигит, сын гор кавказских,
Ты, как сокол, прилетел!
Разогнал ненастье, тучи,
Душу солнышком согрел.

Хочешь, я сыграю Баха?
Хочешь, «Цицернак» спою?
Хочешь, буду просто рядом
Тихо слушать речь твою?

Хочешь, нежно приласкаюсь?
Хочешь, беды все возьму?
Хочешь, стану доброй феей,
Все печали унесу?

О, джигит, сын гор кавказских,
Песни пой и говори!
Я услышу голос предков,
Голос тёти Макруи.

Я замру, прильнув щекою,
Сердце чувствам распахну,
Как молитву буду слушать —
На колени упаду.

Хочешь, я сыграю Баха?
Хочешь, вирши напишу?
Хочешь, молча попрощаюсь
И как птица — улечу?

Слова Эдуарда — рифма моя

Зовёт в Ереван

Валя-джан, дружок милый,
Госпожа, душа моя,
Жду тебя, лети скорее,
Здесь живёт любовь твоя.

Валя-джан, Валюша, слышишь?
Буду нежен я и тих,
Как сейчас, когда ты пишешь
За меня вот этот стих.

Я ему в ответ

Я «галустук» дарю тебе на память,
Носи его и помни обо мне,
Пусть узелок таким же крепким будет,
Как чувства добрые, рождённые к тебе.

* * *

«Нилизя», ты так часто твердишь, господин мой:
«Нилизя быть такой в наш сложнейший век,
Нилизя так открыто распахивать душу,
Нилизя быть доверчивой, мил-человек»...

* * *

Давно теснят меня раздумья,
Размякла жизни колея,
Иду по ней с тяжёлым грузом,
Несу прошедшее скорбя.

Нагорий грусть мне так созвучна,
И песнь проснувшихся лугов,
И плач пичуги-перепёлки
В траве средь шелеста цветов.

Люблю хребты и буйство красок,
Зарю, безбрежие небес,
Кристаллы слёз утёсов-великанов,
Загадки неразгаданных чудес.

Взлетит душа на грудь нагорий,
Прижмётся, в трепете замрёт,
А свет лампы надо мною,
Над мирозданьем медленно плывёт...

Здесь храм души моей усталой,
Гнездо, пристанище моё,
Я принесла Творцу на покаянье,
Заблудшее сознание своё.

Наш дворик в Ереване

Средь суеты и шума городского
За перевалами и крышами домов
Наш дворик спрятался укромный —
Великолепный садик из садов.

В нём тень и солнышко гуляют,
Смеются птицы и кричат,
Играя с листьями, стрекозы
Над кроной дерева парят.

Здесь очень тихо и уютно:
Чинары, травка, виноград...
Сад тянет ветви мне навстречу
И шепчет, что приходу рад.

Я долго молча созерцаю
Живой природы уголок,
Раздумье будит вдохновенье
И мысли льются, как поток.

Пишу, что вижу, что волнует,
Что в долгой памяти живёт,

Хочу успеть всем поделиться,
Ведь время быстро так течёт.

Я восхищаюсь щедростью природы!
В ней столько силы и чудес!
В душу смога городского
Наш дворик вновь весной воскрес.

Мужу моему — Эдуарду

Парон*. Джигит. Сын гор Кавказских,
Потомок горцев, князь армянский,
Ты Богом послан был ко мне,
Когда печаль жила во мне.

Ты одарил меня Арменией,
На Землю предков я пришла.
Душа взлетела к Арарату —
Благословенье приняла.

Благодарю тебя за радость,
Я людям душу распахну,
К воде Севана приласкаюсь,
И утешение найду.

* * *

Остановись, мгновенье! Дай налюбоваться!
Пред взором — чудо из чудес, —
Масис** — владыка гор священных, —
Посланец Бога и небес.

Его дыханье с лёгким ветром
Лелеет душу и манит,
То благодать в меня струится,
То голос Бога говорит.

* Господин (арм.).

** Арарат (арм.).

Остановись, мгновенье! Дай налюбоваться!
Хочу наполнить душу красотой,
Смотрю на горное ущелье —
В нём царство тайны и покой.

Там тишина, свои законы,
Над ним орёл кружит, парит,
На солнце смотрит не мигая,
К скале стремительно летит.

А на балкон ко мне с ущелья
По утру горлица спешит,
Её прилет — как добрый вестник
На языке безмолвном говорит.

Смотрю блаженно, бездыханно
На первозданный мир и красоту,
И сердце бьётся в умиление,
Забыв про боль и суету.

Арарат меня просто притягивал и наслаждаться созерцанием хотелось до бесконечности! Любование природой — горами, зацепившимся за вершину горы облачком, высокогорными селениями, — все это заряжало меня, вызывало высокий накал ответных чувств, и я, не стесняясь своих малых творческих возможностей, много писала. Сама природа как бы нашептывала мне стихи...

Севан

Вода Севана. Камни. Горы.
Орёл, парящий в вышине.
Вы — часть души. Вы — вдохновенье,
Ношу вас с детства в глубине.

В воде Севана вижу облик
Красивой бабушки моей,
Она мне пела по-армянски
В глубокой старости своей.

Её напев был очень грустный,
В нём тихий плач подчас звучал,
Как будто голос издалёка
На помощь долгим криком звал.

Ту песнь народ мой пел в изгнание,
В ней боль веков и стон души,
И бабушка грустила часто,
Склонясь над памятью в тиши.

Смотрю на камни, они — слёзы,
Упав, застыли и стоят.
Лишь солнце жгуче их ласкает
Да капли дождика крапят.

Я прибегу на зов безмолвный,
К воде Севана наклонюсь,
Ладонью озеро поглажу
И на колени опущусь.

Воскеваз*

От старых гор прохладой веет,
Вершины снежные блестят.
Там тишина, в красе всё дремлет,
Лишь реки, падая, журчат.

С друзьями вместе, на машине,
Мы едем в старый Воскеваз,
Сегодня праздник, воскресенье,
Давно там поджидают нас.

Вот и старинное селенье,
Средь гор красуется давно,
Сады дома собой укрыли —
Таким представилось оно.

* Название высокогорного селения.

Семья нас встретила большая,
Как самых дорогих гостей,
То был святой обычай горцев,
Я восхищалась, глядя на людей.

Невестки суетились в спешке,
Несли дары семейного труда,
Вино в кувшинах, хаш с лавашем
И фруктов полные блюда.

Потом, природы откровенье,
Чудесный нежный дар земли —
Сок лепестков горянки-розы
В большом сосуде принесли.

Я лишь губами прикоснулась,
Поцеловав нектар густой,
А роза пряностью дохнула,
Вполне довольная собой.

Совсем недавно, в пору зноя,
Под солнцем нежилась она,
С ручьём и птицами шепталась,
Водичку горную пила.

Но всё приходит и уходит,
Остыли камни на горе,
Подруги-розы загрузили,
Озябнув утром на заре.

Зима спустилась и в долины,
Уснули пышные сады,
А ты живёшь теперь в кувшине
И не завянешь без воды.

Очаг горит по старому обычью,
Спасибо, старец, за тепло,
Ты негой душу опьяняешь,
Куда приятней, чем вино.

И мысли добрые толпятся,
Ложатся в память глубоко,
Ведь это редкое общенье,
О нём мечтала я давно.

Но вот и сумерки спустились,
Укрылось солнце за горой,
Последний тост и очень скоро
Поедем в город мы домой.

Дорога узкая, петляя,
Нас уведёт от тишины
В поток огней, в миллионный город
От первозданной красоты.

Луна осветит путь-дорогу,
Звезда со мной заговорит,
И Арарат, владыка горный,
Меня в пути благословит.

И чувства бросятся в объятья
Моей звезды, горы, луны,
И я увижу в лунном свете —
Мираж преданий старины.

Погасший день ко мне вернётся,
Пред взором встанет наяву.
Я сохраню мгновенье это
И тихо Музу позову.

Армянке

Маре Геворгян

Пою я песнь старинную негромко,
Её мотив поведала зурна,
В ней радость, слёзы и надежды,
Ей жизнь долгая дана.

Пою красавице, каких вокруг немало,
Пою одной, которую люблю,
В ней искра Божия сияет,
Я восхищаюсь ею и пою.

Она жемчужиной сверкает в час веселья,
А стан, как гибкая лоза,
Искрятся блёстками Севана,
Ашугами воспетые глаза.

Её я знаю и другую,
Когда беда пытается сломать,
В ней храбрая орлица оживает,
Бесстрашная и любящая мать.

Благословил её Создатель при рождении,
Подобно ангелу ей многое дано,
Чтобы несла святое благо
Туда, где трудно и темно.

Блокада в Ереване

Погас закат. За ним спустилась темень,
Вошла в окно. Покрыла всё собой,
Зажгла я свечку, в думы погрузилась,
Они давно соседствуют со мной.

Смотрю на свечечку церковную блаженно,
На слёзки восковые от огня,
И отгоняю муки нашей жизни,
Сковавшие до ужаса меня.

А за окном бредут на ощупь люди,
Спешат в холодный свой приют,
Толпа стоит у магазина.
При свечке хлебушек дают.

А ночь придёт ещё не скоро,
Во тьме мы будем вечер коротать,
Дотла сгорит огарок свечки,
С тяжёлой думой ляжем спать.

* * *

Зима. Блокада. Холод бродит.
В свои объятия берёт,
Сжимает тело, мысли, душу,
Смеётся дрожью, кто умрёт.

То холод духов злых,
От них идут напасти,
В высоких креслах демоны сидят,
Им сытно и тепло у власти.

Для них и мерседесы и блага,
Когда уже невоготу народу,
А совесть нации — бедна,
Согнувшись, тянется по гололёду.

И я шагала в гололёд,
Был миг — я с грохотом упала,
И больше часа на снегу
С безумной болью пролежала.

У «скорой» не было бензина,
Чтобы доехать до меня,
А мимо с шиком проезжали,
Лишь взгляд бросая на меня.

Спасибо тем, кто рядом был со мною,
Кто согревал дыханием своим,
Кто помогал бороться с болью,
Кто был спасителем моим.

Поплачь, Армения, со мною,
Тебя ведь к пропасти ведут,

Ум нации отброшен на задворки,
Но силы светлые спасут.

Крепись и не сдавайся негодьям!
Пробьёт их час — они сбегут,
С награбленными суммами валюты
Прибежище в чужом краю найдут.

После распада СССР — в Армении со стороны Азербайджана блокада. В Ереване в те дни не было ни света, ни газа, вода — по графику. Поезда не ходили... Но люди, простые хорошие люди, оставались людьми. Сегодня я вспоминаю именно их — всех тех, кто не дал мне утратить веру в добро, кто не оставил меня один на один с болью и помог выжить в невероятно тяжелых условиях блокады.

Грантику — с любовью и нежностью

Медбрат мой юный, в час страданий,
Когда сжимает боль невмоготу,
Ты прилетаешь, словно ангел,
Неся в ладонях доброту.

Та доброта — бальзам особый,
Она струится радостью в меня,
Расти полезным, нужным людям,
Я верю в будущность, в тебя.

В декабре 1993 года с переломом бедра я лежала в квартире родственников мужа одна неподвижно. Внук моей подруги, хозяйки дома, Наталии Николаевны Худабашян — Грантик, — прибежал из школы и ухаживал за мной. Как же могло молчать мое сердце?!

Наталии Николаевне Худабашян

Сестра, подруга, ангел мой хранитель,
Сама сгорая, светишь ты другим,
Земная благородная мадонна,
Ты озаряешь солнышком своим.

Такое солнце всюду, рядом,
Где ты живешь, где путь проходит твой —
В палате у тяжёлого больного,
В холодном доме — солнышко с тобой.

Учёный, врач, нежнейшая из нежных мама,
Ты восхищаешь редкой добротой,
Твоя интеллигентность покоряет,
Она блистает тихой красотой.

Огонь души твоей, как свечечка святая,
Горит неугасимым огоньком,
Свети и грей, Наташа дорогая,
Кому темно в Отечестве родном.

Землетрясение в Армении

Земля Армении! хочу прильнуть к тебе и нежно приласкаться,
Хочу обнять твои ростки из глубины,
Хочу погладить травку, камни-слезы,
И сердце распахнуть для доброты.

Устала ты, страдальца родная,
От слёз, от гибели детей,
В пластах твоих покоятся младенцы
И прах испуганных людей.

Был миг — раскрылось твоё чрево,
Как пасть чудовища во сне,
Всё разом в бездну провалилось
И скрылось где-то в глубине...

Безумный крик со стоном вместе,
Смешались с грохотом камней,
В толчках руины содрогались,
Прессуя тяжестью людей.

Так жизнь живой ушла в глубины,
С молитвой, с криком на устах,

Не осознав своей кончины,
С застывшим ужасом в глазах.

Я на развалинах Спитака
К завалам тихо припаду,
И грусть неутолённую, как свечку,
В зияющем разломе засвечу.

Слезинку-камешек остывший
Прижму к груди, возьму с собой,
И болью буду жить твоей, Армения,
Крепись, страдальца! Моя любовь с тобой.

Эту трагедию я ощутила каждой своей клеточкой. Чтобы помочь снять тяжелый стресс у детей, я занималась с ними в те дни музыкотерапией. Два камешка из Спитака хранятся у меня. После землетрясения я привезла их с собой в Петербург. Землетрясение в Армении было 7 декабря 1988 года...

* * *

Приведи в Ереван меня, память,
Землю хочу я обнять,
Распахнуть свою душу людям,
На могилах друзей побывать.

Приведи в Хор-Вирап* поклониться,
В святыню хочу я войти,
К церковным камням прикоснуться,
Молясь, утешенье найти.

Приведи на луга Арагаца**,
Мяту и травы собрать,
Туда, где пасутся лани,
Природу хочу созерцать.

* Монастырь, древнейшая святыня христианства в Армении.

** Арагац — гора, живописные склоны которой армяне по праву сравнивают со швейцарскими Альпами.

Душа затрепещет от счастья,
Мгновенье восторг принесёт,
И рядышком тучка поспешно
Дорогой своей проплывёт.

Землю возьму я в платочек,
Буду до срока хранить,
Очи когда я закрою —
Прошу мне на грудь положить.

На неприступном склоне горы Арагац бьют родники, стекают тысячи ручейков. Сохранились остатки Кафедрального собора, разрушенного во времена нашествия арабских завоевателей. Кругом базальтовые глыбы и с высоты видна вся Араратская долина.

В сумерки, когда гаснут блики вечерней зари, долго еще остаются над Арагацем ее отблески. Это — горит лампа святого Григора Просветителя, нередко молившегося на вершине Арагаца. Когда сбившийся с пути праведный человек смотрит на Арагац с верой в Бога, над вершиной вспыхивает лампада Просветителя, помогающая найти дорогу к дому. Так гласит легенда...

Отец

Отец, ты в памяти живёшь,
И я храню твой образ.
В нём сплав душевной красоты,
Богатство мудрости житейской
И бескорыстной доброты.
Блестящий ум и благородство
В тебе соединились навсегда,
Ты был юрист и просто папа,
Гордилась я тобой всегда.
Казалось мне, ты был гигантом,
Всё мог, умел, как чародей,
И в пору трудностей житейских
Ты выручал своих друзей.
В часы раздумья, вечерами,
Ты говорил про край родной,
Про горы древние Кавказа,
Тебя зовущие домой.

Давно потух очаг семейный
На склоне старом у ручья,
Ушли из жизни поколенья,
Осталась только дочь твоя.
Но не погас огонь зажжённый,
Во мне горит он, в глубине,
Иду я тропами Кавказа,
К ручью, знакомому тебе.
Я горсть земли возьму в платочек,
Ладони в воду погружу,
Потом вернусь к твоей могиле
И дар бесценный положу.

* * *

Ничего, что годы подгоняют,
Ничего, что старость обняла,
Жизнь где-то позади осталась,
Всё с собою унесла.

Хорошо, что правнук подрастает,
Вместе с ним и радость в дом бежит,
Хорошо, что сын не забывает,
Хорошо, что рядышком Джигит.

* * *

Правнуку Станиславу — Стасику

Я — лицеист, я — шахматист,
Люблю конструктор собирать,
Люблю лепить и рисовать,
Люблю природу наблюдать.
Люблю поплавать, понырять,
Футбол с ребятами гонять,
Люблю в работе помогать,
Мечтаю многое познать.
Ещё мне нравится трудиться,
По дому взрослым помогать,
Готовить к праздникам подарки
И самолично их вручать.

* * *

Смерть погасит лишь бренное тело,
А душа улетит в небеса,
Помолись за меня, мой любимый,
Подними в поднебесье глаза.

Я спущусь к тебе духом нетленным,
К изголовью любя припаду,
Буду в снах приносить утешенье,
Лишь с рассветом исчезну, уйду.

Эдуарду Джуганяну

Тебя не знала я ребенком,
Росли мы в разных городах,
Детьми мы даже песни пели
На самых разных языках.

Ты слушал эпос древних горцев,
Я — сказки русские про старину,
Но деды наши, старые армяне,
Имели общую судьбу.

Не знаю, кровь ли наших предков
Заговорила вдруг во мне,
Но, повстречав тебя однажды, —
Узнала брата я в тебе.

В твоих словах, в речах кавказских,
Я слышу говор дорогой.
Отец мой, Гарегин покойный,
Во многом сходен был с тобой.

Он, как и ты, любил родную землю,
Пел часто песню «Цицернак»,
Умел мечтать в полёте мысли,
Шутить, любить, да ещё как!

Мне кажется, что, умирая,
Отец тебя в мой дом благословил,
И ты пришёл, давным-давно желанный,
Пришёл и счастье подарил.

Глаза армян

Глаза армян — узнаю без ошибки,
В них глубина и давняя печаль,
Следы страданий, ужасы трагедий,
Мерцают тихо, приближая даль.
В них блеск вершины Арарата,
И пламень солнечных лучей,
Искристость озера Севана,
Тепло и нежность матерей.

* * *

Небо ночное, ты — как икона,
Лик Мироздания в тебе,
Долго с молитвой смотрю, созерцаю,
Чувства блаженны во мне.

* * *

Люблю я ночь за таинство Вселенной,
За лик проснувшейся луны,
За грёзы снов, порою вещей,
За огонёк моей звезды.

Люблю мечтать в часы затишья,
Блуждать в неведомых мирах,
Творить молитву в полудрёме,
Парить душою в небесах.

Моя молитва — зов усопших,
Давно ушедших в мир иной,
Они во сне приходят ночью,
Даруя встречу и покой.

И ты приходишь в сновидении,
Теперь далёкий, но родной,
Нас ночь-волшебница жалеет,
Мы снова рядышком с тобой.

Но пробужденье всё уносит,
Опять молитва на устах,
Душа скорбит и тихо плачет,
Мгновенья сна стоят в глазах.

Блаженна ночь! Красиво мирозданье!
Мне так созвучна тишина!
В моём окне мерцают звёзды
И светит бледная луна.

* * *

Одиночество — страшное слово,
В нём трагедия многих людей,
Грусть, пустота, незаполненный вакуум
Здорового смысла сильней.

Здесь ни к чему слова утешенья,
Потеря затмит рассудок любой,
Стихи и музыка выжить помогут,
Они неразлучны со мной.

Тебе я сыграю ноктюрны Шопена,
Спускайся, любимый, нетленной душой,
Стихи прочитаю про нас, про Джигита,
Приходи почаще, родной.

Про нашу большую любовь прочитаю,
Она не умрёт никогда,
Прошу, приголубь, ведь ты мой последний,
С тобою я рядом всегда.

* * *

Душа скорбит, давно страдает,
В ней память прошлого витает,
Живёт былое в глубине,
Шепча печалью о себе.

Тепло людей так мало греет,
Жар боли пышет и знобит,
Меня молитва согревает,
Она со мною говорит.

Раскрою душу — вроде легче,
Печаль притихнет и молчит,
И на какое-то мгновенье
Душа не стонет, не болит.

* * *

Новый год — 2005-й...
Я с собой наедине.
Нет тебя со мной, любимый.
Грусть, печаль живут во мне.

В нашем доме нет застоля,
Выйду ночью на балкон,
Буду звать тебя, молиться,
Слушать колокольный звон.

Память добрая осталась,
И любовь-вдова пришла,
С ними Новый год и встречу,
Я давно их позвала.

Смотрю на белые ромашки...

* * *

Добрая память, молитва,
С вами живу я теперь,
Вы, верные спутники жизни,
Остались взамен от потерь.
Память моя, как лампада,
Тихо, красиво горит!
Старость теснит, утешает,
О прошлом со мной говорит.

Лебединая песня

Стихи мои — песня лебединая,
Пишу я их душой,
Прошлое уже неповторимо,
Его я вижу с высоты большой.

Хочу успеть всем поделиться,
Оставить людям голос свой,
Зовёт, зовёт меня мой Лебедь!
Нельзя ведь плыть одной.

Пианино

Моё пианино с младенчества рядом,
В коляске меня подвозили к нему,
Я плакать мгновенно тогда прекращала,
И мама была благодарна ему.

Я звукам внимала, всегда притихала,
Тайну младенца понять не дано,
Потом одним пальчиком что-то играла,
И птичкам я пела, глядя в окно.

Любила играть, подбирать научилась,
Лихо играла без нот всё подряд,
Ноты учить ни за что не хотела,
Без них обходилась, брала наугад.

Долго-долго потом их учила,
Была, ко всему, я очень мала,
Но я подрастала, во многом умнела,
Взрослея, я нотный язык поняла.

Люблю я безмерно своё пианино,
Вся жизнь моя связана с ним,
В блокаду его как могла согревала,
Оно и осталось живым.

Частенько к нему подхожу приласкаться,
В горе руками люблю порыдать,
Так мне и хочется с музыкой слиться,
В порыве экстаз вдохновенно сыграть.

Ты, пианино, по возрасту старше,
Но жить будешь дольше меня,
Кто ж прикоснётся к тебе руками?
Будет ли так же беречь тебя?

Сейчас я сыграю то, что ты любишь,
Радовать стану тебя,
Не осуди, если слёзы прольются,
Пойми и прости меня.

Умершему мужу

Свершилось. Разрушилось бренное тело.
Его унесли. Захлопнулась дверь.
Нет тебя рядом, горе нависло,
Жизнь моя гаснет теперь.

Я слёзно молилась, звала твою душу,
Знала, витает она над тобой,
Пусть же любовь как магнитом притянет,
Её приведёт домой.

Вот и пришёл ты душою нетленной,
Прах принесли, и душа пришла,
Урну поставили рядом с цветами,
Душа мгновенно меня обняла.

О, не забуду я это мгновенье!
Ведь ты был рядом со мной!
Прости, прости мою грешную душу,
Я буду молиться за твой упокой.

Скоро покинет душа нашу землю,
Птицей ввысь улетит в мир иной,
Буду смотреть на бездонное небо,
Ты всегда будешь рядом со мной.

Ты спускайся душою нетленной,
Лунной ночью ко мне приходи,
Приноси мне во сне утешенье,
Я прошу: приходи, приходи!

* * *

Я не успела полюбить,
Любовь моя осиротела,
Спустишь душой с небес ко мне,
Любовь ведь наша овдовела...

Балкон — ладья моя земная

Балкон парит, пред взором только небо,
Навстречу облако плывет,
И ветерок спешит куда-то,
Здесь параллельный мир живёт.

В него наука входит скромно,
Код раскрыть учёным не дано,
Но мы стремимся в мир огромный,
Он рядом, близко, высоко.

А мне он чувственно приятен,
Непознанный, благословенный и святой,
Балкон — ладья моя земная,
Парит, как птица над Землёй.

* * *

*Сергею Сергеевичу Шляхтенко —
врачу моего мужа посвящаю*

Я стала верить в силы высшие,
Вас сам Господь послал ко мне,
Когда душа в несчастьи разрывалась,
Вы появились, как во сне.

Вы каждый день спешили к нам,
Без зова приходили,
Чтобы страданья мужу облегчить,
Вы помощь — утешенье, — приносили.

Удар последний сердца Вы услышали,
То было в шесть утра,
Тот миг был страшное мгновение,
Закрыли мужу Вы глаза.

Я руку мёртвую сжимала,
Прильнула к холодеющим губам,
Вы помогли не рухнуть у постели,
Спасибо, добрый доктор, Вам!

С тех пор Ваш образ доктора-подвижника,
Как образок в душе моей,
Как свечечка святая утешает,
Как память благодарная тех дней.

* * *

Теперь я стала ничья,
Старость злая хозяйка моя,
Придите душой, родные,
Во сне хоть побудьте со мной,
Мне так одиноко и трудно
В объятиях старости злой.

* * *

С возрастом тело стареет.
Медленно вянет оно,
А возраст душе — не помеха,
Но тело менять не дано.

Вот и соседствуют рядом,
Старость с душой молодой,
Где-то взгрустнётся, стерпится,
И пойдут по дороге одной.

Время шагает без отдыха,
Молодость в ногу идёт,
Старость устала, присела,
Душу на помощь зовёт.

Сердце душа утешает,
Прощается с ним, бодрит,
Бренное тело покинет,
Сама в небеса улетит.

Не плачьте больше, мои чувства

Любви знакомы множество оттенков,
От яркой, страстной, материнской до слепой.
Последняя обычно безрассудна,
Она не может быть иной.

Похоже, виденье пришло в час предрассветный,
Склонилось образом желанным надо мной,
Я в утешенье, в грёзы погрузилась,
Но быстро смыло всё слезой.

Не плачьте больше, мои чувства,
Огонь погас, не надо раздувать,
Вам зябко, холодно и грустно,
Для вас зима, пора и увядать.

Одиночество

Прильну к подушечке, как к плечу родному,
С ней буду ночью говорить,
Душой, без звука, тихо-тихо,
Молитву стану я творить.

Меня обнимет одеяло, в нём шерсть овечья,
Дух кавказских гор. В ней —
Пламень солнца матери-Армении, —
Она и греет, и ласкает до сих пор.

Мои воспоминания об Армении неизбывны. Хоть и пришлось пережить там блокаду, землетрясение, неустроенный быт и даже физическую боль... Всё это было. Всё — правда. Но Армения в моем сердце...

* * *

Горстка домишек с балконами,
Горы, вокруг тишина,
Церковь, тропинка к ней узкая,
Над ней колокольня-свеча.

Всё это вижу я памятью,
Слышу голос зурны,
Помню красивых горцев,
Вкус родниковой воды.

Всё это было, осталось,
Но я далеко живу,
О любви неизменной к Армении
Душой и сердцем пишу.

Передам я любовь в наследство,
Сберегите память мою,
Помяните меня в Армении,
И зажгите свечу свою.

Закон природы

Всё лето буйствует в цветеньи,
Природа жизни гимн поёт,
Подаст пример вослед идущим,
Достойных, лучших отберёт.

Природа — мать нам и Праматерь,
Мы — результат отбора в ней,
Процесс круговорота постоянный,
А мы — ростки его ветвей.

Не выбирают матерей, не исправляют,
Природа тоже — эталон,
Так берегите и любите,
Таков написанный закон.

Я испытываю постоянную радость от общения с природой. Наступает ощущение слияния, гармонии и покоя... Непрерывная изменчивость природы и одновременно постоянство ее вечных законов — всё это очень созвучно моему душевному состоянию.

ВРЕМЕНА ГОДА

Зимние грёзы

*Сквозь бурю снежную, в морозный тёмный день,
Мне вдруг пригрезилась цветущая сирень.*

Она дышала пряностью и зноем,
Раскинув ветви в небеса,
Такая буйная в цветеньи,
Вообразилась мне она.

И сразу сердце потеплело,
Мечтой к сирени я пошла,
Вся в грёзы лета погрузилась,
И стужа в сторону ушла.

Весна

Воробьи запели соловьями,
Вербы пробудились ото сна,
Брызнули бархотками своими,
Так уж подсказала им весна.

Следом все заторопились,
Солнышку подставили себя,
Тёплое, большое одеяло
Сбросила довольная земля.

Солнышком раскрылся одуванчик,
Травка не отстала — подросла,
Первая подснежная фиалка
Рядышком поспешно расцвела.

Музыкой капели одарили,
Ветер захмелевший подпевал,
Вешний шум многоголосья
Дивную симфонию играл.

Лето

Берёзы, качаясь, листвою шелестят,
Они меня знают, со мной говорят.

Над ними закат, полыхает заря,
А ветви берёз обнимают меня.

И полюшко детства травой шелестит,
И рядышком речка куда-то спешит,

На углях заката бледнеет заря,
А травка так нежно ласкает меня.

Погасло светило. Кругом тишина.
На небе Юпитер. На травке роса.

Смотрю на тропинку и вижу тебя.
Я знаю, по-прежнему любишь меня.

Осень

Красивы клёны в разноцветье,
Рябина красная висит,
Берёза листики роняет,
Осинка в трепете дрожит.

Мне так созвучно увяданье.
В душе слились восторг, печаль,
Закат мой тоже догорает,
За ним — неведомая даль...

* * *

*Коллеге, подруге — Татьяне Григорьевне
Старченко*

Спасибо, Танечка, за Ваш подарок!
За «хвостик заячий»*, за хлебный колосок,
В них вижу русское раздолье,
Природы слышу голосок.

Стоят перед глазами два букетика,
Они милей красавиц покупных,
Любуюсь, в памяти перебираю,
Красу просторов дорогих.

*С Татьяной Григорьевной мы дружны
много лет. Преподаватель 5-го
педучилища, методист, ныне она
на пенсии, но душа ее так молода!
Ее поддержка в неимоверно тяжёлые
дни моих утрат очень мне
дорога.*

Таинство

Энергия — загадка вдохновенья,
Свыше спускается ко мне,
Я в мысли, созерцанье погружаюсь,
И озарение приходит как во сне.

Добрая энергия рядом,
Таинство понять нам не дано,
Оно вокруг нас, с нами,
И в нашем окружении давно.

* Название невянувшей сухой травы.

Руки

Руки! Вы в детстве мир наивно познавали,
Ладшечки тянулись за мячом,
С любовью шею мамы обнимали,
Играли с зайчиком и солнечным лучом.

Потом карандаш сжимали в кулачок,
Чирикали и домик рисовали,
По клавишам любили побренчать
И песенку упорно подбирали.

Взрослели вместе вы со мной,
Трудились, тяжести таскали,
Ласкали первую любовь,
Детей и внуков пеленали.

Давно рояль ваш верный друг,
Он любит вас и многое прощает,
Когда вы спотыкаетесь в игре,
Настойчиво и долго помогает.

Вот и несутся руки и творят,
Приносят радость, щедро вдохновляют,
Их даже старость любит и щадит,
Бодрит и силу оставляет.

Мне хочется вас, рученьки, обнять,
Сыграть экстаз, порыв и прослезиться,
Без вас мне было б не прожить,
Позвольте вами восхититься!

В ответ на подаренный букет ромашек

Сергею Сергеевичу Шляхтенко

Вы принесли букет ромашек,
Родное поле, детство в них,
Они милей красавиц-эмигранток,
Цветов из Эквадора дорогих.

В подарке Вашем утешенье,
Я в трауре, по мужу я скорблю,
Смотрю на белые ромашки,
В них прошлое, которое люблю.

Спасибо Вам за Вашу душу,
И за поклоны каждому цветку,
Я доберусь до поля детства
И уроню свою слезу.

Не отцветёте в памяти моей

Хризантемы, гордые красавицы!
Любуюсь вами не спуская глаз!
Элегию я вам играю,
А рядом вижу, доктор, Вас.

Вы — несравненные цветы элиты,
В романах вы воспеты и в стихах,
С поклоном хризантемы подносили
В концертных залах, на балах.

Теперь вас музыкой я дома угощаю,
Порадовать хочу игрой своей,
Великолепны вы! Очаровательны!
Не отцветёте в памяти моей.

Я была ваша, вы были мои

Я была ваша, вы были мои,
Теперь я ничья, все вы ушли.
Вместе из детства мы в юность пришли,
Молодость, зрелость в любви пронесли.

Я была ваша, вы были мои,
Теперь я ничья, все вы ушли...

Нет, не согласна терять я вас,
Со мною вы в памяти каждый час,

Никто у меня не отнимет вас,
Живём в параллельном мире сейчас.

Земля-то ведь дом мой временный,
Буду и я у вас,
Встречайте, время подскажет,
Когда пройдёт мой час.

Вы тоже душой спускайтесь,
Ночью ко мне во сне,
Я обязательно встречу,
Только теперь при луне.

Где ты берёшь такую силу...

Леночке Добак

Я помню первое знакомство,
Больничную палату, тишину,
Мы через боль друг другу улыбнулись,
Хоть было нам нелегко.

А дальше сердцем потянулись,
Так стало просто и легко,
Как будто душу распахнули,
Как в душевной комнате окно.

Мне захотелось крикнуть от восторга!
Что за богатство, Леночка, в тебе,
Какая чистота, какое благородство,
Какая красота в душе!

Так не бывает в век двадцатый,
В своих желаньях так скромна,
Ты излучаешь благородство,
В тебе струится доброта.

Где ты берёшь такую силу
В несчастье людям помогать?

Забыв про боль и нездоровье,
Готова жизнь свою отдать.

На поле подлости житейском,
Где ложь, обман и клевета,
Ты тянешь руку, помогаешь,
О, как ты, Леночка, нужна!

Какое счастье быть с тобою,
Моя подруга трудных дней,
Я верю, будет правда с нами
Светить, как множество свечей.

Не говорить, а петь хочу я сердцем и душою,
Петь громко! Оду! Леночка, тебе!

Называл меня ты — Чиж...

*Однокласснику Олегу Тиги-Смирнову,
заслуженному авиатору конструкторского бюро
А.Н. Туполева*

Пришла к тебе, обнять могилу,
С душой нетленной говорить,
О детстве, юности, о школе,
Я не могу прошедшее забыть.

Перебираю в памяти я детство наше звонкое,
Такое оно чистое, и яркое, и громкое,
И юность, опалённую годами злой войны,
И чувства безответные, что в пору ту пришли.

О них сказать не смела я, и лишь в душе любя,
Безмолвно проводила я на фронт тебя.
Твою мордашку детскую я в медальоне маленьком
Носила долго, крадучись, я, в те года...

Дороги разбросали нас, измучила война,
Мы быстро стали взрослыми, спешили жить тогда.

В водовороте жизненном мы потерялись сразу,
И всё казалось конченным неопытному глазу.

Но смерч прошёл. Пришла Победа!
Жизнь обрела свои права.
Мы вышли на тропиночки, вдохнули воздух времени
И, догоняя прошлое, по ним пошли.

Всё завертелось бешено, казалось и прошло,
Но память не сдаётся, всё стучится,
А значит, прошлое живёт
И просит низко поклониться.

Вот и зажгу сейчас свечу,
Цветы поставлю на могиле,
Услышь меня, прошу, услышь!
Я — Валя-одноклассница, а называл меня ты — Чиж...

Душой проснись!

Проснувшись утром — не спеши вставать,
В раздумья погрузись и вспомни сон:
Что говорил, кого привёл, была ли ты при том,
Запомни всё, бывает вещей он.

Потом свой взор к окну направь,
И если плачет дождь — не возмутись!
Вставай, иди, спеши навстречу дню,
Душой проснись и помолись.

* * *

Мне приносят матнакаш,
Из армянских рук лаваш.
Чем же не Армения —
Такое окружение?
Я ведь — Гарегиновна,
Папа — армянин,
Муж мой, «князь армянский»,

Был за всех один.
Я ведь — Гарегиновна,
В этом моя суть,
И любовь к Армении
Через генный путь.

* * *

Заслону печали музыкой, стихами,
Так давно они со мной,
Верные, такие вдохновенные,
Обниму я их душой.

Позову я Музу в день печали,
Буду слушать голос неземной,
Распахну, раскрою свою душу,
Многое понятно ей одной.

Запишу в стихах её советы,
Ей сыграю праздничный хорал,
Неземная музыка ведь с нами,
Чудотворный голос Баху нашептал.

* * *

Память моя всё стучится,
Она как лампада горит,
Время её не погасит,
Пока моё сердце стучит.

Указатель имен

- Алейников П. 73, 79, 160
Ананян К. 38-39
Анатолий С.А. (*Светик*) 14, 15, 17, 21, 26, 27, 36, 52, 68, 69, 70, 77, 78, 82, 83, 171, 194, 198
Анашкин А.Ф. 44
Арутюнова А. 211
Ахматова А.А. 12, 14, 22, 24, 91, 109, 141
- Бабаджян А. 89
Баграмян И.Х. 91, 132-135
Балакин И.П. 51, 54, 55, 58, 59, 63, 64, 68
Балюкевич З. 48
Баневич В.В. 19
Бахтина Р. 19
Башинджагян Г. 92, 138-139
Башинджагян И.Г. 92, 138, 139
Башинджагян Н. 92
Бейлинсон В.Я. 75, 80, 159-168
Бейлинсон Вл.Я. 75, 159, 163, 164
Бейлинсон Я.Л. 72, 75, 159-168
Беляева З.М. 19
Богомолова А.А. (*тетя Аня*) 28, 36
Богомолова Е.А. (*тетя Катя*) 25, 26
Богомолова Р.А. (*монахиня Досифея*) 11, 12, 13, 14, 17, 21, 22, 23, 24, 25, 28, 29, 30, 31, 32, 142, 177
- Васильева Г.С. 180
Вознесенский Е.К. 19, 50, 54
Волостных А. 37, 39
Воробьев Н.И. 181
- Габикян К., епископ 150
Галкина З.И. 19
Ганка 49, 56
Гарегин, католикос 93, 146
Гарнец В. 33, 34
Гаспарян Г.Г. 144, 208
Геворгян М. 221
Геворкян А. 98
Гелана, внучка
Горбачев И.О. 79
Григорян С. 121
Гусаков П. 62
Гуськов В.Н. 12, 29
- Гуськов Н. 11
Гуськова В.Н. 12
Гуськова М.М. 12
- Давыдова В. 184
Джуганян Э.Я. 84, 85, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 95, 96, 98, 105, 214-215, 217, 229
Джуганян Я.И. 89
Добак Е. 245
Дубровицкий В.А. (*о. Владимир*) 32
Дубровицкая Л.В. 30, 32, 33, 157, 201
Дугин Н.А. (*дядя Коля*) 37
Дугина Е.В. (*тетя Женя*) 26
Дугина Л.Н. (*Милочка*) 26, 27, 30, 32, 33, 34, 36, 68, 69
Дудинская Н.М. 26
Дьячков 51
Елагина А. 184
Ерзнкян Акоп 104, 107
Ерзнкян Александр 105
Ерзнкян Арутюн 104
Ерзнкян (Джуганян) А.А. (*Анна Яковлевна*) 84, 85, 86, 88, 89, 90, 105
Ерзнкян Л.А. 103, 106
Ерзнкян С.А. 103, 105
- Зента Оттомаровна 67, 68
Зерекидзе Н.Н. 26, 69
- Иван, комбайнер 46, 47
Ильина З. 184
Ирина, дочь 67, 68, 69, 78, 210
Исакова (Чзмечьян) В.П. (*Валя*) 11
- Камалов А.Х. 44, 45, 47, 51
Капс (Чзмечьян) М.В. 11
Карапетян С.В., архитектор 96-97
Карапетян, профессор-геолог 90
Карженьянц Г.Ф. 109
Карпельцева Н.А. 172, 184
Карпов Л.Н. 13, 177
Кириллов М.И. 19
Кирсанова Н.А. 19
Кондратьев, архитектор 12, 13, 27
Конин 164, 166, 167

- Кочарян А. 143
Кузнецовы 26
Куроян Л. 124
- Лалаян Р.Л. 38, 96, 151-158
Лалаян С.Л. 38, 39, 96, 154, 155-156
«Левшаниха» 44, 45, 46, 47, 48, 49
Ленц К. 26, 33
Линд Е.А. 154
Литвинова В.П. 75
- Мазурова (Бейлинсон) А.М. 159, 163, 167
Малозёмова О.П. 5, 16, 17, 51, 53
Малхасян К.И. 125-131, 155
Манучарян В. 116
Марр Н.Я., академик 108
Мария, девочка-возница 43, 44
Марковская Г.Я. 82
Масленикова М.И. 19
Мацкевич М.И. 72, 160
Мериманова С.Г. 19
Меркурьев В.В. 73, 79, 160
Меружанян А.Л. 144, 145
Мецагунова Т. 28
Милеант А.Е. 75
о. Михаил 14
- Наджаров Э. 94
Наджарова Е.Ф. 109
Наджарова Н.Э. 109, 110
Нардуччи О.В. 13, 14, 15
Нардуччи (Хомутова) О.Н. 13, 14
Нарли В.Г. 52
Нарли М.А. 43, 44, 45, 46, 48, 49, 52, 53, 55, 56, 57, 58, 63, 66, 67
Нерсиян Езрас (о. Езрас), епископ 119, 120, 121, 140, 141, 142, 143, 144, 145, 146, 209
Нильсен В. 19, 25
- Оганджян С.С. 90, 132-137
Оджахан Н. 124
Озеров, профессор 17
Ольга Мартыновна 71, 72
Ольховский В.Р. 19
Орбели И.А. 11, 22, 24, 43, 94, 107, 108, 109, 111-112
Орлова Е.М. 19
- Папанин И.Д. 161, 162
Петров Н.Н. 113
- Печковский Н.К. 19, 26
Писаревская Б.М. 19
Плакс С.Н. 71
Подобедов, помещик 12
магушка Поликсена 25
Преображенская С.П. 19
Прокофьев А. 79
Прокофьева М.Г. 79
Проминская Н.А. 75
- Равинская М.В. 16
Ростропович М.Л. 91, 134, 135-137
Рябушева Анечка 185, 186
- Савранский Т.Г. 18
Саркисян С. 123
Саркисян Ю. 146
Сафаров Л.А. 120, 146
Сафарова Н. 146
Сахаровская Л. 184
Сашенька (Александра), внучка
Сваричевский И.В. (*Игорь Васильевич*) 62, 64-67, 68
Сейранян В.А. 121
Сергеева А.В. 82, 182
Сокольская С.И. 74
Солдатов Б.Ф. 14, 17, 36
Солдатов В.Б. 36
Солдатов И.Б. (*Игорь*) 14, 15, 26, 36, 70, 77, 171
Солдатов М.А. 36
Старченко Т.Г. 242
Стасик (Станислав), правнук 228
Степанова Т.И. 82
Ступишин В.П. 121
Сышко О. 184
- Торкановская Д.А. 6, 82, 182, 183, 204-205
Торкановский В.С. 182-183
Тер-Гевондян А.Г. 94, 108, 141
Тернер Б. 17, 40
Тиги-Смирнов О.Р. 246
Толстой Л.Н. 22
Толстая М.Н. 22
- Успенский Н.Д. 5, 17, 34, 39, 40
- Фёдоровы, учителя 14, 19, 25
Фрейслер А. 60

Хачатурян А.И. 89, 90
Худабашев (Худабашян) А. 110
Худабашян Н.А. 110
Худабашян Н.Н. (*Ната*) 36, 92, 96, 110, 224
Худабашян Грантик 224

Цицикян А.М. 91, 92, 108, 109
Цицикян М.Н. 91, 94, 107, 108

Чабукиани В.М. 26
Чзмечьян Г.М. 11, 107, 113
Чзмечьяны, однофамильцы 92

Шадринцев Иван, солдат 41

Шаляпин Ф.И. 12, 60

Шараповы

Александр Алексеевич, сын 8, 69, 71, 78

Алексей Панкратьевич (*Лёня*) 59, 60, 61,
63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 76, 77, 78,
80, 82, 83, 165, 191

Дмитрий Александрович, внук

Шишкина Н.В. 181

Шляхтенко С.С. 236, 243

Шульженко К.И. 85

Экекян Т. 90, 123, 124

Элиасберг К.И. 37

Эля и Лана Ш., ученицы 186, 187

СОДЕРЖАНИЕ

Джемма ТОРКАНОВСКАЯ. <i>Об авторе этой книги</i>	5
ПОВЕСТЬ МОЕЙ ЖИЗНИ	7
ГОДЫ. СУДЬБЫ. ЛЮДИ. Очерки	
Фамильная ветвь	103
Я обнимаю память... ..	107
Об Орбели	111
Движение памяти	112
В условиях жестокой блокады... ..	114
Дети — самое дорогое, что есть у народа	115
Слово ленинградки	117
Чтобы сохранить духовную связь... ..	119
Хватит кивать на блокаду!	122
Фестиваль в Уэльсе	123
100 лет в авиации (<i>О заслуженном штурмане-испытателе СССР</i> <i>К.И. Малхасяне</i>)	125
Адъютант маршала Баграмяна (<i>О Сергее Смбаговиче Оганджяняне</i>) . . .	132
Сердце Ростроповича	135
«В состоянии очарованности природой» (<i>О художнике Геворге</i> <i>Башинджагяне</i>)	138
Бесценная реликвия предков	140
О культурной ауре Армянской Церкви	141
Армянский квартал в Иерусалиме	147
Рузанна	151
Две сестры — две судьбы	154
Враг народа	159
ИЗ ПИСЕМ	169
СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ	
Молодость ушедшая, прошедшая... ..	191
Приведи в Ереван меня, память	214
Смотрю на белые ромашки... ..	233
Указатель имен	280

**Валентина Гарегиновна
ШАРАПОВА**
ПЕРЕДАЮ В НАСЛЕДСТВО ПАМЯТЬ

Составление, литературная обработка *Л. Выгодской*
Оформление и верстка *А. Портнова*
Редактор *Л. Наумова*
Корректор *Н. Григорьева*

Подписано в печать 07.12.2005. Формат 60x84 ¹/₁₆. Гарнитура Minion.
Тираж 100 экз. Заказ 236.

Издательство «Петербург — XXI век».
196070, СПб., Московский пр., 163, корп. 2, офис 306.
Тел. (812) 388-64-31.